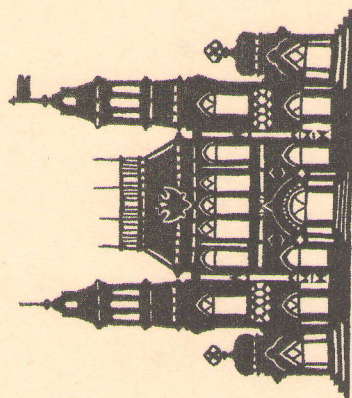

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ АНЕКДОТ

Чтения по региональной казуальной истории

Выпуск восьмой

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВПО «ШУЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ»

ФП «НАУЧНЫЕ И НАУЧНО-
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ КАДРЫ
ИННОВАЦИОННОЙ РОССИИ»
НА 2009-2013 ГОДЫ

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ АНЕКДОТ

Чтения по региональной казуальной истории
Выпуск восьмой

Шуя 2011

УДК 94 (470.315). 08
ББК 63.3 (2-2 Ив)
У 32

Печатается по решению редакционно-издательского совета ФГБОУ ВПО «Шуйский государственный педагогический университет»

Научный редактор

доктор исторических наук Ю.А. Иванов

Провинциальный анекдот: Чтения по региональной казуальной истории. Выпуск VIII. – Шуй: Изд-во ФГБОУ ВПО «ШГПУ», 2011. – 138 с.

ISBN 978-5-86229-224-4

В сборнике представлены материалы XII Чтений по региональной казуальной истории «Уездная старина», проводимых в 2010 г. ФГБОУ ВПО «Шуйский государственный педагогический университет» и МУК «Литературно-краеведческий музей Константина Балмонта» г.о. Шуй.

Авторов сборника – историков, литературоведов, краеведов и музейных работников объединяет не только «пространство-время» – Шуйский уезд Владимирской губернии в XIX-начале XX в., но и общие представления о значимости истории повседневности, «микроистории» для знания о нашем историческом прошлом. Об этом раздел сборника «Шуйская старина».

Раздел «В уездном городе N» знакомит с уездной жизнью соседних губерний, раздел «Записки провинциалов: век XX» содержит свидетельства очевидцев о прошедшем XX веке.

Книга адресована широкому кругу читателей.

Сборник издан в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы ГК № П 1142 от 02 июня 2010 г.

ISBN 978-5-86229-224-4

*В оформлении обложки использован фрагмент вырезки
Капитона Воробьева – уроженца деревни Тепляково Шуйского уезда.*

© Коллектив авторов, 2011
© ФГБОУ ВПО «ШГПУ», 2011

ШУЙСКАЯ СТАРИНА

Б. Л. МАКАРЬЯНЦ
(г. Саров)

КРАТКИЙ ОБЗОР РУКОПИСНЫХ ИСТОЧНИКОВ СКАЗАНИЯ О ШУЙСКОЙ ИКОНЕ БОГОМАТЕРИ¹

Историю чудотворной иконы Богородицы из Шуй сохранило для потомков древнее Сказание о событиях, связанных с обретением этой святыни. Созданное в середине XVII века (1666-67), Сказание о Шуйской иконе Богородицы первоначально распространялось в рукописных копиях, нередко с добавлением новых случаев благодатной помощи. Широкоую известность оно получило через два столетия в связи с публикацией местной рукописи Петром Гундобиным (Москва, 1862). В книге, посвящённой Воскресенскому собору города Шуй, среди его достопримечательностей составитель особо отметил две рукописи Сказания, датировав их 1765-м и 1800-м годами. В приложении помещен полный текст рукописи 1800 г. на старославянском языке. Отдельной книгой Сказание было издано в Шуйе через два десятилетия (1883) в русском переводе иерея Евлампия Правдина.

Современная академическая наука (А. Ebbinghaus, 1990) высказывает сомнения в документальности Сказания и представляет этот текст поздней литературной легендой XVIII века. Частично такой же вывод следует из датировки рукописей по П. Гундобину. Дм. Буланин (2004), работавший со списком Сказания XVII века, оспаривает это положение и находит в описаниях исцелений признаки раннего шуйского происхождения первоисточника. Ещё один исследователь Сказания, Н. Никонов/Соколов (2008), ссылаясь на текст Похвального Слова, неизвестного в Шуйе, предполагает московское происхождение текста.

В целях восстановления исторической действительности потребовалось обращение к рукописным источникам из фондов российских архивов. К сожалению, местонахождение подлинных шуйских рукописей неизвестно, они утрачены в конце 30-х годов XX века при закрытии Воскресенского собора. И всё же собранные сведения позволяют сделать ряд обобщений, которые и выносятся на суд уважаемых читателей.

В публикациях последнего времени обращает внимание недостаток исторических сведений о Шуйской иконе Божией Матери. Встречаются утверждения, что эта икона не имела широкого признания и оставалась исключительным местночтимой святыней. Недоумения также возникают при обсуждении искусствоведом ранних икон подобного извода (датируются XVI-XVII вв.), но какой титул они носили прежде Шуйских событий 1667 года, достоверно не известно. Данное сообщение в основном касается истории иконы, а не истории иконографии. В связи с этим необходимо вспомнить, что российская слава чудотворной иконы *Божией Матери из Шуй* возрастала в 4 этапа.

Первый – во время эпидемии чумы 1654 года, когда небольшая крепость Шуя была спасена от полного опустошения многими молитвами к *иконе Божией Матери*. К этому этапу примыкают известные события 1666–1667 годов, завершившиеся соборным богослужением в посадском храме Воскресения Христова под началом архиепископа Суздальского Стефана и общецерковным прославлением иконы. Празднование чудотворной *явленной* иконе было установлено 28 июля.

Второй этап связан с эпидемией той же особо опасной инфекции 1770–1772 годов, когда в селе Павлово на Оке прекращением эпидемии прославилась *стихос* чудотворной иконы Божией Матери из Шуи. В память Павловского чуда была установлена *особая дата* празднования 2 ноября.

Третий этап можно отнести к событиям 1831 года, когда благодать чудотворной иконы из Шуи (и её списков) помогла жителям Верхнего Поволжья пережить эпидемию холеры. С 1831 года в честь Шуйского извода установлено *дополнительное*² празднование 11 июля.

Четвёртый этап можно отнести к событиям 1922 года, когда Россию поразил эпидемия совершенно другого свойства. Шуйский Воскресенский собор и его главная святыня оказались в эпицентре тех, недоброй памяти, событий. В ответ на провокационные действия властей по изъятию церковных ценностей митрофорный протоиерей Николай Миловский (*настоятель Ризоположенской церкви у Донского монастыря в Москве*) в 1924 году составил *особую Службу* Шуйской иконе Божией Матери, включившую несколько фрагментов древнего Сказания о чудотворной иконе из Шуи. Вдохновителем создания этой Службы можно назвать Патриарха Тихона. А благословение Службы к общецерковному употреблению дал 31 июля 1925 года митрополит Крутицкий Петр, местоблюститель Патриаршего Престола.

Возвращаясь к основной теме сообщения, следует отметить, что полное Сказание о Шуйской иконе Богородицы представляет собой *состав из нескольких неоднородных частей*. Именно эта особенность позволяет примыкать вышеуказанные точки зрения на происхождение текста Сказания. В шуйском первоисточнике выделяются 4 части: *повесть* о событиях 1654/55 года, с кратким предисловием к событиям 1666/67 года, *молебствие*, составленное ко дню прославления (28 июля 1667 года), *первоначальная запись* исцелений за 6 месяцев 1666/67 года (общим числом 85) и *дополнительная* поздняя запись исцелений спустя столетие (от 24 до 31 в разных списках).

Ещё один текст (из рукописи ГПБ Q.XVII.79) датируется концом XVII века и представляет собой *Похвальное Слово*, написанное стилем торжественного красноречия.

Подобная структура Сказания о Шуйской иконе Богородицы не является исключительной и отражает общую традицию письменной культуры России XVII века (достаточно вспомнить Сказание о Тихвинской иконе Богородицы). По нашим наблюдениям, *повесть* и ранняя часть *ростиса чудес* имеют местное происхождение. *Молебствие* и *Похвальное слово*, изложенные с богословской риторикой, предполагают иное авторство. Текст *молебствия*

составлен, вероятно, архиепископом Стефаном и прочитан 28 июля 1667 года в Шуе. *Похвальное слово* по существу является аналогом Акафиста новоявленной иконе. Поздняя часть *ростиса чудес* сохранилась в трёх редакциях и значительно переработана переписчиками, но следует уточнить, что возобновил эти записи шуйский соборный протопоп Матвей Васильев (с 1768 года).

Далее для подтверждения сказанного следует обратиться к сохранившимся документам по истории чудотворной иконы Божией Матери из Шуи. В российских архивах хранятся ряд рукописей XVII–XVIII веков, содержащих Сказание о Шуйской иконе Божией Матери, с различным числом благодатных исцелений (от 40 до 118 в разных вариантах), а также фрагменты деловой переписки XVII века.

В *текстах XVII столетия* (Шуя³ и Санкт-Петербург) основные части Сказания (повесть, молебствие и ранняя часть «ростиса чудес») практически неизменны. В глазах современников они имели особый статус, выдержав самое строгое испытание перед лицом архиепископа Стефана и его комиссии.

О происхождении первоисточника убедительно свидетельствует следующий фрагмент Сказания (приводится в адаптированном виде): «и не ведано на кого *указати, иже бы не исповедался и не причастился Сятого тела, и Сятыя крови Христовы, в то смертоносие здесь в приходе*». Эти слова из повести, высказанные от первого лица, указывают на приходского священника, очевидца трагических событий и подтверждают мнение Дм. Буланина о местном происхождении этой части Сказания. Предположительно *автором новести* можно назвать настоятеля Воскресенской церкви отца Алексея Иванова. В ходе событий осени 1654/55 года и позже, в 1666–67 годах, он показал высокое усердие в исполнении духовного долга, что нашло отражение в документах того времени.

Книга свидетельства 1667 года, составленная комиссией архиепископа Стефана, подтвердила большинство фактов благодатного пособия из ростиса чудес, представленной клириками посадской церкви, и способствовала общецерковному прославлению новой иконы Божией Матери из Шуи, а также включению её в архетип Одититрии. Во время торжественного архиерейского Богослужения 28 июля 1667 года члены комиссии стали очевидцами ещё трёх ярких исцелений, о чём сделана соответствующая запись в этой книге, удостоверяющая подписями духовных властей.

8 *древних актов*, связанных с чудотворной иконой Богоматери из Шуи известны по публикациям шуйского краеведа Владимира Борисова середины XIX столетия. Они представляют собой переписку между Москвой, Суздалем и Шуей за июль–август 1667 года и отражают основные этапы делопроизводства о прославлении новой чудотворной иконы. Наиболее ценные исторические сведения содержатся в отчёте архиепископа Стефана патриарху Иоасафу, который отражает в деталях работу комиссии в Шуе. Известно, что архиепископ Стефан был пожалован саккосом и эта особая честь впоследствии подтверждалась грамотами российских Патриархов Иоасафа II и Питирима.

Весь корпус этих документов подтверждает историческую достоверность текста Сказания и раннее местное происхождение основных его частей.

Среди рукописей XVIII столетия встречаются как полные копии шуйского текста, так и сокращённые варианты. Текст Павловской рукописи Сказания (1771 года) в сравнении с опубликованным вариантом 1800 года имеет ряд особенностей, восходящих к древнему шуйскому первоисточнику. Наиболее веским доказательством такой преемственности служит тот факт, что в молебственной части иначе представлена последовательность Царской фамилии, которая соотносится только с семьёй Царя Алексея Михайловича. Павловская рукопись в поздней части содержит ряд неизвестных по публикациям эпизодов и объединяет 31 запись об исцелениях 1765-1771 гг.

Текст рукописи из Саровской пустыни, (1783 года) также имеет ряд особенностей. В повести здесь впервые приводится предание о «самоначертанном рисовании» иконы. Саровская рукопись выделяется среди аналогов прибавлением 3 новых эпизодов 1782 года. Из них наиболее подробно изложено чудо о соборном священнике Иакове, совершившемся в Шуе в Неделю Торжества Православия.

Важное дополнение Саровской рукописи – Служба празднику «Явления чудотворной иконы Смоленския Шуйския Пресвятыя Богородицы и Присно Девы Марии честнаго и славнаго Ея Одигитрии яже обретается в Шуйском соборе». Этот богослужебный текст по содержанию соответствует Службе, совершаемой и поныне 28 июля в честь иконы Божией Матери Одигитрии⁴.

Заглавие Службы из Саровской рукописи свидетельствует, что шуйские события впоследствии удостоились высокой чести и были отмечены священноначалием Русской Церкви как особый праздник Смоленской иконы Пресвятой Богородицы, а именно как праздник Явления иконы. Обретение иконы, по преданию, произошло в октябре 1654 года, что нашло отражение в минейной иконе XIX века (на октябрь), где на полях можно увидеть клеймо с образом Божией Матери Шуйской.

Служба Смоленской иконе Пресвятой Богородицы, видимо, дополнительно отправлялась 11 июля (с 1690 года) и 2 ноября (с 1772 года), т.е. в дни празднования Шуйской тезоименитой иконе в тех храмах, где имелись престол или чтимый список иконы. Но литургические тексты Синодального пения не содержат примеров духовных песнопений, прославляющих именно Шуйскую святыню. Сожаление архиепископа Стефана из молебствия 28 июля 1667 года «как Тебе праздник честен составим» ещё долго не находило достойного утешения. Только в 1925 году 2/15 ноября празднование Шуйской иконе Пресвятой Богородицы было совершено по новому тексту митрофорного протоиерея Николая Миловского, питомца Шуйского духовного училища и Московской духовной академии.

В рукописных копиях XVIII столетия представлены не только полные (как Павловский и Саровский), но и сокращённые варианты Сказания. Такие

тексты повторяют повесть о явлении иконы, но включают только основные 40 исцелений от чудотворной иконы из Шуй, именно те, что предание связывает с днём праздника Одигитрии. Это было своеобразным напоминанием о преемственности двух праздников: древнего праздника Одигитрии Смоленской и нового праздника Явления чудотворной иконы в Шуе. Краткий список Сказания из фондов ГИМ (собрание Забелина), датированный 1766 годом, по традициям благочестия также дополнен Службой праздника иконе Божией Матери Смоленской.

Из деловых документов XVIII и XVIII веков известны только Акты местного значения (по Шуе и Ярославлю). Но свидетельством официального прославления и широкого почитания чудотворной иконы из Шуй, кроме названного рукописного фонда, служит ряд памятников архитектуры и станковой живописи XVII-XIX вв.

С первым этапом общероссийской славы Одигитрии Шуйской связано освящение престолов в честь этой иконы не только в Шуе, но и в Ярославле, где во второй половине XVII века усердием священника Иоанникия по благословию Ростовского митрополита Ионы Сысоевича были устроены два престола в честь новой чудотворной иконы из Шуй. В 1673г. – освящён и сделан главный престол в церкви Дмитрия Солунского (престольный праздник 28 июля). В 1690г. – освящён главный престол в церкви Иоанна Златоуста, что в Рубленом городе (престольный праздник 11 июля)⁵. Создание второго главного престола в честь Шуйской иконы Богородицы состоялось участием купца-благотворителя Ивана Абросимова и попечением отца Иоанникия, ставшего к тому времени соборным протоиереем, а также показало меру благочестия митрополита Ионы Сысоевича.

Меру Царского благочестия свидетельствует известная церковь Одигитрии в Вязьме. По вяземским писцовым книгам её строительство (1673 год) совпадает по времени с возведением церкви Дмитрия Солунского в Ярославле, по прямому дозволению Алексея Михайловича. Строительство московскими мастерами новой церкви в Вязьме, занимавшей особое место в жизни этого Государя, можно объяснить заботой Царя о достойном почитании иконы Божией Матери Одигитрии. Несколько раньше была возведена деревянная (обыденная?) церковь во славу Смоленской иконы Божией Матери в освобождённом Смоленске (1655).

Меру благочестия митрополита Суздальского Иллариона в отношении прославившейся в этой епархии иконы Богородицы отражает повышение статуса посадского Воскресенского храма в Шуе до соборного (около 1690 года), а также возведение храма Смоленской иконы Богородицы в Суздале (окончен 1696).

Среди списков шуйского протографа выделяется икона Богородицы Шуйской из собрания ГТГ. Здесь заметны признаки причисления иконы из Шуй к архетипу Одигитрии. Об этом свидетельствуют клейма с Архангелами и новая прорись⁶. По оценкам научных сотрудников ГТГ икона выполнена мастером Оружейной палаты Кремля, написана в последнее десятилетие XVII

века и точно повторяет размер протографа из Шуи. В ранних вариантах икон, относимых искусствоведами к условно-Шуйскому изводу (XV-XVI вв.), крупный (храмовый) размер доски не встречается. Поступление иконы в ГТГ, по архивным источникам, произошло в августе 1937 года из Ярославского краеведческого музея⁷.

Со вторым (павловским) этапом русской славы Шуйской иконы Богородицы можно соотносить появление ещё *двух престолов* в честь чудотворного образа Божией Матери из Шуи. Один из них, придельный, был устроен в Свято-Казанской церкви Нижнего Новгорода (1798 г., *престольный праздник не уточнён*), позднее приписанной Крестовоздвиженскому девичьему монастырю. Другой престол, также придельный (около 1778 г., *престольный праздник 28 июля*), был устроен в Христорождественском соборе города Коврова, где почиталась древняя икона Божией Матери Шуйского извода (XVI в.), в просторечии именуемая Ковровской⁸.

Анализ ряда икон Богородицы Шуйской конца XVIII в. свидетельствует о формировании в этот период времени упрощённого *варианта прориси* Шуйского извода. Она просматривается в работах холуйской, павловской, ярославской и других иконописных школ.

Третий этап почитания Шуйской иконы Богородицы в России приходится, как уже сказано, на XIX столетие и отмечен не только усердием местных краеведов, но и вниманием столичных богословов и иконописцев. Дополнительное празднование Шуйскому изводу 11 июля отражено в ряде иконописных сводов чудотворных и явленных Богородичных икон. На своде чудотворных икон Божией Матери из ГТГ можно увидеть два малых клейма, подписанных титулом Шуйской. Одно из них соотносится с протографом из Шуи, другое – с Павловским списком.

К этому периоду примыкает также написание полномасштабной копии чудотворной иконы из Шуи для одного из храмов г. Кинешмы (ныне в Галерее фонда поколений, г. Ханты-Мансийск). На иконе можно различить признаки *местной прориси*, сохранившей особенности протографа из Шуи.

В целом, сопоставляя архитектурное, живописное и письменное наследие, можно документально показать *широкое общероссийское почитание чудотворного образа Божией Матери из Шуи*. География почитания иконы не ограничивается верхним Поволжьем и бассейнами рек Оки и Клязьмы, есть свидетельства почитания шуйской святыни в Твери, Казани, Чувашии, Москве и Подмоскowie.

В Санкт-Петербурге в 1911 г. древний список иконы (1655г.?)⁹ был пожертвован к освящению храма-памятника «Спаса на водах» Ольгой Константиновной (Романовой), королевой Греции. В тот же период, в ходе подготовки празднования 300-летия дома Романовых, придельный престол в честь Шуйской иконы Божией Матери из северной галереи Троицкого собора Ипатьевского монастыря Костромы (устроен в 1879 г.) был перемещён в Зелёную башню монастыря, преобразованную ради этого события в церковь (с 1912 г.).

В среде русских эмигрантов в наши дни известны почитаемые списки Шуйской иконы Богородицы в Сан-Франциско и в Нью-Мехико. Несколько икон Шуйского извода можно увидеть в частных собраниях икон в Германии (галерея St.Nahn) и Англии. В современной России следует упомянуть возвращение иконы Шуйской Смоленской Божией Матери XVIII века в Блаженненский монастырь г. Вязники Владимирской области. Преемницей древней чудотворной иконы в Воскресенском соборе г. Шуи в настоящее время пребывает уменьшенный список Шуйской иконы Божией Матери (XIX в.), подаренный Патриархом Алексием II во время посещения Шуи в 1993 году.

В заключение – небольшая цитата из «*Чуда о священнике Иакове*» по Саровской рукописи, оставшегося неопубликованным, видимо, по цензурным правилам того времени. Наказанный тяжёлым недугом за сомнения в благодатной силе иконы из Шуйского Воскресенского собора, но впоследствии вымоливший себе прощение, этот священник так свидетельствовал в церкви о полученном вразумлении: «*Аз, отцы и братья, слыша глас от чудесной иконы сице: "се, исцелен еси ты вчера в день Православия. Веруй быти благодати и чудесам от иконы моея и веруй быти благодати во святых церквах. Понесе ныне мнози ереси и развраты, и не веруют быти благодати во святых церквах, ниже веруют быти благодати от святых икон. Веруй – быти, жсть и будет до окончания века"*».

Далее рассказчик излагает ответные действия соборного протоиерея на эти события: «*И се протопол слыша, повеле звону быти. На внезапные звонь сндошася градоначальники и градские священники и купно все молебное пение совершивше Пресвятей Богородице, и разыдошася в дома своя радующеся*».

Пожалуй, нет необходимости комментировать достоинства приведённой цитаты, но приходится всё же посетовать, что эта рукопись, хранящая в себе истинные московского архива, невольно воспринимается как письмо «до востребования», заждавшееся своего адресата.

Составитель выражает благодарность за консультации и помощь в работе Н. В. Пивоваровой, Дм. Буланнику, Е. И. Серебряковой, Дм. Кантову, Н. Б. Федотову, Н. Л. Остринской.

⁷ Основу данного материала составляет сообщение на XIX конференции ПСТГУ (январь 2009, Москва).

⁸ Первоначально эта дата была престольным праздником в ярославской церкви в честь свт. Иоанна Златоуста, располагавшейся в Кремле, рядом с Успенским собором. Новый престол в честь Шуйской иконы Богородицы в этой церкви был устроен в 1690 году иждивением ростовского митрополита Ионы III (Сысоевича) и сделан главным. Позже, с 1831 года (по данным прот. Иоанна Бухарева, 1901), внесение этой даты в Месаслов Священного Синода сделало её общероссийским достоянием.

⁹ Подлинник рукописи утрачен в конце 30-х годов XX века, но древнее происхождение шуйского текста (современные события 1654-1667гг.) не вызывает сомнений у большинства исследователей.

¹⁰ Русская Служба Смоленской иконе Пресвятой Богородицы (Одигитрии) составлена в начале XVI века (около 1525г.?). Часть материалов этой Службы заимствована из особых, не минейных,

греческих последовании. Включённый в состав Службы канон инок Игнатия относится к IX веку и построен по образу Акафиста. (по Ф. Г. Спасскому, *Русское литургическое богословие, Париж, 1951, с. 132-133*).

⁵ 1690 г., вероятно, – год причисления иконы из Шуи к архетипу Одигитрии. Следуя цитате из Похвального слова: «Радуется *днесь Церковь восточная*, яко дадеся ей <...> Богоматере икона чудотворная». То есть икона здесь почитается не как общероссийская святая, а как святая Восточной Церкви.

⁶ Прорис обнаружена в Палехе и опубликована Г. Филимоновым в Сводном толковом иконописном подлиннике XVIII века (1874г.). Она полностью соответствует упомянутой иконе из ГТГ за исключением двух деталей – на прориси из Палеха нет клейм с Архангелами, а также акцентированная двуперстная сложная десница Спасителя.

⁷ В работе Кочеткова И. А. «Иконы из Ростова в собрании Третьяковской галереи» (ИКРЗ, Ростов, 1995) икона упоминается в описи как часть «Ростовской коллекции», отобранной для хранения в стилистических музеях. Но автор отмечает несоответствие в описи номера экспоната и его описания. Нельзя исключить утрату одного из памятников станковой живописи и восполнение коллекции экспонатом из фондов Ярославского музея, где «Ростовская коллекция» находилась на временном хранении перед отправкой в Москву.

⁸ Утраченная в 1930-е годы, эта икона была найдена в 1963 году и передана на временное хранение во Владимиро-Суздальский музей-заповедник. В 1999 году прихожане Христорождественского собора г. Коврова подняли вопрос о возвращении святыни в родные стены, но в настоящее время икона находится на музейном хранении.

⁹ Дата прописана на древке иконы, но искусствоведы ГРМ считают надпись правленной и датируют опусок более осторожно концом XVII века.

Приложение 1: комментарий по датам празднования Шуйской иконе Божией Матери

Может быть, никакая другая икона Божией Матери из прославившихся в России, не имеет такого числа календарных памятей, как Шуйская-Смоленская икона Пресвятой Богородицы. За давностью лет, в ряде изданий накопились неточности при указании памятей чудотворной явленной иконы Пресвятой Богородицы из Шуи. Собственно даты празднования указаны верно, но сопроводительный комментарий во многих случаях требует правки. Вот как суммируются в новом энциклопедическом словаре сведения из ряда изданий XIX столетия о датах празднования этой иконе Божией Матери:

«Одигитрия» Шуйская: 11 июля (*нет комментария); 28 июля (память избавления от холеры 1831 года - *неточность); 2 ноября (память избавления от мора 1654 – 1655гг - *неточность); Вторник Светлой седмицы (память первого чуда от образа - *неточность); 2-е Воскресенье по Пятидесятнице (*нет комментария).

[Словарь «Христианство», п/ред. Аверинцева С.С. – М., 1995, т. 3, с. 572].

Причина расхождения видится в том, что при обобщении календарных дат из разных источников, составители не делали разграничения памятей иконы из Шуи и памятей всего Шуйского извода. В тексте данного сообщения (см. выше) сделана попытка восстановить хронологию событий и исправить неточности в соотношении дат и исторических фактов.

В календарных заметках епископа Ковровского Афанасия (Сахарова), глубоко чтившего шуйскую святую, трофарь иконе полагалось пропеть в следующие дни богослужебного годового круга: «ноября 2, июля 28, во Вторник Пасхи; в неделю 2-ю по Пятидесятнице».

[Архив Владимиро-Суздальской епархии, фонд еп. Афанасия. Оп. III / 1. Д.8. Л.113.] По уточнённым данным, с учётом заметок краеведов XIX и XX столетия, празднование Шуйской иконе Пресвятой Богородицы в России совершалось до 6 раз в течение года:

1-ое Воскресенье Петрова поста (или 2-я неделя в Пятидесятнице - в память чумы 1654-55 гг., совпадает с Ростовской традицией крестного хода в этот день). Гундобин П. И. Описание Воскресенского собора города Шуи. М., 1862. Евламий Правдин, иерей, Описание Шуи и Шуйских церквей, Шуя, 1884. Булгаков С. В. Русские монастыри в 1913 году.

28 июля (московская в честь Одигитрии Смоленской с 1525г., и шуйская с 1667г.), Гундобин П. И. Описание Воскресен. собора ... М., 1862. Евламий Правдин, иерей, Описание Шуи ..., Шуя, 1884.

11 июля (ярославская с 1690г), и 10 июня (ярославская – XIX век?), Крылов А. Церковно-археологическое описание города Ярославля. Яр., 1860. Рутман Т. А. Храмы и святыни Ярославля. Яр., 2008.

Вторник Светлой седмицы (знак причисления иконы из Шуи к архетипу Одигитрии, по процессуальным нормам, решением Патриарха, около 1690г). Лядов И. Историческая записка о городе Шуе – М., 1863; ярославская икона Шуйского извода из ГТГ и Похвальное слово XVII века (ковенно).

2 ноября (павловская и общероссийская), 1771. Иоасаф Гапонов, иеромонах, О святых иконах, особо чтимых, находящихся во Владимирской епархии, Владимир. 1859. Гундобин П. И. Описание Воскресенского собора... М., 1862. Смирнов Н. Павлово и Ворса – М., 1864.

11 июля с 1831г. становится общероссийской. Чудотворные иконы Пресвятой Богородицы, сост. прот. Иоанн (Бухарев), М., 1901, С.92.

Иерей Евламий Правдин (1884) сообщил ещё одну шуйскую (местную) традицию, связанную с народным бедствием 1654/55 года: малый крестный ход 1-го сентября (день начала эпидемии в Шуе) с чудотворной Шуйской-Смоленской иконой Божией Матери от Воскресенского собора до Спаского храма к обетному Животворящему Кресту.

Приложение 2: Акты XVII века по истории чудотворной иконы Божией Матери из Шуи:

Подлинник «Росписи чудес» из Шуи, переданный в Патриарший разряд митрополиту Сарскому и Подольскому Павлу 21 октября 1667 года. (Акты Яёне 86, 90, 92 по В. Борисову, 1851). 103 чуда.

Подробно проверен комиссией архиепископа Стефана в июле 1667 года.

ГНМ, собр. Уварова, Д. 196, Книга свидетельства чудотворного образа Пречистой Богородицы Одигитрии и чудесем, что в Шуе, 74 листа, подлинник. (27-28 июля 1667г). Дознание по «росписи чудес» из Шуи с рассмотрением всех 103 эпизодов (дополнение из 3 чудес от 28 июля 1667).

Упоминается архимандритом Леонидом (Кавелиным) в 1894г. Обсуждается в работах А. Еbbinghaus, (Берлин, 1990), Дм. Буланина (2004) и Н. Никонова/Соколова (2008). Рукопись не опубликована.

В деловых актах (июль-август 1667 года), опубликованы В. Борисовым (1845, 1851). Переписка между Московской, Суздальем и Шуйей отражает этапы делопроизводства о прославлении новой чудотворной иконы. Два документа хранились в ризнице Воскресенского собора г. Шуи, утрачены в конце 30-х годов XX в.

Челобитные и Сказы 1667-1669 годов, оставшиеся неопубликованными. СПФИРИ РАН, коллекция В. Борисова, № 440, 441, 448, 471. (По данным Е.Г. Волилина и В.И. Баделина, 2002).

Челобитная 1673 г. преосвященному Ионе, митрополиту Ростовскому и Ярославскому, Димитриевского пола Иоанникия о дозволении освятить новопостроенную церковь Смоленской и Шуйской Божией Матери с приделами св. вмч. Димитрия Солунского и Георгия Победоносца. (по ЯЕВ. 1894. С. 278-280).

Сказание и роспись чудес в списках XVII века:

Сказание и роспись чудес, хранившиеся в Воскресенском соборе г. Шуи, позже дополненные (1768-1771) и датированные 1765 годом (по П. Гундобину, 1862). 85 чудес + 24 (1765-71гг). Послужили образцом для рукописи 1771 года (Павлово на Оке). Предположительно, это фрагмент подлинника, составленного в 1666-1667 годах священником посадского Воскресенского храма Алексием Ивановым.

Список Сказаний из ГТБ Q.XVII.79, л. 72-173. (СПб), упоминается Дм. Буланиным (2004), дополнен Похвальным словом (публикация Н. Никонова/Соколова, 2008). 85 чудес (соответствуют публикации П. Гундобина в ранней части чудесной росписи от 1666-67гг.).

Список Сказаний, упомянутый Симеоном Моховиковым в рукописи 1715-16гг (2 экземпляра: ГИМ и МГУ). Ресурсы Моховикова: Чти полное «120 чудес», (из библиотеки Благовещенского собора Кремля?).

Павловский Краеведческий музей. № 8510. (г. Павлово-на-Оке). Чудо Пресвятой Богородицы Смоленской. Рукопись 1771 года, упоминается Н. Смирновым (1864), исследована Н. Артемьевым (1997) и Н. Федотовым (2005). 85 чудес + 31 (1765-71гг.). Рукопись не опубликована.

РГАДА Ф.357 Оп.1 Д. 109 Сказание о Шуйской иконе Божией Матери, список 1783 года. Рукопись из библиотечки Саровской пустыни. (И.Л. Жучкова, 1985). 85 чудес + 30 (1765-71гг.) + 3 (1782г.). Составитель, вероятно, иеромонах Исайя (Зубков), впоследствии настоятель Саровской пустыни. Открывается Службой празднику «Явления чудотворной иконы Смоленская Шуйская Пресвятыя Богородицы и Присно Девы Марии честнаго и славнаго Ея Одигитрия яже обретается в Шуйском соборе».

Список 1766 года из ГИМ собр. Забелина Д. 471 л. 73 и далее. (А. Еbbinghaus, 1990). 40 чудес. Также дополнен текстом праздничной Службы.

Список из ГИЛ собр. Никифорова Д. 136 л. 37-65об. (А. Еbbinghaus, 1990). 40 чудес. Содержит развёрнутое описание событий в Шую на 30 листах, с описанием обета о написании иконы, крестного хода, молебна и передачи иконы в посадскую церковь.

Вторая шуйская редакция 1799-1800 гг., составлена протоиереем Алексеем Никитским, позднее опубликована П. Гундобиным (1862) и повторно опубликована в русском адаптированном переводе иереем Евлантием Правдиным (1883). 85 чудес + 24 (1765-71гг.).

Шуйские рукописные списки (по шрифту – скоропись и устав), упомянутые В. Борисовым (1852).

РГИА Ф.834. Оп.2. Д. 1787, 1788. Рукописи иеромонаха Иоасафа (Галонова) 1853 г. Воспроизводит ряд Акт о чудесах Шуйской Смоленской иконы Богоматери, 1660-х гг. (А.И. Раздорский, 2003).

РГБ Ф. 304 II (ТСЛ). Д. 246. Сборник повестей, сказаний об иконах Богородицы и др. Составной, XVIII и XIX вв. *Краткая повесть о Шуйской иконе Божией Матери* (Л 187-188). Повесть использована профессором МДА П.С. Казанским при составлении краткого очерка о Шуйской иконе (1853).

Приложение 3: Три исцеления 28 июля 1667 года, ГИМ, собр. Уварова, Д.196, Дл 70-72об., (из Книги свидетельства чудотворного образа Пречистыя Богородицы Одигитрия и чудесем, что в Шую)

Лета 1715 (1667) июля в 27 день по указу Великого Государя Царя и Великого князя Алексея Михайловича всея Великия и малыя и белыя России Самодержца и по благословению Великого Господина Святейшего Иоасафа Патриарха Московского и всея Руси и всего освещенного собора как приехали в Шую Преосвященный Стефан архиепископ со архимандриты и игумены и протопопом и пришли к соборные церкви Покрова Пречистей Богородицы в церковь Воскресения Христова со кресты и пели молебен и в то время Володимирского уезду вотчины Самсона Бутурлина села Палеуху деревни Сидоровки дева Васца Иванова дочь сказала не видела де я очии двадцать лет а сего числа как архиепископ и власти пели Пречистой Богородице молебен в церкви Воскресения Христова и в то де время я прозрела и увидела на святителе шатку и осмотряла власти и в церкви Божии образы и люди и ныне де вижу а ведомо де про ту мою очную скорбь соседем моим а по свидетельству та дева стала яно видети.

А в сыску домовому сыну боярскому Ратману Филипову села Палеуху деревни Сидоровки крестьянин Иаков Алексеев с товарищи восемь человек сказали по Евангельской заповеди Господни еже ей ей то де нам ведомо дева Васса не видела очии двадцать лет а как по обещанию своему ходила в Шую Пречистой Богородице молитися в то де время от иконы Пречистей Богородицы исцелела и ныне видит.

Суздальского уезду Василья Андреева сына Лазорева деревни Кузнецова крестьянин Иван Спиридонов сказал как егда приехал в Шую преосвященный Стефан архиепископ и со властями молебствовал Пречистой Богородице и в то де время Пречистая Богородица меня исцелила не слышал ушми три года а ныне стал слышать и по свидетельству слышит.

А в сыску домовому сыну боярскому Ратману Филипову деревни Кузнецова крестьяне Иван Постников с товарищи четыре человека сказали по Евангельской заповеди Господни еже ей ей то нам де ведомо Иван Спиридонов не слышал ушми четыре года а как ныне ходил в Шую Пречистой Богородице молитися и он Иван с того числа стал слышать.

Умудальского уезду деревни Михайлова стольника Василия Панина крестьянина дочь дева Мария Васильева сказала болела де очии пятнадцать лет насыла видела свет и в нынешнем де во 1667 году июля 28 день в праздник Пречистыя Богородицы в литургию исцеление получила а про ту де мое скорби ведомо соседем моим.

А в сыску домовому сыну боярскому Алексею Сытину то же деревни крестьяне Максим Иванов с товарищи пятнадцать человек сказали по Евангельской заповеди Господни еже ей ей то де нам ведомо дева Мария Васильева дочь скорбела очии и мало видела свет а пятнадцать а июля в 28 день во всеобщное пение в церкви Воскресения Христова от образа Пречистей Богородицы исцелена и ныне видит.

Итак в Книге свидетельства на листах 73-73об приводится первое описание убранства иконы и опис приниженный в благодарность за помощь от чудотворного образа.

Чудотворный образ Пречистыя Богородицы Одигитрия по мере длины иконы полтора аршина поперец аршин с тремя верши венеч у Пречистыя Богородицы с коруною серебрян резной а на коруне тринадцать камешков шесть варяников да семь камешков зеленых слюх у образа ж Пречистыя Богородицы цата серебряная резная золочена а на цате изображен резью Спасов образ Спас Пречистыя Богородицы и Иоанна Предтечи у превечнаго Младенца Всемиловитиваго Спас а венеч и цата серебряные резные золочены у того же образа Пречистыя Богородицы оплечь её обложено серебром резным а во оплечь не в звездце место хрустал поля обложены калфарены и наса ожерелье низано сплош мелким жемчугом да прикладной утвари крест большой серебряный тощей золочен а в нем пять жемчугов больших да шесть крестов аспидных обложены серебром золочены да тринадцать крестов серебряных золоченных девятю кресты серебряных больших три перся золотых да два золотых червонных да две полских по четверти афимка да перся персей серебряных серги жемчужные лапки на серебре да двой серги серебряных золоченны натурское дело без жемчугов двой серги двойчатки з жемчугами да серга однакая а в ней жемчужина больша да меж крестами в низках по смете одинацат рублев денег пелена белая цветной шухой обложена камкою желтою а образ Пречистыя Богородицы подложен крашениною у того ж образа на киотеверху Отечество а киот писан траве по золоту.

Е. С. БУТРИН
(г. Иваново)

БОРЬБА ЗА ЗЕМЛЮ:

ВООРУЖЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ В ШУЙСКОМ УЕЗЛЕ В XVII в.

В XVII столетии в основном завершается внутренняя колонизация в уездах Центрального Нечерноземья. Учитывая резкий хозяйственный спад на рубеже XVI-XVII вв., активность освоения заброшенных и «новоочистных» земель со второй четверти XVII в. сложно переоценить. Бурное течение этого процесса порождало, естественно, значительное количество земельных конфликтов между претендентами на те или иные угодья. Учитывая, с одной стороны, слабость судебно-административной системы, а с другой, – наличие у конфликтующих сторон собственных вооруженных людей и активную заинтересованность в положительном решении спора крестьянских общин (мелкими общинами прежде всего и возникали конфликты), можно понять, почему немалая их часть заканчивалась вооруженным противостоянием. Все сказанное в полной мере относится и к Шуйскому уезду, вооруженная борьба за землю в котором и является темой нашей работы. В ней будут рассмотрены наиболее яркие примеры проявлений этой борьбы, выявлены ее характерные

черты и особенности. Источниковой базой для нее явились документы коллекции Я. П. Гарелина в Государственном архиве Ивановской области. Она представляет собой один из осколков коллекции актов В. А. Борисова, в которой отложилась большая часть архива шуйской земской избы.

В большинстве случаев конфликты начинались с «насилованных» действий одной из сторон, вступающей в чужие владения. Действия эти могли иметь разный характер, но обычно представляли собой нарушения границ без ведома хозяина и порчу угодий, а иногда даже их захват. Например, 5 июня 1639 г. крестьяне Г. Б. Кайсарова «насиловством» обрубали огород около пустоши Плигино П. И. Вольнского и потравили «ржаной и яровой хлеб» на ней¹. 2 июня 1653 г. А. И. Багюшков и И. Д. Засецкий жаловались на крестьян д. Васильева и Гриднева, владеющих вместе и их крестьянами пустошью Галкиной, но «около полугод» не городивших огород вокруг нее, вследствие чего у их крестьян «хлеб и сennie покосы стравили»². Более серьезные претензии были предъявлены крестьянам д. Захаровки В. С. Змеева, которые 24 августа 1679 г. «вспахали и посеяли озимую» пустошь Ямкино И. С. Микучина «насиловством неведомо каким умыслом»³.

Однако даже если обиженная сторона не собиралась обращаться в суд, предпочитая решить дело на месте, силовые действия предпринимались далеко не сразу. Нередко следовала вооруженная демонстрация с целью склонить противоположную сторону к положительному решению конфликта без силового противостояния. 30 апреля 1671 г. Н. А. и Г. А. Каблуковы в Шуге перед воеводой и посадскими людьми бранили М. Г. Кайсарова, похваляясь «бит до смерти» его самого, а также его людей и крестьян⁴. Впрочем, вооруженная демонстрация могла быть и более решительной. Например, С. К. Найнаров захватил пустоши Данилища и Кованино, принадлежавшие Г. А. Каблукову, уничтожил писцовые грани и межи, а когда последний 9 июля 1674 г. явился на эти земли со своими людьми и крестьянами (несомненно, для возвращения угодий), Найнаров собрал отряд, вооруженный «луками, пистолями, бердышами и топорками» и вышел навстречу Каблукову, похваляясь «смертным убойством» на самого Каблукова, его людей и крестьян. Последний retirовался, но намерения решить спор на месте не оставил (в явочной челобитной он просил снять с него ответственность в случае, если его люди «убьют от себя бороня» людей Найнарова)⁵. В другом случае крестьяне В. И. Бастанова 11 марта 1678 г. явились «собрався скопом», вооруженные бердышами, топорками и «дубьем» в д. Ситкову Д. Т. Дубровского, угрожая «грабить и разорить» помещичий и приказной двory, а самого приказчика «бранили и бесчестили всячески»⁶.

Нередко силовая демонстрация сопровождалась началом враждебных действий с целью запугать противника. Так, летом 1621 г. приказчик кн. М. Ф. Бятынского и его крестьяне «круг поля огород выжгли» на спорной земле, принадлежавшей Ф. В. Сеченову, и хлеба «на той нови пожгли на десятии четвертях». Приказчик похвалялся: «еще де и деревню выжгу, а хто выйдег людей и крестьян [оттуда. — Е.Б.] и я де до смерти убью». В другом

лучае А. М. Кашинцев, похваляясь «убийством и подметом» на Б. Пирогова и его крестьян, засекал леса и дороги у его деревни⁸. Еще более решительно действовал Н. И. Козлов. Он не только «похвальный всяким урном» на людей М. П. Кашинцева, но и «убил и изувечил» в его д. Жерновках крестьянина Никиту Петрова⁹. Как можно заметить, в подобных акциях крестьяне могли действовать и вполне самостоятельно. В частности, Вавилка сиренцов, крестьянин д. Малышкова П. Милокова, порубил лес и «завалил» сennie покосы на пустоши И. и Д. Давыдовых, а когда последний бил на него елом, он явился в усадьбу Давыдова, похваляясь на помещичий дом и крестьян «всякими лихими и воровскими умыслами»¹⁰.

Однако в большинстве случаев к предварительным «акциям устрашения» не прибегали, предпочитая решить дело на месте. Обычно для этого использовался момент, когда противник был наименее готов к сопротивлению: обычно во время полевых или уборочных работ. Такой момент был привлечен еще и в том отношении, что позволял воспользоваться плодами труда оперников. Примеры подобных происшествий достаточно многочисленны. Летом 1621 г. Ф. Г. Ковалев со своими людьми избил «оравших пар» в Кочнево крестьян своего дяди М. Т. Ковалева и «збил с пашни», а самого «очевидно, пытавшегося оказать сопротивление» «саблю сек и бил и елки, замертва покинул»¹¹. Новый конфликт в той же деревне произошел спустя четверть века. 15 июля 1647 г. Анна Ковалева явилась в деревню «с истеном» во главе вооруженного копыями, рогаatinaми, бердышами и самоналами отряда своих людей и крестьян. Они «перебили» работавших на поле крестьян Авдотьи Ковалевой и сжали «рошь боярскую и крестьянскую еско»¹². Однако большинство нападений совершалось в тот момент, когда хозяева оспариваемых угодий отсутствовали и работавшие на них крестьяне не имели возможности противостоять нападавшим. Интересно, в частности, отметить продолжение конфликта между Найнаровым и Каблуковыми, описанного выше. 9 июля 1674 г. Г. А. Каблуков, не сумев противостоять самому Найнарову, явился «многочисленно... с пищальми и с луками и з бердыши и с топорками» на пожню, нанятую у Найнарова крестьянами с. Дроздова, начал стрельбу из луков и пищалей по работавшим там крестьянам, а его люди били их «и с покосу збили и многих пограбили и сено свезли с того наемного покосу», а их хозяйина, кн. Г. К. Куракина, «лаели и бесчестили всякою неполюбною лаею»¹³. Указанный случай хорошо иллюстрирует причины описываемых конфликтов: оказавшись несостоятельным в вооруженном противостоянии с одним противником, Каблуков обратился на менее сильного. При этом руководствовался он не положением соперника в служилой иерархии (в которой Г. К. Куракин стоял намного выше), а его реальными силовыми возможностями в момент конфликта. Крупный конфликт произошел летом 1635 г. между Болотниковыми. Крестьяне Г. Н. Болотникова «пошли хлеба ерового жат» на хозяйина, но И. А. Болотников, собрав вооруженный отряд из своих людей, крестьян своего брата и даже «многих незнакомых людей», напал на крестьян родственника. Трoих крестьян его люди «порубили и покололи ро-

гатицами», еще многим «ослопьем руки и ноги переломали и головы испробили», забрав у них и платье и лошадей и деньги и даже серпы. Причем когда избитые крестьяне «ушли было в село, их, догнав у ворот, тоже «рубали и били». Весь помещичий хлеб крестьяне И. А. Болотникова «пожали», а имущества награбили более чем на 50 р.¹⁴ Однако зачастую конфликты были более мелкими и решались силами самих хозяев. Так, 9 июля 1659 г. С. П. Колобов дождался на своей пустоши Александрове возвращавшегося с покоса крестьянина В. А. Третьякова, Федьку Игнатьева, на него «наезжая, бил и мучил и конем топтал», старых крестьянок, возвращавшихся с ним, «плетью бил и всякими неподобными словесы позорил», а за молодыми «по лесу гнал».¹⁵ 23 января 1697 г. М. А., С. А. и И. А. Ковалеви в лесных угодьях д. Кочнева Я. С. Башмакова напали на его крестьян, посланных «для дров», «били и увечили» их, изрубили дровни, а самих крестьян ограбили вплоть до рукавиц.¹⁶

В разобранных выше случаях «браней» активную роль играли помещики. Именно они организовывали и возглавляли военные отряды или лично вмешивались в конфликты. Однако так происходило далеко не всегда. Крестьянская организация также позволяла достаточно эффективно решать подобные споры силовым путем. Заинтересованы в этом крестьяне были не меньше своих владельцев, а зачастую именно крестьянские общины и выступали инициаторами земельных споров.

В частности, 3 июля 1622 г. крестьяне М. Трусова и С. Толстого, «осбрався, с саади и с самапалы и с копыя», напали на богатых крестьян братьев Засецких и Д. Батюшкова, «перебили» их, а сено сырое «гребли к себе, за реку перевозили». Как выясняется из явочной челобитной на них, конфликт между общинами был застарелым и одним описанным случаем не исчерпывался.¹⁷ Подобный же случай произошел 20 мая 1653 г., правда, нападению подвергся только один крестьянин – Костька Лукоянов д. Селезенцева В. А. Загряжского, «оравший землю под яровой хлеб». Крестьяне д. Федотова И. И. Стрешнева напали на него и, «взяв от сохи, убили ослопьем до полусмерти и ограбили наного». Этот конфликт, как можно судить из содержания акта, также не исчерпывался описанным случаем.¹⁸ 21 июля 1659 г. крестьяне В. Г. Кайсарова с. Зименок пришли на пустошь Орефино, где работали крестьяне Д. Ю. Аксакова д. Струбиши, «перебили» их, а хлеб, «пожар, свезли к себе в село Зименки».¹⁹ 20 августа 1684 г. крестьяне П. М. Высоцкого погнали «скотиною» яровой хлеб Я. М. Высоцкого, а когда люди последнего поймали оказавшуюся на их землях скотину, староста Высоцкого «отбил» ее у них и «с ножом» за ними гонялся.²⁰

Причем подобные случаи не всегда могли предотвратить даже вмешательство хозяев, которые нередко ретировались, не сумев справиться с организованными отрядами крестьян. Например, 25 июля 1680 г., приказчик с. Болотново Ф. Ф. Куракина, Савка Лошаков явился на «новоочисную землю» жать хлеб, что сеяли «через завет насилством», но крестьяне А. А. Голицына, этот хлеб и посеявшие, «подняли» крестьян близлежащих дд. Чечкина, Гор-

остаева и Олешова, «и было их сот за пят», и, вооружившись, «перебили и переграбили» приехавших жать этот хлеб крестьян Куракина, а самого приказчика, «бив, замертво покинули».²¹ Еще более интересный случай произошел 23 июля 1685 г.: крестьяне д. Усолкина С. И. Шетнева пустили на пустошь Ермакову Л. С. Волкова «всякую скотину», а когда люди Волкова «участи тое скотину с некопешны травы сганиват», крестьяне Шетнева «прибежали к колем» и начали избивать противников, отняли косы, кафтаны и шапки. А когда вмешался сам Волков, досталось и ему – помещику «руки и ноги перебили и живот отбили». Конфликт этим не исчерпался – когда люди Волкова «ребли сено на этой же пустоши, крестьяне Шетнева «прибежали с великим обраньем», дворовых «жонок и девок били и бранили всякою неподобною бранью», а трое крестьян, работавших с ними, едва успели убежать в лес.²² 30 мая 1697 г. крестьяне З. Кишкина, приехав на пустошь Лайкину, принадлежавшую И. П. Одищову, порубили на ней лес и отгородили ее к своей д. Артемьево, а когда Одищов попытался воспрепятствовать этому, крестьяне Куракина «за ним с кольем гнали».²³

Таким образом, характерными чертами борьбы за землю в XVII в. являлось стремление ее участников решить возникавшие споры на месте, зачастую с применением силовых мер, хотя открытого конфликта все же старались избежать, прибегая изначально к «акциям устрашения». Причем в ходе толкновений оценивались не столько потенциальные силы противника, сколько реальная возможность их применения. В разобранных примерах конфликтов основные особенности борьбы за землю в Шуйском уезде проявляются достаточно ярко. Прежде всего, это активное участие в конфликтах крестьянских общин, представители которых зачастую действовали вполне самостоятельно, не останавливаясь даже перед конфликтом с соседским дворянином. Подобная активность во многом была обусловлена тем, что помещики часто отсутствовали на месте во время кульминации противостояния, находясь «на государеве службе».

Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. 324 (Коллекция Я. П. Гарелина). Оп. 1.

Л. 75. Л. 1-1 об.

ГАИО. Ф. 324. Оп. 2. Д. 82. Л. 1-1 об.

Там же. Оп. 1. Д. 177. Л. 1-1 об.

Там же. Оп. 1. Д. 166. Л. 1-1 об.

Там же. Оп. 1. Д. 193. Л. 1-1 об.

Там же. Оп. 2. Д. 145. Л. 1-1 об.

Там же. Оп. 2. Д. 19. Л. 1-1 об. Явка 9 июля 1621 г.

Там же. Оп. 2. Д. 41. Л. 1-1 об. Явка 21 июля 1629 г.

Там же. Оп. 2. Д. 126. Л. 1-1 об. Явка 1 мая 1675 г.

Там же. Оп. 1. Д. 207. Л. 1-1 об. Явка 24 июля 1677 г.

Там же. Оп. 2. Д. 17. Л. 1-1 об. Явка 24 июля 1621 г.

Там же. Оп. 1. Д. 88. Л. 1-1 об.

Там же. Оп. 1. Д. 194. Л. 1-1 об.

Там же. Оп. 1. Д. 61. Л. 1-1 об. Явка 25 октября 1635 г.

Там же. Оп. 2. Д. 85. Л. 1-1 об.

Там же. Оп. 2. Д. 198. Л. 1-1 об.

- ¹⁷ Там же. Оп. 1. Д. 35 а. Л. 1-1 об.
¹⁸ Там же. Оп. 1. Д. 102. Л. 1-1 об.
¹⁹ Там же. Оп. 1. Д. 113. Л. 1-1 об.
²⁰ Там же. Оп. 1. Д. 257. Л. 1-1 об.
²¹ Там же. Оп. 1. Д. 227. Л. 1-1 об.
²² Там же. Оп. 1. Д. 261. Л. 1-2 об.
²³ Там же. Оп. 1. Д. 313. Л. 1-1 об.

К. Е. БАЛДИН
 (г. Иваново)

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ШУЙСКИХ КУПЦАХ КИСЕЛЕВЫХ В ДНЕВНИКАХ РОСТОВСКОГО КУПЦА М. И. МОРОКУЕВА

Особое место в истории промышленности Ивановского края занимали купцы Киселевы, которые в начале XIX в. сумели наладить снабжение текстильной мануфактур обширного текстильного региона хлопчатобумажной пряжей из Петербурга и Англии. Во многом благодаря Киселевым местная текстильная индустрия совершила в 1820-50-х гг. мощный рывок вперед, мануфактуры трансформировались в фабрики, начался промышленный переворот. О Киселевых краеведы, занимающиеся экономической историей, пишут довольно часто, однако из одной публикации в другую кочуют практически одни и те же факты. Наиболее полный очерк истории династии купцов Киселевых помещен в книге Г. И. Сурина «Слово о Шуе», однако соответствующий раздел в ней был написан Е. Вопилиным¹.

Поэтому особенно важен каждый новый факт, который добавляет штрихи к портрету этих замечательных торгово-промышленных деятелей. Как нам представляется, особой удачей для исследователя является введение в научный оборот источников личного происхождения – мемуаров, дневников, писем, т. к. такого рода источники дают наиболее яркое представление о человеке. В прошлом году два историка из города Ростова Ярославского выпустили книгу о своих земляках-предпринимателях². В монографии солидного объема дан общий очерк развития торговли и промышленности в этом городе, славном в позапрошлом столетии своей ярмаркой. Здесь же помещены подробные справки о наиболее крупных купеческих фамилиях Ростова: Хлебниковых, Кекиных, Милотиных, Титовых, Щаповых, Морокуевых и др. Во второй части книги под многозначительный заголовок «Живое дыхание ушедшего времени» публикуются дневники и воспоминания купцов, относящиеся к XIX – началу XX в. Это мемуары А. Л. Кекина и А. А. Титова, а также «Замечания для себя» Михаила Ивановича Морокуева, в которых содержатся сведения о шуйских купцах Киселевых.

М. И. Морокуев (1789-1854) входил в элиту ростовского купечества. Помимо отцовских капиталов дело его расширилось за счет полученного от дяди наследства в 120 тыс. рублей. Также он удачно женился на внучке ростовского фабриканта М. В. Серебrenникова. В 1830 г. его капитал достигал 323 тыс. р. На 1820-30-е гг. приходится расцвет промышленной и обществен-

ной деятельности Морокуева. Его семья, отец и дед с XVIII в. занимались торговлей мануфактурными товарами, в том числе на Украине. В 1833 г. М. И. Морокуев открыл в Варницкой слободе бумагопрядильную фабрику, которая приносила ему большой доход. В 1830-31 гг. он являлся городским головой в Ростове. Но в 1838 г. фабрика сгорела, Михаил Иванович потерял очень большие убытки, но с кредиторами сумел расплатиться, сохранив свое доброе имя. Нескольким лет он жил очень скромно фактически занимаясь только крестьянским трудом на оставшемся у него небольшом участке земли. Только в 1844 г., получив наследство, Морокуев сумел поправить свои дела³.

«Замечания для себя», написанные купцом, по своему жанру представляют собой дневник, в котором автор сообщает о событиях своей жизни и о роде Ростове в начале XIX в. До нас дошло только начало дневника, т. к. большая часть его сгорела во время пожара в родовом доме. Однако начальные записи автор дал почитать своему двоюродному брату Ивану Андреевичу Титову из известного ростовского купеческого рода. Его внук – известный коллекционер и археограф А. А. Титов опубликовал эти записки в 1907 г. в журнале «Русский архив», но с некоторыми купюрами. В дальнейшем рукописное собрание А. А. Титова, в том числе и «Замечания» Морокуева, поступило в местный музей и сейчас хранится в Государственном музее-заповеднике «Ростовский кремль». В книге «Граждане Ростова» морокуевские «Замечания» впервые публикуются полностью⁴. Записи начинаются с 1805 г. и доводятся до конца 1812 г. Большую ценность здесь составляют факты, касающиеся Отечественной войны 1812 г. и восприятия их современником-провинциалом.

Хорошо известно, что шуйские купцы Киселевы до того, как заняться операциями с хлопчатобумажной пряжей, занимались коммерцией на ярмарках ленобережной Украины. Там же вели свою торговлю и Морокуевы.

Судя по дневнику, дружба Михаила Морокуева и Диомид Киселева началась еще в детстве и виделись они очень часто, хотя семьи жили в разных городах. Переписка двух молодых людей началась позже, с 1805 года. С этого же года Морокуев начал записывать свои «Замечания», но приводить их в порядок начал гораздо позже – в 1823 г.

Морокуев пишет, что дружба с Диомидом Киселевым способствовала его образованию. Действительно, образование ростовский купеческий сын получил, как тогда говорили, «домашнее», т. е. учебное заведение не посещал, а его учили на дому местные грамотее. Естественно, что полученные таким образом знания были случайными и отрывочными, хотя читать, писать и считать Морокуев, конечно, умел. Как видно, Диомид Киселев по уровню своего образования был выше своего ростовского товарища и ему было чем поделиться с ним.

В «Замечаниях» М. И. Морокуева дана очень высокая оценка молодому Киселеву. Он пишет, что дружба с Диомидом Васильевичем «дала хорошие направление моим склонностям и, усыпав цветами радостей душевных дни моей юности, не перестает и теперь утешать меня в жизни. Кто бы мог

угадать и предречь Союз сей, связующий наши сердца постоянно 25 лет»⁵. Попутно обратим внимание на то, каким цветистым слогом, почерпнутым из прочитанных книг, повествует автор о своей дружбе с Киселевым.

Морокуев сравнивает в дневнике характеры Василия Максимовича Киселева и его сына Диомиде, обнаруживая при этом недюжинную наблюдательность. Про старшего он говорит, что тот обладал «недожинным умом» и «сильным характером». Причем последнее внушало почтение, но не любовь. Как видно, модель семейных отношений у Киселевых была авторитарной, патриархальная власть отца была непререкаемой. Совсем по-иному Морокуев говорит о своем друге Диомиде, который обладал «душевной добротой, забывающей обиды». Если верить мемуарист на слово, то кажется, что все положительные душевные качества были сосредоточены в Диомиде Васильевиче. Автор дневника не скрывает, что в юности оба Киселева были его образцами и в сфере бизнеса, и в сфере нравственной. Он ни разу не раскаивался в том, что встретил их на своем пути⁶.

Одно время молодой Михаил Морокуев всерьез подумывал о том, что бы связать себя с семьей Киселевых родственными узами. У Василия Максимовича кроме Диомиде были еще три дочери: Екатерина, Ульяна и Мария. Которая из них нравилась Морокуеву, не известно. Однако тогда в купеческих семьях невесту сыну выбирали чаще всего родители, не спрашивая своего отпрыска, нравится она ему или нет. Поэтому Михаил пошел под венец по воле родителей с Мирославой Серебренниковой, о чем, впрочем, потом не жалел⁷.

Дружба с семьей Киселевых способствовала тому, что Михаил Морокуев начал набираться опыта в торговых делах, тем более что от старших в семье ему была дана в коммерции полная свобода. Василий Максимович меньше всего напоминал собаку на сене и щедро делился своими торговыми секретами с молодым ростовским купеческим сыном. При этом автор «Замечаний» делает еще одно важное наблюдение о манере ведения дел, характерной для Василия Максимовича Киселева. Он, по выражению Морокуева, вел свои дела «с отвагою», т. е. не боялся риска, если его интуиция предсказывала большую прибыль от сделки⁸. Это качество в полной мере проявилось, наверное, в главной для него торговой операции, которую В. М. Киселев совершил в 1812 г. Тогда он купил у приехавших в Шую московских торговцев большую партию пряжи, когда спрос на нее практически равнялся нулю, а потом через несколько месяцев перепродал ее с барышом в 1 млн. 200 тыс. р. Сообщавший об этом В. А. Борисов, не удержался от восклицания: «Вот какая смелость была у Киселева!»⁹ О себе Морокуев писал, что не был склонен к «рискованным операциям» и предпочитал «малую, но верную прибыль».

С особым интересом читаются записи Морокуева, относящиеся к 1812 году, в них показано восприятие войны простолгодниками, приводятся факты, которые наверняка окажут помощь исследователям, занимающимся историей войны с Наполеоном. Есть здесь и сведения о Киселевых. Михаил Морокуев и Диомид Киселев летом 1812 г. вместе ездили по украинском ярмаркам, где

и застали вести о вторжении французской армии в Россию. После завершения торговых дел решили отправиться домой. 29 августа оба юноши уехали в Харьков в экипаж, запряженный тройкой лошадей. Чтобы не подвергаться дорожным опасностям, торговцы ехали большой партией в 20 троек — всего около 50 человек. Их путь лежал через Курск, Ливны, Мценск, Тулу в сторону Москвы. По пути им в руки попала «афишка», сообщавшая о Бородинском сражении, затем они узнали о входе французской армии в Москву. Пришлось отбывать город, попавший в руки неприятеля, с востока, и 11 сентября Морокуев с Киселевым прибыли во Владимир¹⁰.

В тот же день путешественники через Суздаль направились на Шую. Неожиданный приезд Диомиде очень обрадовал всю семью Киселевых, т. к. и него в течение долгого времени не было вестей — почта не работала по причине военных обстоятельств. В отличие от попавшего домой Диомиде Киселева Михаил Морокуев находился в состоянии большого беспокойства. Он знал, что его семья, опасавшаяся нападения французов на Ростов, выехала куда-то на Волгу, но куда конкретно, автор дневника не ведал. Прожив в государственной семье Киселевых всего сутки, Михаил Морокуев поехал в село Иваново, надеясь узнать там что-либо о своих родных. В Иваново вестей от них тоже не было. Однако в тот же день Михаил получил с нарочным срочное письмо от своего друга Диомиде Киселева о том, что его семья благополучно прибыла в село Красное на Волге, где и будет ожидать Михаила, о котором все родственники очень беспокоились. Обрадованный Михаил тут же поехал к родным¹¹.

Еще более ценными, чем сам дневник, представляются комментарии к нему, в которых опубликованы (с купюрами) письма Диомиде Васильевича Киселева М. И. Маракуеву, датированные 1829–1830 гг. В них мы находим интересное в дружбе, новости, в том числе деловые, сплетни и многое другое.

Интересно письмо от 31 мая 1830 г., в котором Киселев сообщает, что у нас затевают из Тезы делать Темзу и гонять по ней кораблицы». Для этого найдены в архивах старые царские грамоты, очевидно, о «струговом ходе», заданна существовавшим по этой реке. Киселев упоминает о какой-то перемене по этому поводу, вероятно, со столичными чиновничьими канцеляриями¹². Из этого письма видно, что идея о постройке шлюзов циркулировала среди шуян за семь лет до того, как получила свою реализацию в 1837 г.

В своих письмах Диомид сообщает под 1830 годом о рождении сына и о смерти его, о том, что в мае-июле Киселевы строили дом, который он называет «теремом», о своих торговых делах. Он благодарит Маракуева за информацию о движении судов по Волге. Здесь же мы находим документальное подтверждение того, что хлопчатобумажная пряжа для Киселевых по Мариинской водной системе доставлялась из столицы в Плес, а потом отправлялась гужом в Шую.

Письма 1830 г. полны беспокойства по поводу холеры, которая в это время свирепствовала в России, не обошла стороной и Шую. В это время поминали заставляла жителей сидеть по домам и по улицам можно было ходить

только с особыми билетами, выдававшимися начальством. Что касается медицинского персонала, который обслуживал жителей города, то говорится, что городской лекарь «в холеру не верует, а потому нигде ее и не находит». Другой лекарь по фамилии Клиггер «ищет ее везде как собака шампиньонов»¹³. Известно, что в то время собак, а также свиней натаскивали для поиска грибов – шампиньонов и трюфелей. В 1830 г. эта болезнь благополучно миновала Киселевых, но в 1831 г. во время холерной эпидемии от нее умер сначала Василий Максимович, а через несколько дней – Диомид Васильевич, оставшийся после себя двух сыновей – Ивана и Дмитрия. Они и взяли в свои руки семейное торговое дело, успешно занимаясь им до конца 1840-х гг., когда разорились вследствие стечения ряда неблагоприятных обстоятельств¹⁴.

¹ Сурин Г. И. Слово о Шуе. Легенды и были города на Тезе. Иваново, 2005. С. 54–60.

² Крестьянинова Е. И., Никитина Г. А. Граждане Ростова: история ростовского купечества XVII – начала XX века. Геналогия и судьбы ростовских купеческих родов. Мемуары, дневники, письма. Ростов: Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль», 2009.

³ Там же. С. 198–200.

⁴ Там же. С. 286.

⁵ Там же. С. 287.

⁶ Там же. С. 287.

⁷ Там же. С. 291.

⁸ Там же. С. 292.

⁹ Борисов В. А. Биографическое известие о шуйском 1-й гильдии купце Василии Максимовиче Киселеве // Владимирские губернские ведомости. 1853. № 34.

¹⁰ Крестьянинова Е. И., Никитина Г. А. Указ. соч. С. 299.

¹¹ Там же. С. 304.

¹² Там же. С. 313.

¹³ Там же. С. 313–314.

¹⁴ Сурин Г. И. Указ. соч. С. 58–60.

И. А. ЖИРКОВА
Ю. В. ПУСТОВОЙТ
П. А. САПСАЙ
(г. Шуя)

КИСЕЛЕВСКАЯ БОЛЬНИЦА: СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Уездный город Шуя издревле был славен благотворительной деятельностью купеческого сословия. Особое место в дореволюционной истории шуйской благотворительности занимал род Киселевых. Киселевы были известны в шести поколениях, начиная с 30-х годов XVIII века. И хотя к началу XX столетия род Киселевых угасает, трудами самых значимых представителей этой семьи их имя увековечено в памяти шуйян. Одним из главных «платников», свидетельствующих о славных делах Киселевых, направленных на процветание Шуи, является больница, расположенная в центре города. О страницах истории больницы, которая и по сей день носит название «Киселевской», и пойдет речь в нашем сообщении.

В середине XIX столетия на территории бывшего Шуйского кремля и, по утверждению краеведа В. Ф. Никонова, на месте осадного дома князей Шуйских, на северной стороне Покровской площади, было выстроено одно из самых замечательных архитектурных сооружений, определивших уникальный облик дореволюционной Шуи – Киселевская больница.

Братья Киселевы, Иван и Дмитрий, решаются на строительство больницы в память двух дорогих для них людей: деда – Василия Максимовича и тети – Диомиды Васильевича, которые умерли от холеры в 1831 году.

В «Месяцеслове» Владимира Борисова содержится запись о том, что 9 сентября 1837 года произошла закладка Киселевской больницы, причем при закладке положено несколько монет с надписью «доски медные». Строительство больницы купеческого корпуса было завершено в 1841 году. Освящение больницы состоялось 5 ноября 1844 года.

Всего на строительство Киселевыми было израсходовано до миллиона рублей ассигновками. На содержание больницы учредители внесли в кредитные учреждения капитал суммой около 50 000 рублей серебром. Таким образом, больница стала щедрым даром шуйцам от купеческой семьи Киселевых.

Проект создания больницы по заказу шуйских купцов был изготовлен в Московской академии художеств. Больница для Шуи проектировалась в соответствии с классическими образцами здания больницы второй четверти XIX века, поэтому ее фасад и план приведены в 6-ом томе «Всеобщей истории архитектуры»¹ в качестве примера больницы здания той эпохи.

Планировка больницы комплекса соответствует принципам построения городской усадьбы периода классицизма. Крупный главный корпус вытянут по красной линии улицы. Главный корпус является собой крупное двухэтажное здание, П-образное в плане. Средняя часть его повышена полуэтажом и завершена уплощенным куполом на невысоком барабане. Главный (южный) фасад имеет симметричную трехчастную композицию. К входу ведет широкая лестница.

На первом этаже располагались: 2 мужские и 2 женские палаты, комната для аптеки и фельдшеров, комната для кладовой и для хранения белья, комната смотрителя и лаборатория, где размещались также хирургические инструменты и медицинская библиотека. Заметим, что первоначально больница была предназначена для 20 пациентов. Палаты были просторными и так размещались в здании, чтобы в их окна всегда светило солнце. На северную сторону и в затемненную часть двора выходили только окна коридоров и необходимых помещений.

Стены вестибюля в свое время украшали портреты братьев Киселевых – учредителей больницы, нарисованные художником Василием Тропининым.

В северной части центрального объема была расположена парадная лестница, ведущая к размещенной во втором этаже больницы церкви, освященной во имя Преподобного Василия, Епископа Парийского, небесного покровителя деда Ивана и Дмитрия Киселевых.

Церковь устроена в середине больничного дома. Она отделилась от крыши больничного здания круглым куполом, покрытым железом, выкрашенным ярю.

Современники отмечали богатство и изящество церковной утвари и внутреннего оформления. Так, в церкви был устроен мраморный иконостас, детали интерьера были выполнены из искусственного мрамора, стены искусно расписаны. Свод украшали цветы с золотыми арабесками. В алтаре был изображен Дух Святой в виде голубя, окруженный херувимами. Почитаемой святыней храма была икона святого мученика Иоанна-воина. Священнослужителями больничного храма были уважаемые люди, в числе которых можно назвать протоиерея Андрея Васильевича Архангельского, иерея Павла Петровича Изволенского и священника Михаила Дмитриевича Авдакова. Церковь являлась приходской, число прихожан составляло 360 человек обоего пола. При храме действовала библиотека, насчитывавшая около 700 экземпляров книг.

На северной стороне больничного дома была устроена колокольня, деревянная, оштукатуренная, крытая железом с медным вызолоченным крестом, семья колоколами (в большем — 41 пуд). К сожалению, до настоящего времени колокольня не сохранилась.

Во дворе были выстроены четыре небольших одинаковых одноэтажных флигеля, в которых располагались кухня, баня, прачечная и анатомическая комната. Между флигелями больницы разбили небольшой сад с клумбами и дорожками для прогулок на свежем воздухе больных. Также обустроили подъездные пути к зданию больницы. Видно, что в ходе строительства все было продумано до мелочей.

Больница предназначалась для всех слоев общества. За лечение была установлена плата, от которой неимущие освобождались. В годы народных волнений, по решению Совета больницы, оказывалась посильная помощь больным и раненым. Здесь лечился и провел последние дни жизни декабрист Дмитрий Александрович Щепин-Ростовский, о чем свидетельствует памятная табличка на стенах больницы.

Медперсонал больницы состоял из нескольких врачей, фельдшера, смотрителей, сиделки и кухарки. Одними из самых известных сотрудников Киселевской больницы были: врач Александр Константинович Звездин и фельдшер Яков Колосов.

С началом русско-японской войны, когда Великая княгиня Елизавета Федоровна организовала в Москве Особый комитет помощи воинам — общество Красного Креста — при котором в Большом Кремлевском Дворце был создан склад пожертвований в пользу воинов (там заготавливали бинты, шили одежду, собирали посылки, формировали походные церкви), возникает отделение общества и в Шуге. В 1904 году в Киселевской больнице открывался госпиталь для раненых в русско-японской войне, что и способствовало созданию общества Красного Креста в Шуге. В работе общества посильное участие принимали известные в городе меценаты — М. А. Павлов, М. И. Те-

оньев, М. В. Рубачев и другие крупные шуйские фабриканты и купцы. Среди тех, кто оказывал помощь Красному Кресту, были родственники поэта Бальмонта, известно, что и сам поэт хотел стать братом милосердия.

Таковы страницы славной истории Киселевской больницы.

В советские годы больница продолжает функционировать, но уже в новых исторических условиях. Был закрыт больничный храм. На сегодняшний день помещение церкви используется как служебное помещение медицинского учреждения. К 80-м годам XX века здание пришло в упадок. В 1983 году Киселевская больница пережила реконструкцию и капитальный ремонт, которые были произведены без соблюдения требований законодательства об охране памятников, и можно только сожалеть о том, что была уничтожена важная часть фрагментов старины. Состоялась полная перепланировка внутри здания и сломана парадная лестница, которая вела к больничной церкви. Во время работ в подвале больницы был обнаружен мраморный памятник Ивану Диомидовичу и Татьяне Андреевне Киселевым. И только в 1991 году на 150-летний юбилей со дня основания больницы памятник был перенесен во двор Киселевской больницы и освящен.

Сейчас больница находится под ведомством Шуйской Центральной районной больницы. В настоящее время в здании Киселевской больницы на первом этаже располагается физиотерапевтическое отделение, на втором — отделение сестринского ухода, в котором пребывают больные, у которых нет возможности плевников, престарелые и тяжелобольные люди, сюда же попадает категория людей без определенного места жительства. На третьем этаже теперь находится кабинеты старшей сестры и сестры-хозяйки. Что касается кожного кабинета и лор-отделения, они были сокращены и на сегодняшний день имеют лишь несколько койко-мест. 20 лет Киселевская больница не финансируется. Проверку на лицензию она не прошла из-за ужасного состояния, и больницу обещали закрыть. Состояние действительно ужасное: рушатся стены, протекает крыша, особенно на втором этаже. Если на первом, усилиями сотрудников, был сделан косметический ремонт, то второй этаж находится совсем в плачевном состоянии.

Очень жаль, что некогда сиявшие своим великолепием памятники архитектуры, несущие в веках свидетельство об известнейших фамилиях шуган, архитекторов и меценатов, могут исчезнуть.

История архитектуры. Т. 6. М., 1968. С. 322.

Н. В. ЦИКУЛИНА
(г. Кохма)

ШУЙСКИЕ 1-й ГИЛЬДИИ КУПЦЫ ЯСЮНИНСКИЕ В РАССКАЗАХ ЗЕМЛЯКОВ

Ясунинские прочно вошли в историю городов Кохма, Иваново, Москвы и историю России. Купцы-фабриканты, государственные и общественные деятели, меценаты, они прошли путь от крепостных крестьян до купцов

1 гильдии, потомственных почетных граждан, членов Государственного Совета. Они стоят в одном ряду с купцами Гарелиными, Бурлыными, Коноваловыми, Каретниковыми.

Связывают их и кровные узы. Неслучайно им дали меткое определение: «некоронованные ситцевые короли России». Ни у кого не вызывает сомнения их огромный вклад в развитие текстильной промышленности в целом, их значительные вложения в благоустройство родного края, в культуру и образование. Особенно знаменитыми были 2 представителя этой фамилии – братья Константин и Николай Арсеньевичи. Константин, проживавший и похороненный в Москве, вызвал интерес и в Госдуме, а вот Николай должен быть заслуженно увековечен на областном уровне. Со временем открываются все новые и новые интересные факты из их жизни, проясняется судьба потомков этой славной фамилии.

Первые сведения о купцах Ясониных были достаточно скудны и опирались в основном на записи краеведов и рассказы старожилов. Лишь в 90-е годы XX века исследователи истории Кохма смогли свободно обратиться к данным ГАИО, выявить документы, позволяющие найти ответ на те или иные вопросы. Еще одним источником стали газеты «Владимирские губернские ведомости», «Старый Владимирец» и «Владимирские епархиальные ведомости». Впрочем, и сейчас еще остается немало записей и публикаций, требующих серьезного анализа.

В этом году мы установили связь с прямым потомком этого рода – Никитой Алексеевичем Ясониным, проживающим ныне за границей, но сумевшим сохранить многие фотографии, документы и вещи семьи. Он внимательно следит за жизнью родины своих предков, публикациями, появляющимися в интернете. Некоторые данные краеведов 30-50-х годов прошлого века вызвали у него возмущение и огорчение, так как содержат непроверенные и порочащие честь семьи сведения, что, скорее всего, объясняется политической конъюнктурой того времени. С высоких трибун и в прессе постоянно подчеркивалось, как плохо рабочие жили раньше, какими эксплуататорами были фабриканты и как хорошо живут трудящиеся теперь: «Великая Октябрьская социалистическая революция принесла освобождение кохомским текстильщикам. Они стали трудиться не на хозяев, вроде Ясониных, а на себя...».

Лишь к концу века прошлого стало ясно, что купцы были не только фабрикантами, а еще и благотворителями их деяния по украшению храмов, возведению памятников и зданий, благоустройству населенных пунктов, по улучшению условий труда и быта рабочих-кохомчан, в области народного образования и культуры, здравоохранения трудно переоценить. И все-таки, время донесло до нас некоторые удивительные истории, где Ясониные предстают перед нами как обычные люди со своими слабостями и желаниями. Какие-то из них были уже опубликованы в печати, другие еще ждут своего часа. Далеко не всегда сведения соответствуют действительности, поэтому наша цель – прежде всего познакомить историков и краеведов с этими,

иной анекдотическими, случаями из жизни кохомчан. Чем крупной фигура, тем больше о ней говорят, что-то присочиняя, где-то приукрашивая.

В основу нашей работы легли записи, сделанные в основном учителем-наставником Софьей Гавриловной Кокуриной¹.

Одной из первых и самой противоречивой стала легенда о том, как напалась их фабричная деятельность, где искать истоки семьи.

Неоднократно в СМИ всплывала информация о том, кто был их ранний местный предок. Журналисты и школьники-краеведы несколько раз писали черки на основе записей С. Г. Кокуриной, которая, в свою очередь, подчеркивала, что написано со слов старожилов, прежде всего, бабушки, Феклы Кокуриной. Впервые цикл публикаций по истории края, подготовленный ею, появился на страницах районной газеты «Ленинский путь» в 1936 году, а затем и на страницах районной газеты «Красное знамя» в 1957 году:

«Как бы украсшая деревню (Ясонино), на краю, ближе к дороге в село Кохму, стоял большой, крытый соломой, дом Макара Маряхина. Макар Маряхин имел много луговой и пахотной земли.

В неурожайный год ясониному мужику приходилось идти к нему просить хлеба займы или менять на ткань. «Он с барином Новосильцевым (владельцем Кохмы) знает, а с барыней тоже связь какую-то имеет; алтын про первый день берет и в округе за начетчика слывет. А денег-то у него черт с коней кошергой не стребет; добывает он их всячиной. Изба его с краю. Идет прохладный или едет; ну и попросится к Макару «христа ради» переночевать. Прочем-то он к нему попал, а утром-то никто не видел. Говорят, что грабежом занимался». Так о Маряхине говорят старики своему потомству.

У Макара был сын Алексей Макарыч. Он занимался крестьянством в Кохме. Зимой в виде побочного заработка сапожничал. После смерти отца перешел в руки Алексея. К этому времени у него подросток сын Никита Алексеевич. Полученный капитал Алексей Макарович не мог применить в дело, но полученная по наследству скупость удерживала его от расточения. У брака Никиты Алексеевича с дочерью шуйского кустаря-полотняника Марьяны Петровны в 1815 году родился сын Василий Никитович. Когда Марьяна Алексеевич умер, молодая Марьяна Петровна, или, как ее звали в крестьяне, Маряха, под руководством старика-отца, решается пустить в дело капитал, оставшийся после мужа».

Умышленно ли было искажено имя предка Ясониных (он фигурирует как литературный герой, а не конкретное историческое лицо) или рассказчик просто передавали устные сказания своих родных или знакомых, не задумываясь о сути? (Работая с материалами ГАИО, мы установили, что Макара Маряхина просто не могло быть.) Во-первых, по метрическим книгам, отца Алексея звали Никифор, а во-вторых, прозвище «Маряха», скорее всего, у Марьяны Петровны было, но вот фамилия – чистый вымысел. Фамилии Ясониные они приобрели позднее (скорее всего, Никита Алексеевич был первым, кто носил эту фамилию, взятую по названию села Ясонино, откуда они были родом), до этого он упоминается только по отчеству родителя. Эту

мысль высказала и студентка ИвГУ Н. Сагалакова, подготовившая дипломную работу в 1994 году.

Возможно, земляки просто завидовали более удачливым предпринимчивым соседям.

Но не весь собранный Н. Сагалаковой материал был опубликован в прессе. Некоторые очерки сохранились лишь в старенькой синей тетрадке, сопровождающиеся припиской: «Материал записан мной по рассказам моей бабушки Кокуриной Феклы Евстропьевны, по рассказам знакомой Широковой Евдокии Пименовны, и знакомой Морковкиной Прасковьи, и Катакина Федора Афанасьевича – крестьянина села Кохмы».

Вот некоторые сведения из этой тетради: «Моя бабушка по отцу, Фекла Евстратьевна, любила рассказывать о жизни кохомских фабрикантов и, в частности, о жизни Ясюнинских. Как они приехали в Кохму в лаптях, в дубленых полушубках, как берегли копейку про черный день, как богатели и как милостивы и щедры были по отношению к бедным. Как сами купчихи ездили по базарам, по ярмаркам с мануфактурой: в понедельник – в Иваново, во вторник – в Шуу, в среду – в Лежнево, в четверг – в Вознесенское, в пятницу – в Васильевское, в субботу свой базар в Кохме. Торговали ситцами с восточных и возвращались с мерами (которыми мерили картофель) золота. Сын – купчиха Маремьяна Ясюнинской Василии и Евтихий часто звали к себе товарищей-сверстников, кохомских крестьян, с которыми вместе гуляли в детстве, называли их Ваньками, Васьками, Фельдами, хотя те уже были с бо- родами и имели взрослых детей. Раскрывали перед ними сундуки с золотом и хвастались: «Хороши ли рыбки?».

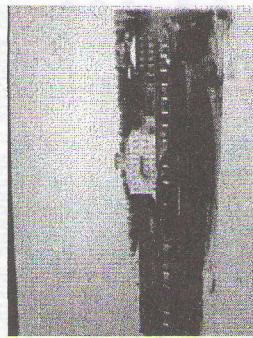
В большие праздники старик Ясюнинский, приехав из церкви в богатой енотовой шубе (хотя от церкви до его дома не более 50 метров), раздавал с парадного крыльца или с балкона всем проходящим его поздравить крестьянам по гривеннику (10 коп.), а в храмовые праздники по пятиалтынному (15 коп.). И вся округа, крестьяне из окрестных деревень, вставали в живую очередь за этой дачкой, некоторые крестьяне из дальних деревень приезжали даже на лошадях.

Рассказывают, что особенно щедры были Ясюнинские в те дни, когда умирал кто-то из их фамилии. Когда умирали Евтихий Никитич и Арсений Васильевич Ясюнинские, раздавали в каждый дом в пределах 10 км от Кохмы на каждого члена в семье ситцу мужикам на рубашки, женщинам на сарафаны, ребятишкам на платья. Получали эти милостыни и крестьяне деревень Иваново, Вятчинки в 10 километрах от Кохмы по Шуйской дороге, и жители Рылихи, Сластихи (пригороды Иванова), и крестьяне Якимова, Пальмици на по Лежневскому тракту, и крестьяне Новой деревни – по направлению к селу Никольскому, Введенью. Кроме того, раздавали в каждый дом муку, крупу, пшено. Это на помин души по умершим. В поминки в третий раз столы накрывали для ребятишек, которых кормили кутьей (рисовая каша с изюмом и мармеладом, залитая медом и зварцем (компотом)).

Говорят, что обеды были настолько вкусны и обильны, что они запоздали на всю жизнь. Хозяйка в шутку спрашивали ребятишек, хорошо ли им готовить грибы (чернослив, шептала, винные ягоды, финики, урюк, пом, груши в компоте ребята принимали за грибы).

От бабушки услышала Софья Гавриловна историю о родовом доме Ясюнинских, построенном как раз на месте, где стоял дом ее деда – Платона Журина:

«Полубилось место деревни Любишки Ясюнинскому, где чистая вода катилась свои воды под ветвями плакучих ив, откуда открывался вид на Кохму. И замал фабрикант построить на месте деревни обшлак свой родовой дом, а избы крестьян реветти на арендную землю в Кохму, самих крестьян приписать к кохомскому обществу крестьян. Так на месте деревни Любимая горка иа стоялся большой купеческий дом, и ронился он 12 лет.

Родовой дом Ясюнинских

Как только дом был отстроен, фабрикант умер и никому не завещал, и быть с крестьянами д.Любишка. Рассказывали, что ему было предсказано: умрет, как только дом будет отстроен». Дом из-за этого несколько раз переносили и не спешили с отделкой, боялись предсказания. В доме – 42 комнаты. У дома по фасаду двое ворот, 2 парадных входа.

Так и превратились крестьяне д. Любишка в шуйских безземельных батлан. Отец всю жизнь жалел землю, которую отнял Ясюнинский. И в 1905 году хлопотал, чтоб ее вернули или дали другую взамен ее. Я помню, как у него дома собирались все крестьяне деревни Любишки, у которых отняли землю. Они писали заявление. И им ответили, что землю они могут получить от Ясюнинского. Н. А. Ясюнинский в то время был мировым судьей. Узнав об этом, он вызвал всех по одному к себе в кабинет и заявил, что землю взамен этой он даст, но держать на фабрике их не будет. Пусть получают расчет. У них были уже большие семьи. Идти было некуда. И все они «добровольно» отказались от своей земли». Следует добавить, что всем крестьянам, которых переселили в другое место, точнее, их детям, была предоставлена возможность получить хорошую специальность, а следовательно, хорошо оплачиваемую работу. Отец С. Г. Кокуриной, например, стал гравером, а его брат – машинком. Оба дали своим детям хорошее образование.

Маргарита Николаевна Сергеева была дочкой лесничего, служившего у Ясюнинских долгие годы. А лесные владения кохомских фабрикантов находились там, где находится завод чесальных машин, около парка «Харинка». Здесь же стоял просторный дом лесничего. Каждый летний выходной сюда, направляясь на пикник, заглядывало семейство хозяйки – Ивана Арсеньевича Ясюнинские девчонки» – так называла дочек хозяйки мама Маргариты Ни-

колаевны – были тогда подростками лет 12-13. Права они были веселого и любил навещать семью лесничего с подарками.

Чаще всего привозили какие-то необыкновенные изысканные сладости. Так что в доме лесничего, жившего хоть и просто, но небогато, иной раз красовалось на столе невиданное угощение, которого больше нигде было не сыскать, ведь рецепт держался в строгой тайне. Самым запоминающимся из этих яств был капустный кочан, искусством повара превращенный в редкое по красоте и величине лакомство. Кочан был как-то по-особенному целиком пропарен, обсыпан сахаром и залит шоколадом. Но интереснее всего, что «ясюнинские девчонки» непременно требовали взамен своего подарка обыкновенных ржаных пирогов (таких в их доме не водилось) и молока от лесничих коров. Это угощение они тут же с удовольствием съедали.

От многих жителей мы слышали рассказы о том, что за хорошую работу Ясюнинские часто премировали своих работников, причем не только служащих, но и рабочих. Кому-то доставался мешок муки, кому-то чайный сервиз, кто-то радовался дивану, а кто-то фарфоровой вазе.

Надо сказать, что даже те рассказы, в которых Ясюнинские предстают в не слишком привлекательном виде, написаны без злобы и ненависти, скорее, как предания (сходные есть и о других видных людях – Демидовых, Меньшикове и пр.), во многих эпизодах купцы представлены как щедрые, обладающие чувством юмора люди, очень деятельные, дружные между собой и любящие родные края. Именно о них (были и другие купцы – Щербаковы, Чернышевы, Долговы...) сохранилось наибольшее число воспоминаний и материалов. До сих пор всплывают новые факты, вещи, связанные с этой славной фамилией. В нашем муниципальном музее, например, есть плетеный стул, переданный из семьи Зиминых-Корягиных. Говорят, это подарок от купцов (стульев было несколько) на новоселье Василию Зимину – служащему Товарищества мануфактур В. Е. и А. Ясюнинских. Б. Н. Чудецкий передал в музей троость Ясюнинского (скорее всего, Ивана Арсеньевича), которую ранее ему передали старые рабочие хлопчатобумажного комбината.

Два года назад А. А. Калинин из Подмосквы сообщил, что в семье хранится отрез материи с клеймом Товарищества мануфактур Ясюнинских. Он достался от бабушки. Как он ей достался, остается тайной (бабушка умерла), но что она очень им дорожила, раз перевозила с собой при переездах и не использовала в трудные 1930-40-е годы, это точно.

Человек жив, пока жива память о нем, он живет в воспоминаниях и делах. Купцы Ясюнинские навсегда вошли в историю родного края, никакие предания и былички не умаляют их достоинства и уважение со стороны земляков. Здания, возведенные ими, давно уже стали достопримечательностью Кохмы, ее визитной карточкой. Большинство из них занесены в свод памятников истории и культуры Ивановской области. Родовой дом Ясюнинских, где ныне размещается Детская школа искусств, является украшением города.

Хотелось привести еще два эпизода из фабричной жизни, записанных в же С. Г. Кокуриной:

«Рассказывала бабушка и о том, как этот же старик-фабрикант Евтихий – хозяин громадной фабрики, миллионер – в будни садился в наком-нижем белье, поверх которого одевал саксонский халат, в калишках на одну ногу, с суковатой палкой в руках у ворот фабрики встречать рабочих. В время фабриканты сами встречали рабочих у ворот фабрики и часто в это время переманивали хороших мастеров и рабочих с других фабрик к себе.

Опоздавших рабочих фабрикант бил палкой или прогонял домой догнать смену. Но рабочие его часто надуляли: опоздают, ну и обойдут фабрику с другой стороны, перелезут через забор и встанут на свою работу. Спустя некоторое время хозяин обходил фабрику внутри помещения, и видя всех на этих местах, удивлялся, как же он не заметил, когда тот или другой рабочий подошел мимо. «Обманываешь, сукин сын!» – говорил он».

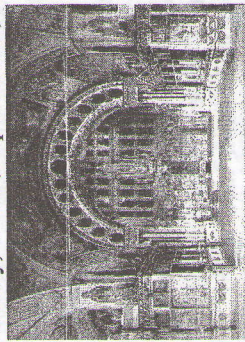
«Да что Вы, Василий Никитич, я еще здоровался с Вами», – отвечал «Не помню», – опять удивлялся хозяин.

Вторая история связана с обычаем устраивать фабрикантами для служащих в конторе чай в 10 часов утра и в 4 часа вечера. «Особый человек в этом чаем. И каждый раз перед чаем с фабрики посылали мальчика на фабриканту (расстояние от дома Ясюнинских до фабрики полилометрами). Где в особую шкатку с отделениями для чая и сахара, жена фабриканта, жена Александровна, отпускала с весу чай и сахар и записала шкатку на него, который оставляла у себя. Таким же ключом на фабрике шкатку отдавали и вынимали содержимое.

Так как мальчик, доставлявший в контору чай, отличался расторопностью, то по прошествии 5 лет, причем при виде хозяйна он тут же падал на колени и кланялся в ноги, прося перевести его в ученики к слесарю, был переведен в слесарное отделение, впоследствии он лет 30 работал главным механиком у Щербаковых. Этот мальчик был не кто иной, как Федор Афанасьев-Калакин, с его слов и записан эпизод со шкаткой».

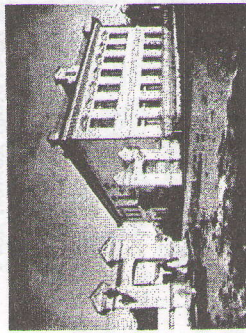
Случались и другие, почти невероятные истории, которые касались других фабрикантов. «Еще один интересный случай рассказала бабушка: как Балдин, богатый кохомский фабрикант, просудил Ясюнинскому все свое имущество и разорился. Сначала Ясюнинский [речь идет, по-видимому, о Василии Никитиче. – Н.Д.] и Балдин жили дружно: гостились и считались друзьями. Потом из-за чего-то поссорились. И вот Ясюнинский, желая отомстить Балдину, заказал художнику написать в церковь большую икону, изображающую «Страшный суд» и мучение грешников в аду. Грешников, горящих в огне, заказал срисовать с семьи фабриканта Балдина. Икона была написана и помещена в притворе церкви, так что все приходящие в церковь, не только на нее первую при входе в храм обращали внимание и, к удивлению

своему, в лице грешников, горящих в огне, узнавали фабриканта Балдина Филиппа Ильича, его жену, Марию Николаевну и их детей. А детей у Балдина было 22 человека. Об иконе заговорили. Балдин скоро об этом узнал и потребовал икону снять. Ясюнинский – староста церковный – запротестовал. Дело дошло до суда. Балдин просудил почти все свое имение, прежде чем добился, чтобы икону сняли».

Иконостас кохонского Христорождественского храма

Имение фабриканта было продано с торгов. Концовка этой истории оказалась, по видимому, неожиданной и для самого Ясюнинского. Вряд ли он ожидал в начале конфликта, что его шутка закончится приобретением им же имени Балдина.

Дом Василия Арсеньевича Ясюнинского

¹ Записи Софии Гавриловны Кокуриной // Фонды МУ «Музей»

О. А. МОНЯКОВА
(г. Ковров)

ШУЙСКОЕ ДУХОВНОЕ УЧИЛИЩЕ В КОНТЕКСТЕ ДУХОВНО-УЧЕБНОЙ РЕФОРМЫ 1867 ГОДА

14 мая 1867 г. в рамках проводимой в стране церковной реформы были Высочайше утверждены новый вариант «Устава и штатов православных семинарий и духовных училищ», который значительным образом изменил организацию учебного дела в этих учебных заведениях. В связи с тем, что реорганизация духовных учебных заведений по новым правилам требовала существенных материальных вложений, она проводилась постепенно, по зонам, в течение нескольких лет. Данное решение было принято на заседании Св. Синода, состоявшегося тотчас же по принятии новых уставов и штатов 17 мая 1867 г. Рассмотрев представленные комитетом по преобразованию духовно-учебных заведений по этому предмету сообщения, Св. Синод постановил преобразование духовных семинарий и училищ по новым уставам и штатам начать с августа 1867 г. и закончить его в течение пяти лет. Установленный при этом порядок преобразования духовных семинарий и училищ был изложен в указе Св. Синода от 27 мая 1867 г. за № 23, который был разослан по всем епархиям¹. В свою очередь принятый «Порядок введения нового устава

штатов духовных семинарий и училищ» был опубликован во всех имевшихся на тот момент местных епархиальных ведомостях².

Годом раньше 14 марта 1866 г. императором было назначено на улучшение содержания духовно-учебных заведений из государственного казначейства пособие в 1 500 000 руб., с постепенным отпуском его, начиная с 1867 года. Эта сумма по соглашению с министром финансов и государственным контролером и с Высочайшего разрешения (17 июня 1866 г.) была занесена в смету Св. Синода таким образом: 1867 – 300 тыс., 1868 – 600 тыс., 1869 – 600 тыс., 1871 – 1 200 тыс., 1871 – 1 500 тыс. В первую очередь положено было начать ассигнования с тех епархий, духовенство которых «оказало или имеет содействие к нуждам духовно-учебных заведений восполнением из своих своих способов»; «потом назначать епархиям, значительная часть учебного сбора которых отчисляется ныне на удовлетворение потребностей учебной части других епархий»; «затем, где свечной сбор получит значительное приращение»; «после, всем прочим»³.

Именно это государственное пособие и решено было использовать для преобразования духовно-учебных заведений, что было законодательным образом регламентировано в принятом «Порядке введения нового устава и штатов духовных семинарий и училищ»: «Как полное преобразование семинарий, а по всем статьям нового устава и штата, зависит в своем осуществлении от состоящих в распоряжении Святейшего Синода денежных средств, а средства эти могут быть достаточны для выполнения всех, показанных по новым штатам, расходов только при отпуске Высочайше пожалованного на улучшение содержания духовно-учебных заведений пособия из государственного казначейства в количестве 1 500 000 рублей, отпуск же сей суммы сполна расходуется на пять лет; то и означенное преобразование всех семинарий, а одновременно с ними и духовных училищ, совершить в течение пяти лет; причем в каждый год, в течение этого периода времени, число преобразованных семинарий, а вместе с ними уездных училищ увеличивать соразмерно с отпуском суммы назначенной к производству из государственного казначейства»⁴. Если же было сказано о том, что в первую очередь данное пособие получат, а следовательно, и смогут осуществить полное преобразование своих духовно-учебных заведений, те епархии, которые изыскали местные средства на улучшение содержания своих семинарий и училищ.

Перемены коснулись управления и содержания учебны. Так, духовные семинарии и училища в административном отношении были подчинены архиепископам, а окружные академические правления упразднены. В семинариях делены выборы ректоров. Духовенство через духовно-училищные съезды получило возможность выбирать не только их, но и инспекторов, назначать духовных преподавателей в семинарии и училища и через их правления выбирать преподавателей, причем средства на семинарии и училища теперь поступали из епархиальных источников⁵. Выше перечисленные преобразования административного порядка не требовали практически материальных затрат, поэтому они были тотчас же реализованы во всех духовно-учебных заведениях

империи. Самыми затратными стали нововведения по учебной части, особенно в плане изменения организации самого учебного процесса и в семинариях и в училищах: каждый имевшийся один двухгодичный класс надо было разделить на два одногодичных как в семинариях, так и в училищах. Это влекло за собой и новые требования к знаниям, в которых располагались учебные заведения. Введение новых учебных программ и новых требований к методике преподавания вызвало необходимость приобретения новых учебников и учебных пособий, а также изменения отношения преподавателей к системе преподавания и т.д.

Те духовно-учебные заведения, которые смогли на собственные средства провести у себя часть необходимых преобразований, считались частично преобразованными, а когда в действие вводился весь комплекс изменений по новому уставу и штатам, они переходили в разряд полностью преобразованных. Согласно изданному «Порядку введения нового устава и штатов...», на все пять лет были распределены духовно-учебные округа, куда направлялось государственное пособие: 1867, 1869, 1871 гг. – Московский и Казанский, 1868, 1870 гг. – Санкт-Петербургский и Киевский⁶. А вот епархии внутри этих округов назначались к преобразованию Св. Синодом ежегодно, при этом учитывалась степень готовности учебных заведений к преобразованию с учетом вложения средств из местных епархиальных источников. Менее подготовленные отодвигались на последнюю очередь.

Каждый год Учебный комитет при Св. Синоде посылал своих представителей для проведения ревизий уже преобразованных учебных заведений и только назначенных к преобразованию. При этом ревизии подвергались все духовно-учебные заведения епархий, т.е. семинарии и приписанные к ней духовные училища. Результаты этих ревизий ежегодно печатались во Всеподданнейших отчетах обер-прокурора. В них мы и находим характеристики, касающиеся состояния Шуйского духовного училища.

Начнем с того, что к преобразованию Владимирская епархия была назначена в 1869 году⁷, а ревизии ее были осуществлены Учебным комитетом за все время проведения реформы пять раз: в 1869, 1871, 1875, 1879 и 1883 гг.⁸, что позволяет проследить динамику изменений, имевших место в духовно-учебных заведениях Владимирской епархии за эти годы, в т.ч. и в Шуйском духовном училище.

Первая 1869 г. ревизия констатировала, что состояние обучения в духовных училищах, не получивших еще полного преобразования, к каковым относилось и Шуйское, оказалось еще менее утешительным, чем в семинариях. «Общим, выдающимся в них недостатком представляется, – пишут ревизоры, – привычка неосмысленного преподавания. Буквальное заучивание уроков, без сознательного усвоения оных, неумение выразить мысль собственными словами, – вот явления, которые замечены почти всюду в училищах в предложенных преобразованию духовных училищах»⁹. Отмечают они также и слабость воспитательной части, отсутствие практической работы по нравственному воспитанию будущих пастырей. Главнейшие причины такого по-

стояния дел представители учебного комитета видят в «неясно развитом сознании воспитательных обязанностей в большей части семинарских и учебных наставников; невыгодных условиях быта учеников, нередко помещенных на разбросанных одна от другой бедных квартирах, среди низших слоев городских населений; прежних, крайне несостоятельных, с педагогической точки зрения, приемах воспитания; а равно в беспорядочности и грубом характере в системе взываний к неисправным ученикам, например, телесные наказания, продолжительное заключение в карцер, утомляющее состояние, лишение обеда с принуждением вместо того учить уроки и т.п.»¹⁰.

Ревизия 1871 г. нашла духовные училища «хотя и в лучшем сравнении с прежним, но далеко еще не в утешительном положении». «Поставив и результаты учебной части оказываются в них более или менее неответственными. – Отмечают ревизоры. – Хотя теперь, уже ни в одном училище не сохраняют своей силы распространенный в прежнее время обычай начинать уроки по учебнику, без всякого разъяснения, и требовать только чтения текста учебной книги, а каждый учитель обыкновенно предлагает объяснение назначаемого урока, с тою целью, чтобы он был понят и усвоен учащимися, но с этим приемом в его ближайшем применении к делу не вполне освоились сами преподаватели...»¹¹. «Все более в удовлетворительном положении находит ревизия духовные училища со стороны воспитательной части: «Грубые и унижительные меры взываний, неразлучные с педагогикой старого времени, но воспринятые новым уставом, не допускаются ни в новом училище»¹². При этом ревизоры отметили, что по-прежнему недостаточен надзор со стороны наставников за учениками в общехитях, а особенно за проживающими на квартирах; а также «неблагоустроенность» училищ в экономическом отношении. «Училищные здания, по большей части, остаются приспособленными к новым условиям, требуемым реформой. Теснота и недостаточность помещений для учеников составляют явление почти общее всем училищам. Нередко классы помещаются в низких и сырых зданиях; зимою они отапливаются, отчего как ученики, так и сами наставники во время уроков снимают верхнего платья и от холода не имеют возможности писать; в других училищах даже не все ученики имеют место в классах и принуждены стоять на уроках. В других училищах нет общежитий даже для сирот и бедных детей духовенства..., и все ученики живут на наемных квартирах».

Все эти недостатки, отмеченные представителями Учебного комитета в Синоде, в полной мере относятся и к Шуйскому духовному училищу, которое только в конце 1879 г. получило собственное здание на главной улице, приобретенное за 25 800 рублей, почему ревизия 1883 г. нашла Шуйское духовное училище «во всех отношениях удовлетворительным», но при этом отметила, что «только общежитие для учеников доселе не устроено»¹³.

Очередная 1875 г. ревизия отнесла Шуйское духовное училище к тем училищам, где учебная часть признана удовлетворительной. «Большинство учителей в оных, – пишут ревизоры, – принадлежали к числу способных и верных преподавателей, – достаточно были знакомы с методами препода-

вания своих предметов и вообще вели учебное дело правильно, а некоторые и вполне удовлетворительно...»¹⁴.

Отметили ревизоры и положительные изменения в религиозно-нравственном воспитании учащихся: «надзор за поведением учеников был бдительный и педагогически правильный»¹⁵. Но по-прежнему в плачевном состоянии находились бытовые условия жизни учеников: во многих училищах до сих пор не учреждено общежитий, и ученики живут на плохих наемных квартирах. Особенно тяжелые условия жизни воспитанников отметили проверяющие в Шуйском духовном училище: «... в Шуйском училище ревизор видел несколько таких квартир, где на 9 учеников не было ни одной кровати и все воспитанники спали на полу; само содержание воспитанников на квартирах относительно пищи, одежды и проч. было нередко скудное до крайности; напр., в том же Шуйском училище и в некоторых других, ученики весьма редко употребляли в пищу мясо, по временам не имели почти никакой обуви и ходили, напр., в летнее время, босые»¹⁶.

Из ревизорских отчетов 1879 г. видно, что большинство училищных наставников усвоило лучшие методические приемы и ведет преподавание правильно. Закон Божий почти во всех училищах преподавался успешно; «только в Шуйском училище замечена по сему предмету недостаточная успешность»¹⁷. Но стабильно отрицательные отзывы проверяющие оставляют о бытовой стороне жизни воспитанников духовных училищ. Причем, «из обреченных в отчетном году училищ хуже других и особенно неудобны оказались квартиры учеников училищ Владимирской епархии». «Питание очень скудно до крайности; иные ученики весь год питаются пустыми шами и кашею, мясной же пищи, по недостатку средств, не могут иметь даже в праздники», — записали ревизоры в Отчете¹⁸.

Преобразованием в 1882 году Курской и Вифанской семинарий и приписанных к ним духовных училищ завершилась перестройка системы средних и начальных духовно-учебных заведений по уставу и штатам 1867 г., расставшаяся вместо предполагаемых пяти лет на 16 лет. В ходе осуществления этой реформы в 1883 году было в последний раз «обревисировано» и Шуйское духовное училище. Проверяющие вынесли по нему следующее заключение: «Шуйское духовное училище найдено также во всех отношениях удовлетворительным; с приобретением в конце 1879 г. за 25800 руб. дома на главной улице г. Шуи училище получило вполне удовлетворительное помещение; только общежитие для учеников доселе не устроено»¹⁹.

Таким образом, несмотря на очевидную затянутость духовно-учебной реформы 1867 г. она принесла свои прогрессивные изменения в организацию учебного и воспитательного процесса в семинариях и училищах, в т.ч. и в Шуйском духовном училище. Но из-за недостатка финансирования практически не изменилась бытовая составляющая жизни воспитанников училищ.

¹ Свод уставов и проектов уставов духовных семинарий 1808-1814, 1862, 1867, 1884 и 1896 гг. СПб., 1908. Приложения. С. XV.

1867. № 14. О. Ч.

извлечение из Всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода гр. Д. Толстого о состоянии православного исповедания за 1866 год. СПб., 1867. С. 58-59.

1867. № 14. О. Ч.

извлечение из Всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода гр. Д. Толстого о состоянии православного исповедания за 1869 год. СПб., 1870. С. 142.

1867. № 14. О. Ч.

извлечение из Всеподданнейшего отчета ... за 1869, 1871, 1875, 1879, 1883 год.

извлечение из Всеподданнейшего отчета ... за 1869 год. С. 145-146.

1867. № 14. О. Ч.

извлечение из Всеподданнейшего отчета ... за 1871 год. С. 116-117.

1867. № 14. О. Ч.

извлечение из Всеподданнейшего отчета ... за 1883 год. - С. 331-332.

извлечение из Всеподданнейшего отчета ... за 1875 год. - С. 185.

1867. № 14. О. Ч.

извлечение из Всеподданнейшего отчета ... за 1879 год. - С. 175.

1867. № 14. О. Ч.

извлечение из Всеподданнейшего отчета ... за 1883 год. - С. 331-332.

1867. № 14. О. Ч.

извлечение из Всеподданнейшего отчета ... за 1883 год. - С. 331-332.

Е. С. СТАВРОВСКИЙ
(г. Шуя)

ОТ ШУЙСКОГО МЕЩАНСКОГО СЫНА ДО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРЕСТУПНИКА (К БИОГРАФИИ С. Г. НЕЧАЕВА)

Сергей Геннадиевич Нечаев (20.09.1847-21.11.1882), известный деятель русского революционного движения, послуживший прототипом одного главных героев романа Ф. М. Достоевского «Бесы», автор «Катехизиса революционера», родом из Шуйского уезда Владимирской губернии. О его жизни и происхождении написано множество статей и немало книг. Исследования о Нечаеве стали появляться еще до 1917 года, но за сто с лишним лет со времени первой публикации о нём до сих пор многое неизвестно, встречается большое количество неточностей и даже ошибок...

Родился Сергей Нечаев в с. Иваново Шуйского уезда в семье шуйского помещика Геннадия Павловича Нечаева и законной жены его Прасковьи Петровны, урожденной Литвиновой, происходящей из Нерехтского уезда Костромской губернии. Хотя Нечаевы жили в селе Иванове, принадлежали они к Шуйскому мещанству (куда были записаны с 1834 года).

Отец нашего героя родился в семье Колобова Ковровского уезда (нынешнее Колобово Шуйского района): «Ковровской округи вотчины помещика Петра Семеновича сына Епишкова сельца Колобова от дворовой девки жены Алексеевой родился сын Геннадий месяца Генваря 13 дня 1822 года, воспитан и крещен в доме господ их; при том были восприемники: того же помещика Петра Семеновича сына Епишкова дети: Павел Петров и Кашичон Петров». По общепринятой, но ничем недоказанной версии отцом

Геннадия был колобовский помещик П. С. Елишков, который при рождении мальчика не пожелал его признать, не дал ему своей фамилии и даже отчества. (Отчество дано от крестного отца, а фамилия происходит от слова «нечей».) До 1840 г. отец Сергея Нечаева значился то Павловым, то Нечаевым. Например, в Книге Шуйской городской думы 1836 г. в списке шуйских помещан он записан как Павлов Геннадий².

В холостые годы Геннадий Павлович служил половым в шуйских и ивановских трактирах; женившись, занялся малым делом в мастерской тестя. По некоторым данным, Г. П. Нечаев с 1856 по 1861 гг. работал в Шуе буфетчиком в трактире. Факт присутствия его в Шуе подтверждается документально материалами Ивановского архива. 12 апреля 1839 года в Шуйском Воскресенском соборе происходило очередное венчание: в брак вступили коворский помещик Александр Иванович Смольников и шуйская помещанская девица Анна Петрова, а поручителем по невесте в брачном обыске записан «шуйский помещик Геннадий Павлов Нечаев»³.

Сам Геннадий Павлович венчался 5 июля 1846 г. в Крестовоздвиженской церкви села Иванова с «Костромской губернии Нерехтского уезда сельца Бахметова вольноотпущенной от Госпожи Текучевой дворовой девицей Прасковей Петровой Литвиновой, 19 лет»⁴.

Первенцем в семье Нечаевых был Сергей. Появился он на свет 20 сентября 1847 года, а крещен на следующий день в Крестовоздвиженском храме с. Иванова. Крестили будущего революционера священник Иоанн Орлов и диакон Иоанн Добронравов. Восприемниками (крестными) его стали «Ярославской губернии Рыбинского уезда деревни Жеребатово крестьянин Федор Матвеев Лучинский» и «Шуйской округи деревни Данильцево вольноотпущенная от Господ Лазаревых-Станищевых крестьянская дочь девица Ирина Петрова Тюпкина»⁵.

Остальные дети в семье Нечаевых были крещены в том же ивановском храме во имя Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня. 7 февраля 1849 года родилась Фотиния (именно так правильно звучит это православное имя, а не Фатина, как её часто называют в разных публикациях), 12 января 1852 года (а не 1851, как у всех авторов) появилась на свет Анна Нечаева. Последним родился Константин (11 сентября 1855 г.), но прожил он менее года. Вслед за ним (26 октября 1856 года, а не 1854 и не 1855 гг., как пишут в разных публикациях) умерла от чахотки Прасковья Петровна, оставив Сергея, Фотинию и Анну сиротами⁶.

17 февраля 1862 г. отец Сергей, Г. П. Нечаев, венчался во второй раз: его супругой стала шуйская помещанская девица Анна Афанасьевна Чихачева. Важно отметить, что поручителем по жениху был хороший знакомый Нечаевых Филипп Диомидович Нефедов, выходец из купцов, публицист, известный писатель-народник⁷. Отец избранный Афанасий Андреевич Чихачев был записан в шуйское мещанство с 1859 г.⁸

Во втором браке у Геннадия Павловича родилось восемь детей (некоторые умерли в младенчестве): Владимир (01.01.1863), Агафангел

11.1864), Александр (01.03.1866), Николай (10.05.1867), Анатолий (06.1869), Леонид (07.07.1870), Анна (18.06.1873), Софья (16.08.1875).

Интересно отметить, что крестным у Владимира (в 1863 г.) в метриках числен Сергей Геннадиевич Нечаев⁹.

Шуйский помещик Павлович Нечаев умер 29 апреля 1886 г., похоронен 1 мая в Иваново-Вознесенске¹⁰. Его вторая жена, Анна Афанасьевна, умерла в 1897 году 62 лет¹¹.

Рано лишившись матери, Сергей воспитывался в Иванове у деда и бабушки (по матери). Образование получил домашнее, с частными уроками, в том числе у писателя-народника В. А. Дементьева. Играя в детских спектаклях, вместе с актерскими способностями. Здесь же, в Иванове, Нечаев познакомился и подружился с упомянутым Ф. Д. Нефедовым, который снабжал Сергия книгами. Сохранилось 14 писем Нечаева Нефедову из Иванова, написанных в 1863-1865 годах, когда Нефедов уже переехал в Москву¹².

Из данных писем видно упорное стремление Нечаева к самообразованию, желание вырваться из села Иванова, «чергова болота» (по словам Нефедова), для этого он планировал летом 1865 года поступить в 6-й класс гимназии, а затем в Московский университет. Дорога к образованию для Нечаева лежала через Шуу, точнее через Шуйскую городскую думу.

«Удостоверение

1865 года августа дня я нижеподписавшийся шуйский помещик Геннадий Павлов Нечаев даю сие удостоверение сыну моему Сергею 18 лет, в том, что согласно его желанию и занятиям для поступления в учебное заведение от себя согласен, а потому и предоставляю ему право просить согласно Закона увольнение из общества города Шуи

Шуйский помещик Геннадий Павлов Нечаев»¹³

«Я Шуйскую городскую думу

Шуйского мещанского сына

Сергия Геннадиевича Нечаева

С согласия родителя моего Шуйского помещика Геннадия Павлова Нечаева я желаю поступить для образования себя в какое-либо высшее учебное заведение и потому представляю при сем письменное удостоверение родителю моему о согласии его на поступление мое в высшее учебное заведение, сорешение прошу городскую думу снабдить меня для сего увольнительным удостоверением на прилагаемой у сего гербовой бумаги

Августа дня 1865 года»¹⁴.

Разрешение (свидетельство № 1427) было выдано 5 августа 1865 г. Нечаев уехал в Москву, но постепенно у него происходит смена приоритетов: стремление к учебе, карьере и прочие житейские мелочи уходят на второй план. Уже к 1868 г. Нечаев находит себе достойное по его разумению место в жизни — в качестве лидера радикального студенчества в Петербурге.

В дальнейшем он, конечно, о чем-то большем. Дальнейшая история его жизни мно-

гократно описана: образование подпольной революционной организации «Народная расправа», убийство студента Петровской академии И. И. Иванова, бегство за границу, арест...

Так, за несколько лет Нечаев прошёл путь от шуйского мещанского сына до государственного преступника. Уже находясь под следствием, он посещал родные места. После одной из таких поездок шуйский уездный исправник докладывал владимирскому губернатору: «один из гр-н Вознесенского посада сообщил ему, что эмигрант Нечаев 20.09 и 5.10 был в селе Иванове, куда приезжал утреним поездом в 4 часу и уезжал в тот же день с черным поездом. Нечаев от природы черноват, был в Иванове белокурый, вероятно, от подкраски волос или имел парик. Останавливался Нечаев у портных братьев Бакакиных... За домом был учрежден секретный надзор... Лицо, сообщившее исправнику эти сведения, просило его ни в каком случае не объявлять его имени, так как опасается подвергнуться той же участи, какая постигла студента Иванова...»¹⁵

Арестовали Нечаева в Цюрихе в августе 1872 года. После суда в Москве он стал узником Алексеевского равелина Петропавловской крепости в Петербурге. Волею судеб Нечаев оказался в той самой камере, в которой за два десятилетия до него известный революционер М. А. Бакунин сочинил свою «Исповедь».

В Петропавловскую крепость Нечаев был доставлен 28 января 1873 года. На следующий день смотритель равелина получил от коменданта крепости особую дополнительную инструкцию: «Заключенного вчера по Высочайшему повелению в Алексеевский равелин, лишенного всех прав содержания, бывшего мещанина города Шуи Сергея Нечаева, предписываю содержать в отдельном каземате под № 5, под самым бдительным надзором и строжайшей тайною, отнюдь не называя его по фамилии: а просто номером каземата, в котором он содержится, и расходовать на продовольствие по 50 копеек в день...»¹⁶

Около 10 лет провел Нечаев в одиночных камерах Петропавловской крепости. Умер он 21 ноября 1882 года, место его погребения неизвестно.

Несмотря на очень короткую жизнь, Нечаев оказал огромное влияние на умы революционно настроенной молодежи, имя его стало нарицательным... Как бы мы ни относились к «шуйскому мещанскому сыну» Нечаеву, одной из самых противоречивых и одиозных фигур в мировом революционном движении, биография и родственные связи его требуют дальнейшего изучения.

¹ Экземплярский П. М. Село Иваново в жизни Сергея Геннадиевича Нечаева // Труды Иванова-Вознесенского государственного научного общества краеведения. Вып. 4. Иваново-Вознесенск, 1926. С. 7-80.

² Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. 21. Оп. 1. Д. 1137. Л. 248.

³ ГАИО. Ф. 71. Оп. 2. Д. 8. Л. 300б.

⁴ ГАИО. Ф. 89. Оп. 1. Д. 53. Л. 278об-279.

⁵ ГАИО. Ф. 89. Оп. 1. Д. 53. Л. 410б-42.

⁶ ГАИО. Ф. 89. Оп. 1. Д. 56. Л. 393об.

ГАИО. Ф. 89. Оп. 1. Д. 62. Л. 126об-127.

ГАИО. Ф. 8011. Оп. 1. Д. 21. Л. 58.

ГАИО. Ф. 89. Оп. 1. Д. 62. Л. 160об.

ГАИО. Ф. 89. Оп. 1. Д. 81. Л. 81об.

ГАИО. Ф. 89. Оп. 3. Д. 3. Л. 113об.

Гос. арх. М. Нечаев. Социальный разрушения. - М.: Мол. гвардия, 2001. - С. 29.

ГАИО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 5955. Л. 2.

Государственный архив Владимирской области (ГАО). Ф. 14. Оп. 5. Д. 452. Л. 4-40б.

Гос. арх. М. Нечаев. Социальный разрушения. - М.: Мол. гвардия, 2001. - С. 293.

Д. Ю. ЛИСТОПАДОВ (г. Иваново) ДЕТСКИЕ ЛАГЕРЯ В ШУЙСКОМ УЕЗДЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В начале XX века четко различали две формы летнего отдыха детей: «колонию» - когда детей вывозили в специально приспособленные здания (на усадьбы и т. д.) на полное иждивение взрослых и «лагеря» - когда дети в компании взрослых, но все же самостоятельно организовывали свою жизнь в лагерьках или шалашах.

Первые колонии в России появились в конце XIX века, а первый российский лагерь был организован летом 1910 года под Москвой.

В Шуйском уезде до 1917 года существовал летний оздоровительный лагерь за городом (колония), где отдыхали дети из приюта и яслей¹.

Колонии для шуйских детей и молодежи проводились в 1919-1920 гг.² В газете «Юный пролетарий», которая была органом Шуйского уездного комитета РКСМ, сообщалось: «Наш союз организует группы и целые колонии подростков и отправляет их в деревню подкормиться, отдохнуть... большая часть учащейся молодежи будет отправлена на лето в колонии».

В 1920 году было открыто 6 детских колоний: в Китово, на Шарыгин-разъезде, в Лихушину, Быково, Ильинском, с. Михаила Архангела. Отдельные колонии, как правило, на даче Балина в Китово⁴.

В Юже (которая с 1921 года входила в Шуйский уезд) в 1923 году учредили детский спортивного общества (скорее всего «соколь» или «скауты») с дачей на «летнюю дачу» (то есть, по сути, в колонию)⁵.

Когда же начали проводить именно лагеря (а не колонии) на территории Шуйского уезда? Один из первых шуйских пионеров Л. Охлопков вспоминает: «...у нас был и пионерский лагерь...собирали строители по всем колониальным продуктам кое-какие (подсолнечное масло да пшено) и отправляли нас в лагерь. Построили в лесу за Марьиной рощей шалаш - в них и жили. К сожалению, он не указал, в каком году проводился этот лагерь».

Согласно устоявшимся представлениям, первый палаточный лагерь на территории Ивановской области провели кинешемские пионеры в августе 1925 года⁶. Однако, это не так. Нами установлено, что палаточные лагеря существовали ранее. Так, Шуйская газета «Серп и Молот» сообщает⁸, что в

лагерь выезжали 100 пионеров. «Быстро разбили палатки. Одно звено – собирать гербарий, остальные – помочь крестьянам». Лагерь длился 6 суток. На сегодня это первое задокументированное свидетельство о проведении палаточного лагеря на территории Ивановской области.

Как готовили этот лагерь? Об этом свидетельствует «Смета в правление ЕШПО на снабжение и обмундирование отряда юных пионеров численностью в 100 человек», составленная в июне 1924 года, в которой предусмотрены палатки походные (80 шт), галстухи (100 шт), котелки (40 шт), топоры походные (25 шт), лопатки малые походные (30 шт), посохи (100 шт), походные аптечки (4 шт), большой мяч с камерой и покрывной (2 шт), а также формы для пионеров (рубашки и трусики) и литература.⁹

В 1925 году шуйские пионеры также выезжали в лагерь¹⁰, однако не всем отрядам удалось добыть себе палатки. Так, пионеры отряда в Новых Горках писали¹¹, что из-за плохого материального положения отряда они не имеют палаток и поэтому летом не могут вести лагерную жизнь. Отметим, что несколько шуйских пионеров в 1925 году попали в «Артек», который также был тогда палаточным.

В 1926 году некоторые шуйские пионерские отряды вновь выезжали в палаточные лагеря, а уже в 1927 году на губернском уровне принимается решение прекратить проведение палаточных лагерей (что было вызвано, как мы полагаем, отсутствием квалифицированных кадров) и пионерскими лагерями начинают называть то, что ранее называли колониями.

Сохранились не только воспоминания шуйских пионеров об этих лагерях, но и фотографии, хранящиеся в музее М.В. Фрунзе.

Подпись на обороте: «П. вож. Тамара Иванова, Леша Глазков, Дуся Бочарова, завхоз Коля Берегов, гармонист Витя Суслов, нач. лагеря В. Цепов».

Про лагерь шуйских детей в 1927 году несколько раз пишет «Серп и Молот»: «Открытие назначено на 17 июля. Пионеры уедут на неделю раньше, которую употребят на подготовку к открытию»; «в борковском монастыре

из Колюя 160 ребятшек из пыльной Шуи»; «в лагере пионеров замечены не недостатки изжидаются быстро. В лагере организованы стрелковый и лыжный кружки. Уком предоставил учебную винтовку и тысячу малокалиберных патронов. В рыболовном кружке большое участие принимают дети, просиживая на берегу реки ... от утра до обеда»; «вчера из лагерей уехали шуйские пионеры, лагерная жизнь принесла детям очень большую пользу. Почти все прибыли в весе. Одна пионерка прибавилась на 11 фунтов». Правда, в лагере не было врача и было недостаточно руководителей при численности 150-160 человек в смену и работе с 10 июля по 30 августа.¹²

В 1928 году губком ВКП (б) принял решение – 50% всех пионеров – в лагерь¹³, что, хотя и было совершенно невыполнимо (даже в 1930 году в лагерь выезжали 5000 пионеров Ивановской промышленной области¹⁵ при численности пионеров 70 000¹⁶), но стимулировало местные власти уделять больше внимания пионерским лагерям.

Для шуйских детей в 1928 году пионерский лагерь проводили с 23 июня по 1 июля Павловской даче «Райки» (Васильевская волость)¹⁷. Вот что сообщает об этом лагере пионерка тех лет Т. П. Ефратова-Иванова: «по дороге на крестьянских телегах поехали в лагерь, который размещался в оборудованном помещенье дома. Каждый взял ложку, вилку, простыню, полотенце, одеяло... на кухне еще не оборудована... на ужин дали чай, картошку... построили мостики на речке для умывания, а затем соорудили плот, на котором переправлялись на другой берег...»¹⁸. В 1929 лагерь проводили там же, но уже с 15 июня. Каждый пионер оплачивал 25% стоимости пребывания¹⁹. Кроме того, в 1929 году действует санаторный лагерь на станции с пропускной способностью 300 человек²⁰.

По-настоящему развернулось лагерное движение в Ивановской области в начале 30-х годов. Открывались разнообразные лагеря. Так, Т. П. Ефратова-Иванова в своих воспоминаниях пишет, что летом 1933 года была назначена политрук в военизированный пионерлагерь, в котором проводились военизированные игры, ночные боевые тревоги, служба по лагерю, наряды. Готовили ребят к сдаче норм на значок «Ворошилов – стрелок» и ГСО». Другой ветеран шуйского пионерского движения – Кузнецов вспоминает, что работал в начале 30-х годов начальником палаточного пионерского лагеря. В 30-е годы пионерские лагеря проводились в различных местах близ Шуи: у Маклакова, Ильинского, Клешиевки, Воскресенского.

Распорядок дня пионерского лагеря был таков²¹:

7.00. подъем, умывание, 7.50. линейка, 8.00. завтрак, 9 – 11 часов – свободное время, 11 – 12 часов – солнечные ванны, 12 – 13 часов – отдых, 14.00. – обед, 14.00 – 15.30 – мертвый час, 15.30 – 18.00. – клубное время, 18.00. – 18.30. – чай, 18.30 – 19.30 – работа в совхозе (колхозе), 19.30. – ужин, 20.00. – костер, 21.30. – вечерние приготовления, 22.00. – сон.

Интересны обязательства пионеров шуйской Большой Красной фабрики: «в лагере ходить походы на лодках по Тезе, в экспедиции – походы (изучение Тезы, истории Шуй, в Дунилово), проводить костры на политические темы, взять шефство над кроликом»²².

Итак, некоторые выводы.

- «Лагерное дело» начало развиваться в Шуйском уезде еще до 1917 года,
- С 1927 года проведение лагерей в палатках для шуйских детей надолго прекратилось (в 60-х годах интернат организовал палаточный лагерь для своих воспитанников у д. Косячево, а в настоящее время работает археологический палаточный лагерь клуба «ЮЛИО»).
- Количество стационарных лагерей для шуйских детей и подростков росло с 1927 года до 1985 года, когда их было открыто 9 (включая лагерь труда и отдыха), а потом стало резко уменьшаться – на сегодня 2, и то в основном они работают на детей из других регионов.

¹ Тихомиров А.М. "Обзор благотворительной деятельности фабрикантов в Ивановском крае в XIX – начале XX века". В сб. Мценск: русской провинции: история и современность". Научно-практическая конференция. Иваново, 2007 г.

² МУ АГОШ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 2. Л. 4.

³ «Юный пролетарий», орган Шуйского уездного комитета РКСМ, №12 от 24.05.1920

⁴ «Новый путь», Орган Шуйского Исполнительного Комитета Уездного Совета Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов 10.07.20, 17.07.20, 31.07.20, 17.10.20.

⁵ «Светлый путь», орган Южского районного комитета КПСС и районного Советов народных депутатов, 28.10.71, 18.05.72

⁶ «Знамя коммунизма», орган Шуйского городского и районного комитетов КПСС, городского и районного Советов народных депутатов 19.05.68.

⁷ Красногастульский марш, Верхне-Волжское издательство, 1974, с.56

⁸ «Серп и молот», Орган Шуйского Исполнительного Комитета Уездного Совета Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов, 20.09.24.

⁹ Государственный архив Ивановской области (ГАИО), Ф. П-293. Оп. 1. Д. 108. Л. 18.

¹⁰ ГАИО. Ф. П-288. Оп. 1. Д. 424. Л. 3.

¹¹ «Серп и молот», 10.06.25.

¹² «Серп и молот», 21.07.27, 20.08.27, 31.08.27.

¹³ «Серп и молот», 15.09.27.

¹⁴ «Серп и молот», 26.04.

¹⁵ Котляров Н. «За новый подъем пионерского движения» (Доклад на 2-ой областной конференции ВЛКСМ. Москва-Иваново. Госиздат, 1931г.

¹⁶ «Задачи пионердвижения Ивановской области». Материалы 1-го областного совещания пионерских работников Ивановской области 05.-07.02.1930. Изд. Вознесенск, 1930., с.31.

¹⁷ «Серп и молот», 07.07.28

¹⁸ ШИХММ им. Фрунзе, комсомольский фонд

¹⁹ «Юный Текстильник». Орган губернского бюро РЛКСМ 05.06.29

²⁰ «Юный Текстильник». 24 мая 1929 г.

²¹ «Всегда готов», областная пионерская газета. 29 июня 1932 г

²² «Всегда готов», 5 июня 1932 г.

Л. П. БАТЫРЕВА (г. Шуя) «ПОЧЕМУ БОЛЬШИНСТВО КРЕСТЬЯНСКОЙ МАССЫ В КОЛХОЗЫ НЕЙДУТ?» (ПРОТОКОЛ ОДНОГО СОБРАНИЯ)

Протоколы сельских собраний – как правило, краткие, однообразные акты, написанные либо на специальном бланке, либо оформленные секретарем по хорошо известной ему форме, включающей заголовки, перечень повестки дня, констатирующую часть, постановляющую часть, подписание председателя собрания и секретаря. И все же встречаются тексты, привлекающие внимание своей нестандартностью. Таков, например, протокол собрания граждан с. Студенцы¹, жители которого обсуждают, во-первых, сотрудничество на КВЖД, во-вторых, закрытие церкви в Студенцах. Документ этот отличается объемом, подробностью в передаче содержания высказываний участников собрания, отражением эмоциональной атмосферы происходящего в собрании, характером выступлений [Батырева 2008].

Секретарь собрания Дворишковского сельсовета тоже оказался человеком весьма дотошным, благодаря чему мы имеем возможность вникнуть в саму жизнь и быта русской деревни первой половины XX века, в частности, о том, как шла организация колхозов.

Коллективное ведение хозяйства для крестьян в начале 30-х гг. было еще как следствие – настороженность в отношении к колхозам, сомнение в необходимости. Эти настроения ярко передают тексты протоколов². Участники собрания Дворишковского сельсовета интересуется, например:

Будет ли даваться земля крестьянину, который не взойдет в колхоз, не объединится?

Какой заработок будет в колхозе?

Как будет оплачиваться зарплата – по специальностям или по специальности, или по потребностям?

Будут ли классы в колхозе?

Получит ли льготу большесемейный в колхозе?

Как намерены использовать рабочую силу в колхозе?

Кто будет на инвалидов работать?

Сколько получили в колхозе мануфактуры и обуви сами дуниловские женщины?

Какой паек получают малые дети?

*Как снабжаются колхозники одеждой и обувью?*³

Некоторые вопросы кажутся сейчас наивными и даже забавными:

Может ли быть зависимость между колхозниками в специализации на рыбалках?

Где будем париться: в одной бане с женскими или?

При вступлении в колхоз будем ли жить все время в своих домах или переедем в колхоз?

Думается, в начале 30-х гг. эти вопросы звучали вполне серьезно. Крестьяне боялись, что будет нарушен привычный уклад жизни, не понимали, что их ждет, не были готовы к изменениям, были убеждены в том, что не следует торопиться с вступлением в колхоз (*Что так сильно спешат организовать колхоз?*). В вопросе – *Сумеет ли с нами справиться Государство если мы все войдем в колхоз?* – в имплицитном виде содержится мысль (завуалированная заботой о государстве) о том, что не стоит сразу всем включаться в новое колхозное сообщество.

Крестьянину страшно вступать в колхоз, но страшно и не вступать. Это опасение выражается следующим образом: *Что будет если в колхоз не войдут в 2 года?* Выясняются условия «отступления» в случае неудачной попытки жизни в колхозе. Один из участников собрания интересуется, например, как возвращается земля вышедшему из колхоза. Наконец, ещё один вопрос, не нашедший ответа, но дающий представление о настроениях крестьян, звучит так: *Почему большинство крестьянской массы в колхозы нейдут?*

Аргументы же властей сводятся к следующему:

– *Ведение коллективного хозяйства необходимо и даст... много выгоды, колхоз есть... та же фабрика, и труд будет всегда облегчен путем механизации.*

– *У нас в колхозе урожай лучше, чем у единоличника.*

Те, кто против коллективизации, тоже приволяют свои доводы, в том числе невербальные. Так, *гр-ка Б<...>ва выступала против бедноты на вечеринке женщин и избивала в школе... ученика и грозила т. С<...>ву за то, что он записался в колхоз... Избивала и запугивала бедноту... держа в зажиме всю матомощно-бедняцкую часть деревни.*

Протоколы информируют о взаимоотношениях людей разного уровня материального благосостояния – середняков, кулаков, бедняков. Очевидно, что быть отнесенным к числу бедноты было выгодным. Бедняки имели преимущества перед другими слоями деревенского общества – могли рассчитывать на разного рода помощь, поддержку со стороны государства. См., например:

– *Можно ли увеличить бедноту, которая нужд<ается> в помощи<ствах>?*

– *Какие возможны от правительства обязанности на бедноту в политическом духе, и работоспособна ли она?*

– *Оказывать помощь как материальную, а также и денежную, а главное трудовую, если только он заслуживает и действительно бедняк не искусственный.*

Преимущества одной части населения перед другой провоцировали злоупотребления, подлог, обман: *наряду с беднотой фактической появлялась беднота искусственная*. В протоколе обнаруживаем гневные тирады и вопросы, адресованные так называемой искусственной бедноте:

Искусственная беднота есть, если в лаке выкупить, то у него найдется, а если пойти на лесные работы, то он говорит, что у меня и на рубку нет средств>

Кто был коняк из бедноты в д. Высокове?

Среди бедноты было немало лентяев (*Есть бедняки которые не работают и не хотят работать; Имеем ли право вычистить подырей из бедноты?*). При этом «генеральная линия» власти – полное доверие беднякам и исключение их главенства в деревне: *по части дер. Пыреевки, то беднота совершенно работает правильно и берет зажиточную верхушку в свои руки. Соответственно бедноты д. М. Дворишек, то беднота там под зажимом заперена*

На собрании высказана ещё одна мысль, казалось бы странная, но абсурдно логичная и значимая для властей придерживавших (и вполне современных) *если у нас будет больше бедноты, то работать будет легче.*

Отношение разных групп крестьян к новым реалиям и друг к другу отразилось в лексиконе. Вот лишь некоторые примеры. Появляются новые фразеологические единицы – *держать в зажиме, фактическая беднота, искусственная беднота*. Зафиксировано сочетание *с одним голым воротом*, характеризующее отсутствие имущества, нищету и выражающее отрицательное отношение к бедному, неимущему со стороны середняка: *не нужно так делать, например, как вступает <в колхоз> самый бедняк, который идет с одним голым воротом*. Ср. в СРНГ: *ворот 'шея; нижняя часть шеи'* [СРНГ 5: 118]

Наименее примирительная сельская камора⁴ – полагаем, наименее общественно институт и одновременно присутственного места, где ранее века регулировались взаимоотношения сельчан. (Слово *камора* – вхождение в состав этого словосочетания, включено в МАС с пометой *устаревшее и областное* [МАС, 2, 24]. В ЯОС отмечено *камора* 'комната' [ЯОС 3: 57]. У Даля – другой, более известный, фонетический вариант – *камора* 'комната, покой; присутственное место, дума, суд, заседание; палата; кабинет, народное собрание или заседание выборных от сословий' [Даль, 1911])

Отмечено диалектное слово *ропта* 'ропот, недовольство' в сочетании *ропта ропота* (В архагических говорах известно *ропта* 'ворчание, брюзжание' [СРНГ 35: 179])

Тексты протоколов просты и незамысловаты, но в них проступает реальная жизнь обычных людей, переданная обычным языком своего времени. Они представляют уклад жизни русской деревни первой половины XX в., о работ и проблем сельчан, специфику восприятия ими окружающей действительности, тексты отражают оценочную семантику времени, содержат ценный лингвистический материал, фиксирующий языковую ситуацию первоначальной эпохи.

¹ МУ АГОШ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 4. Л. 16—19.

² МУ АГОШ. Ф. 107. Оп. 1. Д. 3.

³ Секретарь собрания — человек недостаточно грамотный, его письменная речь изобилует ошибками разного характера — орфографическими, пунктуационными, грамматическими. Для удобства читателей мы посчитали возможным использовать здесь нормативную орфографическую запись. Пунктуация также нормативная. Однако сохраняются некоторые грамматические и лексические особенности оригинала. Пропущенные фрагменты отмечаются многоточием, восстановленные — включаются в угловые скобки. При цитировании протоколов используется курсив.

⁴ МУ АГОШ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 19.

Условные сокращения

Даль — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1999.

МАС — Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М., 1981—1984.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Л. — СПб., 1965—2007. Вып. 1—41.

ЯОС — Ярославский областной словарь: В 10 вып. / Под ред. Г. Г. Мельниченко. Ярославль, 1981—1991.

С. В. ПОТАНИН
(г. Тейково)

ДЕЛО О ТОМ, КАК КРЕСТЬЯНЕ СЕЛА АЛФЕРЬЕВО БАТЮШКЕ ОБИДЫ ЧИНИЛИ

В 33 верстах от уездной Шуй расположено село Алферьево (ныне территория Тейковского района). В нём некогда стояли величественные храмы, окруженные под сводами богомольцев здешней округи.

Благоденственная пятиглавая обитель была возведена на излёте XVII-го столетия в 1697 году «тшанием Архимандрита Феодосия на его келейное пожелание». Почему молитвенный старец дал обет Всевышнему на постройку храма в этой местности — одному Богу ведомо.

Возможно, он был уроженцем здешних земель, а быть может, в этом отношении началось его священническое служение. Достоверно известно лишь то, что на стене храма и в алтаре были начертаны следующие надписи: «Лета от рожденья святаго сию святую церковь с трапезною и с колокольнею каменную по обещанию своему Архимандрит Феодосий. За сие строение переформан и за упокой его Архимандрита Феодосия также и его родичей поминать рабов Божьих иеромонаха Никодима, схимонаха Нестора, монаха Нифонта, монаха Авакума, схимонахини Февронии, Иоанна, Григория, Мины, Ирины, Ульянии, Ксении, Петра. В живых иерея: Иоанна, Игнатия, иеромонаха Гурия, схимонаха Ферапонта, инокини-схимницы Нагалии, иеромонаха Григория, схимонаха Григория, инокини-схимницы Нагалии, иеромонаха Григория, схимонаха Григория». Текст этого автографа сохранился благодаря описанию святых мест историком церковного прошлого Владимирских земель Иваном Березинным, Архимандрит Феодосий хотел сохранить для потомков память о нем и его имени. Где нашли свой последний приют перечисленные священные лица и как они были связаны с алферьевским краем — неизвестно. В погребен сам строитель храма — тоже загадка.

В 1783 году поодаль от Благовещенского храма строится церковь из кирпича вместо обветшавшей деревянной. Средства на строительство тёплой церкви Николаевской церкви собирали всем миром. Имена священнослужителей, благотворителей и прихожан Алферьевского прихода поглотила река времени. Какие-либо письменные источники отсутствуют. И лишь благодаря тому чудесному делу, хранящемуся во Владимирском архиве, мы имеем возможность узнать о непростой судьбе местного пастыря.

Во Владимирское губернское правление пришло донесение из Шуйского уездного суда, датированное «августа 4-го дня 1797 года». В нем Фёдор Каленкин сообщает, что неоднократно обращался в Шуйский суд, и к нему лично «Шуйской округи села Алферьева священник и дьячок Грамм Васильев»¹.

Батюшка просил защиты от своих прихожан, крепостных крестьян и влиятельного статского советника Дмитрия Степановича Козинского и

гвардии подпоручика Михаила Ивановича Богданова. Он неоднократно обращался с письменными и словесными жалобами о «чинимых ему разных обидах и притеснениях»⁴.

Так, алферьевские крестьяне и управляющие вотчинами были уличены в «непущении стада священно-церковнослужителей скота»⁵ на вновь отвёдённые для выпаса земли, чем нарушили указ губернского правления. В донесении исправника читаем: «Реченный священник от угнетения крестьян нимало не избавляется, а вместо того от чинимых ему показанными крестьянами похвальных слов более разоряется»⁶.

Чтобы прокормить семью, сохранить собственное стадо и уберечь покосы от злопыхателей, батюшка удаляется подальше от села, на наёмную пустошь близ реки Ухтохмы. Вероятно, эти земли располагались неподалеку от входившей в Алферьевский приход деревни Калининно. Само село стоит на холмистых берегах небольшой реки Санебы, в некоторых источниках она упоминается как полурека. Но и здесь его настигает злой рок в лице заблудших духовных чад.

Обратимся вновь к известному нам документу. В рапорте исправника сообщается, как был окончательно разорён священник с необычным для срединной Руси именем и повсеместно распространенной фамилией – Еразм Васильев.

«Священник по данным сего августа 3-го дня объявлением донёс: на кошенное де им на наёмной пустоше сено четыре стога в ночи на второе число сего августа, один весь разломан, а два стога без известия и ещё третьего половина перетасканы и погружены в глубину реки Ухтохмы, по цене рублей на восемь-десять и тем довели его до крайнего разорения. Такое озорничество, не иначе, что оное учинено крестьянами села Алферьева, а не другим кем, потому что он ни от кого другого неудовольствия и нападения не чувствует и никогда не ощущал, а села Алферьева крестьяне беспрестанные угрозы простирают, разорить его до основания, что самое и случилось и он разорение претерпевает, о каковом потоплении сена насущного рапортом донёс»⁷.

Место пришествия было осмотрено властями. По оценке «сторонних людей»⁸ урон составил уже упомянутую сумму в 8-10 рублей. Были секретно допрошены управляющие помещичьими вотчинами, но они «учинили заирательство, сказали, где таковое озорничество учинено они не знают»⁹.

В журнале Владимирского губернского суда 12 августа 1797 года отнесительно этого дела сделана следующая запись: «Шуйский нижний земский суд должен особо учинить точнейшее на месте исследование и также непременно Синодальный (суд), и для того послать в дома установить непременно точным исследованием изведать истину и найти виновного обиженого священника удовлетворить законным образом»¹⁰.

Чем закончилось это дело, была ли «изведена истина», какие ещё обиды чинили батюшке жители села Алферьева, неизвестно. В безбожные 30-40-е годы уже двадцатого столетия Благовещенский храм, возведённый архимандритом Феодосием, был полностью уничтожен. Николаевская тёплая церковь

разрушена и переоборудована под сельмаг. Священники отправлены в «селебный край», церковное кладбище полностью разорено. Поля окрест Алферьева стоят ныне искошенные, медленно зарастают лесом.

1803, ф. 1, Оп. 2, Д. 51, л. 373.

1803, ф. 1, Оп. 2, Д. 51, л. 373.

1803, ф. 1, Оп. 2, Д. 51, л. 373.

1803, ф. 1, Оп. 2, Д. 51, л. 373.

1803, ф. 1, Оп. 2, Д. 51, л. 373.

1803, ф. 1, Оп. 2, Д. 51, л. 373.

1803, ф. 1, Оп. 2, Д. 51, л. 373.

1803, ф. 1, Оп. 2, Д. 51, л. 373.

1803, ф. 1, Оп. 2, Д. 51, л. 373.

1803, ф. 1, Оп. 2, Д. 51, л. 373.

1803, ф. 1, Оп. 2, Д. 51, л. 373.

И. Ю. ЧЕРЕМУШКИН
(г. Тейково)

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ ХМЕТЕВСКОЙ – ЖИЗНЬ ВО БЛАГО (180-лет юбилей ликвидации эпидемии холеры в селе Тейково)

Хметевской Андрей Петрович (16.08.1784 – 14.10.1849) родился в селе Тейково Ковровского уезда. Его дед, надворный советник Андрей Иванович Хметевской, потомок старинного дворянского рода, известного с XV столетия. В 1779 году построил в селе Березовик Ковровского уезда (ныне Тейковский район Ивановской области) теплый храм Происхождения Честных древних реликвий Михаила Архангела. Через 40 лет, в 1809 году, на средства прихода был надстроен второй этаж с холодным храмом Всех Скорбящих Раб в колокольней. В 1854 году усердием помещицы Натальи Ивановны Хметевской в храм устроен придел во имя Святителя и Чудотворца Николая, в честь о своих братьях Черявниных, утонувших в реке Вязьме при спасении престолов. Таким образом, в церкви четыре престола.

Андрей Иванович был женат на Лукерье Алексеевне Жеребцовой, по рождению Суздальского уезда. Их сын, Петр Андреевич Хметевский, отставной поручик лейб-гвардии Преображенского полка, служил горюничим в Суздальском уезде в 1785–1796 гг. Он был женат на княжне Прасковье Александровне Хметевской (1761 – ум. после 1811), дочери полковника князя Александра Ивановича Хметевского. От этого брака у четы Хметевских родился сын, который был поручен Андреем в честь св. мч. Андрея Стратилата. Он получил высшее образование, некоторое время учителем мальчика состоял воспитателем Владимирской духовной семинарии Алексей Николин, который специально для этого периодически наезжал в Суздаль из губернской столицы.

28 августа 1800 года А. П. Хметевской поступил на действительную службу в Навагинский мушкетерский полк унтер-офицером. Менее чем через год, 29 сентября 1802 года стараниями родственников он был переведен в

лейб-гвардии Измайловский полк портулей-прапорщиком. После ухода в отставку в чине гвардейского прапорщика в марте 1805 года началась гражданская карьера А. П. Хметевского.

В декабре 1806 г. он был избран пятистотенным начальником во Владимирское земское общество, а в марте следующего года определен в подвизное земское войско ротным командиром.

В августе 1812 г. он опять вступил во Владимирское ополчение. В 1-м батальоне 4-го пешего казачьего полка он находился с начала его формирования до самого отпуска. За отлично-усердную службу и ревностное выполнение должностных поручений гвардии подпоручик получил монаршее благоволение.

В 1830-31 гг. в России произошли массовые вспышки холеры, сопровождавшиеся народными волнениями. Несмотря на все меры, предпринятые правительством по борьбе с эпидемией, одними медицинскими средствами ее погасить не удалось. Поскольку любое заболевание – это посещение Божие или в наказание за грехи, или для вразумления для людей, то по повелению царя Николая I по всем храмам Российской империи был разослан текст особой молитвы для ежедневного чтения на литургии об избавлении от напасти. Осенью 1831 года опять же по повелению царя приказано было отслужить по всем храмам России благодарственные молебны за исцеление и прекращение эпидемии холеры.

В разгар этой эпидемии в с. Тейково Шуевского уезда, тогда входившего во Владимирскую губернию, выехал губернский предводитель дворянства Андрей Петрович Хметевской. С 25 мая по 30 июня 1831 года Хметевской пребывал в Тейкове, где под его руководством была устроена инфекционная больница. За усердие по прекращению холеры в апреле 1831 года Хметевскому было объявлено монаршее благоволение.

О размахе эпидемии говорят цифры. В архивных документах сохранились сведения о том, что только в одном приходе с. Тейково с 11 июня по 26 июля того же года из числа заболевших выздоровело только 78 человек, а умерло 166. В числе умерших были священник с. Тейкова Егор Кандидов, 32-х лет, пономарь Иван Федоров, дьячок Яков Матвеев и члены их семей.

Весь трагизм ситуации можно представить из докладной записки А. П. Хметевского Владимирскому губернатору от 27 июня 1831 года: «*Ваше Превосходительство, Милостивый Государь! Положение крестьян местного селения заставляет меня еще остаться здесь, не могу Вам выразить, какое в них возрыдалось уныние и, даже можно сказать, отчаяние, почти все угорхали и секретно приобщались Святых Таин. Заболевших никак не могли угорхавить принять лекарство. Некоторые, по сделанным убеждениям и приказаниям и брали лекарство в рот, но, исходя наружу, выплевывали. Привозят же больных в таком положении, что тяжелые умирают уже через несколько часов. Вот что и заставляет меня завтра тотчас после обедни поднести образы в приготовленную фабрику для лазарета, отслужить молебен с водосвятием и приступить к переводу больных, хотя через оное вызвать дове-*

дены к начальству и показать им, сколько старается оное о них к пользе попечителю».

Спустя три дня, 30 июня, А. П. Хметевской писал в своем отчете: «*По случаю опирающейся в селе Тейкове болезни холеры, подвергшиеся оной жители переболели мною 28 июня в лазарет, устроенный в пустопорожней избе по поднесении святых икон совершено молебствие с водоосвящением. При сем случае некоторые из проживающих в вышеозначенном селе, кои движимы христианского любовию к ближнему и сострадая к человеческому добровольно выказались вспомоществовать для больных от своих изымаемых как то: Писской 2-ой гильдии купец Степан Каретников с самого начала болезни холеры, для всех, находящихся в больницах, доставлять по посылу, нужные вещи и материалы, укус, сахар и прочее. Шульской 2-ой гильдии купец Федор Попов тысячу рублей; 3-ей гильдии купецкой сын Иван Леонович сто рублей; крестьянин вотчины Г. Г. Олсуфьевых Тимофей Каретников тысячу рублей. О чем долгом почтито довести до сведения Вашего Превосходительства».*

Тогда же по благословению епископа Владимирского и Суздальского Степана (Черткова) в село Тейково был доставлен список с чудотворной иконы Боголюбской Божией Матери, после совершения молебнов и крестно-ходовых заговоров села эпидемия прекратилась.

Различные загадки и тайны связаны с иконой Боголюбской Божией Матери. Постоянным местом нахождения иконы был Троицкий храм села Тейкова. Икона не имела серебряной ризы, поэтому в дальнейшем это её и назвали «голубой». После известных событий в Шуе, в марте 1922 года, власть большевиков более решительно начала изымать церковные ценности. По рассказам очевидцев, когда в Тейково прибыл Владимир Куприянов, его отец собственными глазами увидел, как волами храмового комплекса сжигались иконы и старинные книги. Икона Боголюбской Божией Матери тайным образом куда-то исчезла. Много лет икону прятали, перевозили из одного места в другое, а не только в январе 2008 г., одна из пожилых тейковчанок купила частный дом, она привезла икону в сарае порядок и обнаружила замурованную в стене икону. Икону передала икону в музей со словами: «Богом велено». В результате исследований работ мы установили, что она была написана в 1831 году по иконописному Иваном Шороховым, который работал в Боголюбском монастыре. Список был сделан с чудотворной иконы. Заказали ее Степан Иванов-Каретников и Андрей Петрович Хметевской. Икона имеет размеры 120 см х 60 см. Иконописная доска, левкас, паволока, золочение. Икона поступила в Тейково в 1831 году. Масляные краски на иконе более-менее сохранились, а вот лики святых, написанные темперой, краской на основе желтка и золотом, просто съели микроорганизмы. Заслуживает внимания тот факт, что икона привезенная из Иванова художник-реставратор Евгений Кузин привез и восстановленную икону, лики стали проявляться. Но чуда на этом не произошло. Когда заканчивалась работа над ликом Божией Матери, неожиданно, без согласования, в Тейково приехал духовник Боголюбского мо-

настия архимандрит Петр (Кучер). И он оказался первым священнослужителем, кто помогал у обновленного образа.

Возвращаясь к личности Андрея Петровича, хочется добавить, что в августе 1832 г. Хметевской получил знак отличия за 15 лет беспорочной службы. 2 января 1833 г. он был из должности предводителя. За беспорядки при дворянских выборах в 1832 г. по повелению Николая I, Хметевскому 3 июня 1833 г. был объявлен строгий выговор. Тем не менее, в августе 1837 г. он получил очередной знак отличия за 20 лет беспорочной службы, а в декабре того же года награжден орденом св. Анны II ст., украшенным императорской короной. А. П. Хметевской был награжден не однократно:

- За службу в милиции в июле 1808 г. был пожалован золотой медалью на Владимирской ленте с надписью «За веру и Отечество».
- За лично-усердную службу и ревностное выполнение должностных поручений гвардии подпоручик получил монаршее благоволение, а в память войны 1812 года — бронзовую медаль.
- За службу предводителем в течение трех сроков 27 октября 1827 г. был пожалован орденом св. Владимира IV ст.
- За отличие по службе 1 октября того года был награжден орденом св. Анны II ст.²

В настоящее время в с. Березовик сохранились фрагменты пейзажного парка, бывшей усадьбы владельцев села дворян Хметевских, располагающейся в непосредственной близости от храма.

Доцент Ивановского государственного университета кандидат филологических наук Т. Н. Головина много лет изучает дневники и письма Чихачева и Чернавина, хранящиеся в Государственном архиве Ивановской области. Из этих дневников она собрала совсем немного информации об усадьбе Хметевских в Березовике. «...Вероятно, — сообщает в своём письме на имя Татьяна Николаевна, — усадьба находилась неподалеку от имени Чернавина. Но Хметевской — предводитель дворянства Владимирской губернии — редко «удостоивал среднеломестных дворян» своим общением. Однажды он все же пригласил Чихачева в свой владения, и тот был поражен роскошными цветниками, богатой библиотекой, зимним садом, в котором располагался кабинет хозяина, и ванной из мрамора». В конце письма Татьяна Николаевна пишет: «Местоположение усадьбы мне не известно. Но следует, что тот парк, в котором мы с Вами были, принадлежал не Чернавину (из документов следует, что у Чернавина был весьма скромный садик), а Хметевскому». Мы склонны согласиться с Т. Н. Головиной. Об этом говорят и найденные на бывшем погосте два известковых надгробья. После изучения надписей нам удалось установить, что одно из надгробий принадлежит супруге Андрея Ивановича Хметевского. В верхней части надгробной плиты выбита дата 1773 год. Далее читается с трудом следующая надпись: «Лукерия Алексеевна жена надворного Советника Андрея Петровича Хметевского жителя ея было 52 года погребена Березовике писано 10 декабря». По всей видимости, второе надгробие принадлежит её мужу, строителю храма.

В книге И. В. Глушанкова «Славные навигаторы Российские» приведен интересный факт, связанный с родом Хметевских. Цитирую: «В одно из дней Д. Л. Офицким поступил в школу Василий Андреевич Хметевский, почти сразу же заболел. Однако в конце 1723 г. вместе со всеми его отправили в Морскую академию, взяв обязательство, что в один год он повторит историю и изучит тригонометрию. Отец Василия, вышедший в отставку по состоянию здоровья, владел в Суздальском уезде Владимирской губернии поместьем, состоявшим из четырех сел и деревни. Расставшись в юности с отчим домом, отец Василий, Василий так никогда больше и не побывал в родных краях».

Наличие усадьбы Хметевских вблизи Березовского храма подтверждается наличием рунированного фундамента, котлована для искусственного водоема, терраса шпильника и бересклета, сохранившейся липовой аллеи.

За Хметевским в 1845 г. значилось 512 душ крестьян мужского пола во Владимирской губернии и 108 таковых же душ в Орловской губернии. Долгая дворянская служба, почетная, но крайне разорительная, расстроила его здоровье. Последние годы жизни Хметевский провел во Владимире. Он тяжело болел и нуждался в деньгах. Накануне смерти бывший губернский предводитель просил у жившего тогда во Владимире генерал-майора Николая Бутурлина займа 300 рублей серебром на выплату долга в случае за неимением. 14 октября 1849 г. Андрей Петрович Хметевский скончался во Владимире на 66-м году жизни и был погребен в Андреевском приходе на территории Пресвятой Богородицы Боголюбово монастыря. С его именем пресеклась владимирская ветвь рода Хметевских.

История 344 Оп. 1. Д. 357. ЛЛ. 4, 13, 13 об.

Список погребенных в Боголюбовом монастыре. Свято-Боголюбский монастырь. <http://www.vladania.ru/bookbogolyubov10.html>

М. В. РУКАВИШНИКОВА
(г. Шуя)

ПОВСЕДНЕВНЫЙ БЫТ УЕЗДНОГО ДВОРЯНСТВА

В последнее время возник интерес к истории повседневного быта дворянства, организации усадьбы.

Известно, что двор усадьбы делился на две части: хозяйственный и служебный, иногда они разделялись речкой, если она была в усадьбе, или прудом. Перед парадным подъездом находился двор, посыпанный песком, с кучами круглым газоном посередине, на котором И. И. Глинка устраивал крестьян и прислугу разнообразных качели летом и горы зимой! Двор в предметом особой гордости, любви и заботы хозяев. Его первым видели в саду, иногда украшенная скульптурами.

В имени Андрея Ивановича Чихачева, располагавшемся в сельце Шуйского уезда Владимирской губернии, забота о красоте двора

была постоянной. «13 мая 1837 года посадили в Восточном палисаднике березки. 14 мая. Восточный палисадник начали укладывать дерном»². Судя по собственноручному плану Дорожаевской местности, сделанному Чихачевым, эти палисадники шли вдоль дороги, ведущей к дому. «25 июня 1837 года Усыпали толченым кирпичом дорожки в N палисаднике»³. В богатых поместьях для этих целей употреблялся гравий. В поместьях средней руки использовался песок. В имении Андрея Ивановича обжигали кирпич, что, видимо, и определило выбор материала.

Немалые деньги тратились на приобретение цветов для парков и «красного двора». Список растений был обширен. Удивление вызывает количество сортов. «Примула 20 к., резеда лутеолиа 5 к., жасмин 15 к., барбарис вулгарес 5 к., софори японики 5 к., пакет различных низких цветов 10 сортов 100 к., луликус альбус 5 к., нарциссов махровых всех сортов 46 к., крокусы 12 к., гвоздики 15 к., лилии 35 к. ...»⁴. Всего в списке было представлено 39 наименований, некоторые растения – с перечислением различных сортов, почти все с латинским названием. Очень подробно представлено описание растений: «Пурпурово-карминный с белыми кончиками, постоянно-махровый; бархатно-черно-пурпуровый с белыми кончиками; лимонно-желтый с тушевой на концах, крупноцветный; розовый, карминно-мраморный, мелкогубчатый, шаровидный; карминно-багровый, бархатный, крупноцветный, раскидистый...»⁵. Подбор растений позволяет сделать вывод о том, что клумба будет в цвету с весны до глубокой осени.

Многое для украшения сада и палисадников Андрей Иванович делал собственноручно. «2 числа [март. — *М. Р.*] Садовник в теплице посадил базилики, а я посадил два черенка американской крапивки»⁶. Экзотические растения составляли особое пристрастие владельцев усадеб, и Андрей Иванович не был исключением. Диковинные, необычно выглядящие, они придавали усадьбам особое очарование.

Растения южных широт выращивались в оранжереях и теплицах, внимательно относились и к подготовке семян. «Март 6, пятница. Утром дынные семечки из воды положили в теплицу, в парник для рашения, а арбузные семечки пяти сортов с ростками посадили в 25 горшков»⁷

Известны случаи, когда не только двор, но и сами усадьбы проектировались владельцами: «Проектированный план саду в поместье Якова Ивановича Чернавина. Сочинителя любителя садов Андрея Ивановича Чихачева. Игра воображения»⁸. В нем очень интересной была идея беседок с зеркалами, возникшей, вероятно, под влиянием итальянской архитектуры, как и вообще наличие беседок, портиков, галерей и т. д. Плану не позволила осуществиться высокая стоимость – сто тысяч рублей.

Зачастую двор обносился оградой, она могла быть каменной или чугунной. В ряде случаев использовалась живая изгородь из различных кустарниковых.

В кустах жасмина и сирени весной пели соловьи. Помещицы семья подолгу слушала это пение, сидя на балконе или террасе.

В Украину вели две дороги: зимняя и летняя. Причем в непогоду раз-
ные люди. Сам Андрей Иванович часто ездил к своему брату, крестьяне
же за покупками в Суздаль, Кострому, Ярославль, часто бывали на

Богородицкий двор представлял собой сложную систему, состоящую из нескольких дворов и рядов построек и включавшую в себя несколько дворов, каждый со своим названием.

создан из немаловажных составляющих хозяйственного двора была и конюшня, и свой конный завод. В дневнике Андрея Ивановича немало посвящено содержанию лошадей, их корму, выучке, использованию в работе. «Понали сечки много оставляют, видимо от того, что конюшники кобыла валялась много раз на снегу, пришедши с водопоя», — Чкалов сам занимался их кормлением. «28 февраля. Суббота... Чкалов сам занимался конюшню только что вышел на конюшню овса. В конюшне встретил с поздравлением, что от Серой кобылки Бог дал конюшнику жеребеночка, чему я очень обрадовался. Приказал кучера напоить конюшню. Алина пожаловал ему четвертак: причем сказано, что за старание о конюшине. Это счастье Аleshно: ибо он сам выбрал себе Серую кобылку. Бог даст от Вороной? Я полагаю — кобылку, судя по тому, что она ложилась на правый бок! Серую же видали несколько раз на левом. Сие значит

Та вербеницин хорошо уваживали. Их вид и выучка показывали благо-

Чернаева и Чернаины поставили лошадей для проезда царя и направились в августе 1836 года. Староста возвратился из Лежнева и привез в село также лошадей для проезда царя»¹¹.

Существенно и долго приучали лошадь ходить в упряжке, выезжая ее. Постепенное увеличение продолжительности прогулок, приучение к разной местности все делалось очень осторожно, чтобы не испортить коня. «2 число *М. Р.*». В первый раз закладывали [молодую лошадь. — *М. Р.*] в кри-човку и в городской дугую»¹². Дворянин, как правило, мог и сам за-ложить лошадь. Искусству верховой езды обучали с детства.

В именин Андрея Ивановича коневодство было в большей степени хозяйственно-количественной жизни усадьбы, вопросы которой и занимают большую часть семейных бумаг и архивов. Урожай, размер оброка или подачек, осенние или летние полевые работы определяли весь ритм жизни усадьбы, подчиняя себе разнеличные зерновые: рожь, пшеница, ячмень, овёс, полба. Сеяли гречиху, лен. Картофель высевали по словам Чичачева, «в огороде». Выращивали горох, лук, огурцы, помидоры, перец не-множко, капусту. Сам огород находился в переделах усадьбы, замас-кированный с помощью различных аллей.

Также в имении Чихачевых выращивали лен. Хотя это достаточно капризная культура, требующая много сил, но и она приносила хороший доход. В 1823 году в имении было собрано 19000 снопов льна, что является достаточно хорошим результатом.

В озере, находившемся в имении, водилась крупная рыба, причем дворовым и крестьянам было разрешено ловить ее. «4 июня 1836 года. Люди отравились на озеро, ловить рыбу... 6 июня. Возвратились люди с озера: поймали щуку мерой пять четвертей, не считая хвоста, а весом 14 $\frac{1}{4}$ фунтов»¹³.

Большое количество продуктов заготавливалось на зиму. «... рыбы посолено: белужины звено 12 фунтов, осетрины 8 фунтов, севрюги 5 фунтов...»¹⁴. В Дорожаеве расход продуктов записывался общий: и на господский стол, и в застольную дворовым. На праздники накрывалось угощение. Угощали также и в том случае, если девки гуляли, водили хоровод, пели песни.

Вставали в усадьбе рано, в 6-7 часов, даже в праздничные дни. Если же было время сезонных работ, то в 5-6 часов утра. Дворни, по меркам того времени, было много. «Взрослых 30 человек..., кучер и скотница..., мальчишек и девчонок 8... их кладу противу 3 больших. Итого 33 хлебода. Михайло скотник 1, жена его 1, Ивенский скотник 1, жена его 1. Итого всех 37, да 2 грудных ребенка»¹⁵. Жалованье прислуге было небольшим. Во Владимирской губернии в XIX веке рабочие руки вообще стоили крайне дешево. Андрей Иванович оставил записи о получаемом прислужной жалованье. «Владимир поступил за 50 рублей в год... Приказчик Антон Шамашков с женой оба получают 6 рублей месяц, т.е. в год 72 рубля... кучер Иван Петров... по 5 рублей в месяц... Итого всей прислуге мужской и женской в год я плачу 364 рубля»¹⁶.

Дворовым людям к праздникам делались подарки. «Антону 5 аршин [ситца. — М. Р.], Анне Сергеевне двадцать два аршина, Анне шесть аршин, Варваре одиннадцать, Ивану кучеру пять с половиной... Всего двести три аршина»¹⁷.

Дворовых мальчишек и девчонок отдавали учиться ремеслам. «3 октября 1835 года. Отдал мальчиков Андрея и Александра в ученье. Андрея столярному мастерству на 5 лет, а Александра — медному на 7 лет»¹⁸. Такими средствами обеспечивалось натуральное хозяйство усадьбы в целом.

Практически все необходимое для жизни производилось на месте. Так, жена Андрея Ивановича вязала чулки, сучила нитки, штопала, шила. Домашний плотник сделал этажерку, письменный стол, стол в столовую. Чихачев не только поручал мастеру изготовление мебели, но и сам занимался столярным и обойным ремеслами. «... Обшил два стула в гостиной... и скамеечку, но этот ситец очень для скамеечки не прочен»¹⁹. Также в имении лудили посуду, изготавливали багетные рамки для портретов. Часто сами делали игрушки и различные предметы для детей. «3 марта 1837 года. Сделал для детей калейдоскоп... 16 марта 1836 года. Сделал для Алеши деревянный циркуль, а для

и для Андрея Ивановича железные принадлежности к флагу [в имении ипотечный маху. — М. Р.]»²⁰. Все время жизни в усадьбе было четко расписано. Помещики занимались поощрением различных предметов для себя и родственников. Дамы по вечерам читали романы, вышивали различными способами.

Усадьба представляла собой хорошо отлаженный механизм, в жизнь которого был включен каждый ее житель. Но к концу XIX века усадьба была постепенно загнута. Постепенно начинают ветшать и рушиться стены. И лишь небольшая их часть, в которую, по счастью, вошло и Дорожаевское учреждение вплоть до 1917 года. В настоящий момент Иваново-Вознесенский архив обладает большим фондом документов, которые и позволяют реконструировать картину повседневной жизни имения Андрея Ивановича, а существующий ныне музей бережно собирает и хранит свидетельства той жизни.

Иваново-Вознесенский архив. — М.: 1995.

Иваново-Вознесенский архив. — М.: 1995.

Иваново-Вознесенский архив. — М.: 1995.

Иваново-Вознесенский архив. — М.: 1995.

Иваново-Вознесенский архив. — М.: 1995.

Иваново-Вознесенский архив. — М.: 1995.

Иваново-Вознесенский архив. — М.: 1995.

Иваново-Вознесенский архив. — М.: 1995.

Иваново-Вознесенский архив. — М.: 1995.

Иваново-Вознесенский архив. — М.: 1995.

Иваново-Вознесенский архив. — М.: 1995.

Иваново-Вознесенский архив. — М.: 1995.

Иваново-Вознесенский архив. — М.: 1995.

Иваново-Вознесенский архив. — М.: 1995.

Иваново-Вознесенский архив. — М.: 1995.

Иваново-Вознесенский архив. — М.: 1995.

Иваново-Вознесенский архив. — М.: 1995.

Иваново-Вознесенский архив. — М.: 1995.

Иваново-Вознесенский архив. — М.: 1995.

Иваново-Вознесенский архив. — М.: 1995.

Иваново-Вознесенский архив. — М.: 1995.

Иваново-Вознесенский архив. — М.: 1995.

Иваново-Вознесенский архив. — М.: 1995.

Иваново-Вознесенский архив. — М.: 1995.

Иваново-Вознесенский архив. — М.: 1995.

Иваново-Вознесенский архив. — М.: 1995.

Иваново-Вознесенский архив. — М.: 1995.

Иваново-Вознесенский архив. — М.: 1995.

Иваново-Вознесенский архив. — М.: 1995.

Иваново-Вознесенский архив. — М.: 1995.

Иваново-Вознесенский архив. — М.: 1995.

Иваново-Вознесенский архив. — М.: 1995.

Иваново-Вознесенский архив. — М.: 1995.

Иваново-Вознесенский архив. — М.: 1995.

Иваново-Вознесенский архив. — М.: 1995.

Иваново-Вознесенский архив. — М.: 1995.

Иваново-Вознесенский архив. — М.: 1995.

Иваново-Вознесенский архив. — М.: 1995.

Иваново-Вознесенский архив. — М.: 1995.

Иваново-Вознесенский архив. — М.: 1995.

А. И. ЕВСТРАТОВА
(г. Кострома)

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКОГО КУПЕЧЕСТВА в середине XIX — начале XX века

Благотворительность, помощь нуждающимся со стороны общественных организаций, государственных учреждений, церкви и частных лиц, вызванная разными мотивами: состраданием, сознанием гражданской солидарности между членами общества, нравственными воззрениями.

Как система благотворительности начала складываться в рамках государственной деятельности. В последней четверти XVIII века она осознавалась

правительством как компонент политики «просвещенного абсолютизма». И именно в провинции «помощь сирым и убогим» развивалась по всем направлениям.

Религиозная мораль, идея свободы, взаимного уважения и солидарности становились нормой добродетельной жизни. «Благотворительность», — писал В. О. Ключевский, — была не столько вспомогательным средством общественного благоустройства, сколько необходимым условием нравственного личного здоровья»¹.

Жизнь потребовала нового отношения к чисто человеческим достоинствам личности. Внутренний мир человека, его духовное и нравственное состояние стали привлекать к себе внимание больше, чем его материальное и иерархическое положение в обществе.

Деятельный и первая половина двадцатого веков — наиболее яркий период в развитии благотворительности. На этом этапе благотворительность стала приобретать характер частных и общественных добровольных пожертвований. Одновременно изменилась политика государства по отношению к нему. Это произошло не только от того, что репрессиями уже не удалось удержать низшие слои населения в спокойном состоянии, но и в связи с ускоренным внедрением в общественное сознание гуманистических идей, порожденных эпохой Просвещения, в частности, таких, как природное равенство людей, пробуждение достоинства личности и искоренение грубости нравов через распространение образования и правильного воспитания.

Помощь бедным и неимущим осуществлялась через государственное признание, общественную благотворительность, а также с помощью частных лиц. В России, по сравнению с западноевропейскими странами, широкое распространение получила общественная и особенно частная благотворительность. Произошло это из-за неспособности государственного призрения оказывать достаточную помощь социально обездоленным. Представители различных социальных слоев очень активно включались в благотворительную деятельность.

Так, в истории благотворительности Костромской губернии можно выделить целые семьи благотворителей. Особенно часто это явление имело место в купеческих семьях. Зачастую почетные члены обществ и почетными приютов, школ и больниц становились городскими головами и почетными гражданами своего родного города. С их мнением начинали считаться, их дети становились завидными партиями в браке. Постепенно под влиянием ряда факторов изменялся статус российского купечества.

Характерным для костромского купечества было объединение нескольких мотивов благотворительности, что увеличивало масштаб и активность их филантропической деятельности.

История костромской частной благотворительности изобилует примерами многолетней семейной благотворительной практики и традициями ответственности в деле попечения бедных.

Семья купцов Юдиных из города Чухломы прославила себя долголетней службой на благо родному городу. Иван Иванович Юдин был потомственным почетным гражданином, с 1860 по 1902 гг. служил городским головою и удостоился звания почетного гражданина г. Чухломы².

Но хатайству И. И. Юдина в Чухломе открылись женское городское училище, богадельня, общественный банк; были благоустроены улицы, разбиты бульвары, налажено уличное освещение. Учитывая тот факт, что подолж Чухломы уездные города находились в плачевном состоянии, многие здания требовали ремонта и реконструкции, благотворительность в градостроительстве являлась наипознейшим шагом на пути сохранения лица города, поддержания удобства для его обитателей.

Геннадий Васильевич Юдин, двоюродный брат И. И. Юдина, коллекционер редких рукописей, собиратель библиографической литературы, владелец богатейшей библиотеки в десять тысяч томов, будучи купцом, однолично издавал журналы и книги. Хорошо образованный, Г. В. Юдин постоянно издал много богатых и интересна история Костромского музея (ныне Костромской области) на строительство здания Романовского музея (ныне Костромской области) искусств в г. Костроме). Примечательно, что ни до этого, ни после 1917 г. в городе не предпринималось строительство специального здания для музея.

Как человек, увлекающийся историей, Г. В. Юдин, будучи издателем, опубликовал в свет сочинения путешественников XVIII–XIX вв., историков и литераторов. Он владел уникальным архивом, содержащим рукописи В. Гюго, А. П. Чехова, автографы А. С. Пушкина и И. С. Тургенева³. По смерти Г. В. Юдин издал свою книгу, над которой работал долгие годы. Материалы для истории города Чухломы — и передал ее в дар городу.

Судиславский купец, предприниматель Иван Петрович Третьяков — известная личность в Костромском крае. Миллионер, фабрикант, сын крепостного крестьянина, И. П. Третьяков родился в 1840 г. в селе Жвалово близ Жваловых Костромского уезда. Отец Ивана, Петр Федорович Третьяков, основатель Костромского крестьянского кожевника Елагина, в 1845 г. на 500 рублей добром устроил деревенский кожевник завод. И уже через год был в числе лучших граждан города. С детства приучая сына к предпринимательству, естественно отец передал ему все дела.

В 21 год Иван Третьяков, используя капитал отца, входит в судиславский купеческий мир. Талантливый от природы, И. П. Третьяков сумел превратить свой капитал так, что к 1882 г. в окрестностях Судиславля стояло 40 промышленных заводов (против одного в 1860 г.)⁴. Эти предприятия обслуживали не все: в его ведении находились мельницы, фабрики, транспорт, торговля, земля. Он скупал у разорившихся помещиков имения (несколько десятков тысяч), а потом сдал в аренду другим купцам, а те в свою очередь передавали ему свою овощную продукцию на винокурные заводы.

В чрезвычайно короткий срок И. П. Третьяков вошел в число пятидесяти самых богатых и влиятельных лиц Костромской губернии, среди которых в то время были сплошь аристократы. К началу XX в. Судиславль, благодаря предприятиям И. П. Третьякова, выдвинулся на пятое место в Костромской губернии по уровню промышленности и торговли.

Про финансовую энергию И. П. Третьякова складывали легенды. Рассказывали, будто бы он поспевал всюду. Несмотря на свое происхождение и недостаточное образование, И. П. Третьяков был человеком светским, мог часами говорить о литературе, писал стихи, путешествовал по Европе, пытаясь дать своим десяти детям лучшее образование.

Нельзя не отметить его попечительской деятельности. Несмотря на то, что И. П. Третьяков не жил постоянно в главном городе губернии, он являлся добросовестным попечителем Мариинского детского приюта в Костроме⁵. Ежегодно им вносились не только членские взносы, но и средства на нужды приюта.

Попечительство учебных заведений — не менее значимая часть благотворительной деятельности И. П. Третьякова. Десятки «третьяковских» деланий порой для того или иного учебного заведения гораздо больше, чем это могло сделать государство.

Так, в ноябре 1860 г. в Шуе было открыто женское училище второго разряда. Меценатами в этом благородном деле выступили шуйские купцы А. А. Посылин и П. А. Борисов, а также купчихи А. И. Попова и А. В. Горелина. В 1871 г. при помощи купечества была открыта мужская гимназия (неполная гимназия). Она считалась классической, и согласно уставу гимназий выпускникам классических гимназий предоставлялось полное право поступления в университеты Российской империи.

Филантропическая деятельность купечества была весьма многосторонней, отличалась значительными объемами финансирования, помогала в решении многих острых социальных проблем.

Славилась своей благотворительностью и женщины из купеческих семей. Воспитывая своих дочерей, богатые московские купцы откровенно ориентировались на аристократию: девиц обучали чтению, письму, началам арифметики, игре на фортепьяно, европейским языкам. Вопреки хрестоматийным представлениям о купеческой среде как о «темном царстве», мода на воспитание существовала уже, видимо, с 1830–1840 годов.

Мать известного коллекционера Павла Михайловича Третьякова, Александра Даниловна, дочь купца Борисова, в 1812 года рождения, по купеческим меркам «имела образование». В юности брала уроки фортепьяно, и уже будучи старушкой преклонных лет, играла внукам знаменитый полонез Огинского. На иностранных языках А. Д. Третьякова не говорила, но немного понимала. У Третьяковой было одиннадцать детей. Шесть из них умерли от жестокой скарлатины, но остальные пятерым она сумела дать приличное образование. Дети получили прекрасное домашнее образование, знали великолетно языки, литературу, имели самых известных в то время учителей.

«Если женщины купеческой элиты получали домашнее воспитание (а это, с 80-х годов XIX века и гимназическое), не отличавшееся от дворянское, то в семьях коммерсантов победнее да помельче и нравы были пожестнее, да похуже. Богатую невесту «на выданье» держали дома строго, без извещения общения со сверстниками и сверстницами. Замуж выйти было трудно, если только не женился на ней компаньон отца в торговом деле». Лет по-сорока эти несчастные женщины, потеряв надежду иметь собственную семью, целиком уходили в богдельню, благотворительную жизнь, проводя время в монашеских по монастырям, посещая заключенных в тюрьмах, наделив нищих милостыней. Не оставшая в этом мире наследников, они тщательно готовили завещание, по которому передавали все имущество на благотворительные нужды⁶.

Так поступила Дарья Михайловна Великолепова (1811–1887). Ее отец десять лет оптовой торговли винами сумел нажить хорошее состояние и переехал во всероссийский список предпринимателей 1832 г. В 1875 г. предприниматель Великолепов, никогда не бывшая замужем, унаследовала все финансовое состояние. Огромная сумма (более полумиллиона рублей) была передана городу Москве через душеприказчика Великолеповой. Весь капитал перешел почетных граждан Н. М. и Д. М. Великолеповых» предназначался на помощь бедным, выдававшиеся с 1889 года.

Немалую роль в возникновении значительного слоя благотворительниц сыграло русское брачное законодательство (нормы, регулировавшие имущество и правовое положение женщин), которое было принято в 1833 г. и оставало в силе вплоть до 1917 г. Оно опережало европейские юридические нормы и в вопросе о разделении собственности супругов.

Купчихи располагали большими капиталами и распоряжались ими по своему усмотрению. К примеру, к вдове Н. А. Алексеева (московского городского головы в 1885–1893 гг.) после гибели мужа ввиду отсутствия у нее сыновей перешли дом и торговые помещения стоимостью 460 тыс. рублей, а все денежный капитал в 1195 тыс. рублей. Если учесть, что в Алексеева была дочерью текстильного фабриканта В. Д. Коншина и получила хорошее приданое, то не удивительно, что она сделала одно из самых крупных пожертвований за всю историю Москвы. На ее средства были открыты корпус и лечебные мастерские в Алексеевской психиатрической больнице, 50 тыс. рублей было выделено для раздачи пособий бедным купеческим вдовам, был открыт приют на 88 девочек-сирот при Пресненском покровительстве о бедных. Алексеева скончалась еще не старой женщиной в 1917 г., завещав Москве почти 1,5 млн. рублей на благотворительные и другие нужды. Почти такую же сумму даровала Москве А. И. Коншина, супруга московского текстильного фабриканта. Не имея детей, И. Н. Коншин оставил ей по завещанию в 1898 г. все свое состояние, оценивавшееся в сумму в 3 млн. рублей. Будучи и до этого богатейшей женщиной (ей, к примеру, принадлежал особняк на Пречистинке, после революции занятый под Дом

ученых), Александра Ивановна завещала более 6 млн. рублей на благотворительные заведения Москвы и Серпухова.

Щедро жертвовали на сословные, земские, городские учреждения женщины династии Морозовых.

Мария Федоровна Морозова жертвовала многим обществам и учреждениям, среди которых были Московский университет и Строгановское училище.

Участие в филантропии выделяло положительные качества и милосердие российских предпринимательских семей. Что же заставляло женщин из богатых купеческих семей заниматься благотворительностью? Историк А. Н. Боханов считает, что главным стимулом было их желание повысить свой социальный статус. Однако не следует забывать о том, что женщины из купеческих семей были в то время хорошо образованными, посещали Европу, проникались идеями либерализма. В то же время они не переставали быть хранительницами патриархальности в купеческих семьях. Все это, при наличии денег, давало им возможность заниматься благотворительностью.

В первой половине XIX века энтузиасты стали создавать благотворительные организации для сирот и беспризорников. Наибольшую известность получили те из них, что относились к Ведомству учреждений императрицы Марии. Императрица Мария Федоровна после смерти Екатерины II приняла на себя попечительство над воспитательными домами. Она сумела привлечь на свою сторону многих состоятельных людей. С годами Ведомство императрицы превратилось в крупную организацию; в 1856 г. в ней было 365 учебных благотворительных заведений, а в воспитательных домах и приютах насчитывалось свыше 60 тыс. детей⁷.

Состоявшийся в марте 1910 г. первый Всероссийский съезд деятелей по призрению отметил наличие в стране 4762 благотворительных обществ и 6278 благотворительных заведений⁸.

В условиях становления новых общественных отношений и распада прежней сословной структуры общества благотворительность становилась формой нравственной и гражданской самореализации, позволяла ощущать единство с нуждами народа, была для многих состоятельных людей формой общественного служения.

¹ Ключевский В. О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. — М., 1998. — С. 78.

² Купцы Юдины из Чухломы // Костромская старина. — 1994. — №6. — С. 21.

³ Там же.

⁴ Смирнов Ю. Торговое дело купцов Третьяковых // Губернский дом. — 1994. — №1. — С. 30.

⁵ ГАКО. Ф. 400. Оп. 1. Д. 210. Л.Л. 1, 2.

⁶ Былое. — 1996. — №5.

⁷ Жукова Л. А. По заветам Марфы и Марии // Родина. — 1996. — Л.3. — С. 20.

⁸ Буряшкин П. А. Москва купеческая. — М., 1992. — С. 25.

ЦЕРКОВНАЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ В РОССИИ в середине XIX — начале XX века

Понятие благотворительности в общественной мысли подразумевало участие в страданиях к ближнему и нравственную обязанность прийти на помощь. В российском провинциальном обществе это понятие трансформировалось в понятие о праве на оказание помощи. В этом смысле благотворительность следовало отнести к важнейшим проявлениям повседневной жизни общества реализации нравственных установок как общества в целом, так и отдельных личностей. Долгое время в России под благотворительностью понимали различия милостыни и так называемое нищенское. Дело призрения и помощи бедным, находившиеся в руках церкви, не имело какой-либо организаторской функции. Церковная благотворительность регулировалась не системой учреждений. Церковная благотворительность находилась в руках церковной и частной благотворительности. На стыке церковной и частной благотворительности находились церковно-приходские попечительства, которые имели задатки к развитию системы благотворительных учреждений.

В 1864 г. были учреждены приходские попечительства с целью попечительства и благосостояния церквей, обучения детей и для благотворительности, а в 1884 г. — еще и для распространения духовного образования. В основном средств для церковного попечительства и благотворительности были объявлены добровольные пожертвования, но не исключалась возможность получения пособий из епархиальной казны. Приходским попечительствам вменялось в обязанность взаимодействие с уже существующими церковно-благотворительными организациями³ (что выполнялось крайне редко, так как не выполнялось вовсе).

С 1864 г. церковно-приходские попечительства начали активно открываться. С 1868 по 1881 гг. их количество в России выросло почти в два раза⁴, а с 1881 по 1889 гг. число попечительств уменьшилось, что было связано с прекращением их создания, отсутствием финансов, неорганизованностью попечительской структуры. Просуществовав 5-7 лет, многие церковно-приходские попечительства закрылись. Периодом становления можно назвать период с 1889 по 1891, и лишь с 1892 г. попечительства опять набрали силу, и количество значительно выросло⁵. Однако открывались они далеко не всех церквей, и к 1906 г. в России лишь 50% церквей организовали приходы благотворительности. При малом числе приходских попечительств не самым обременяли себя активной работой: большинство больниц, школ и приютов по-прежнему содержалось не за счет приходов, а на пожертвования отдельных лиц.

Каковы же были причины бездействия церковно-приходских попечительств? Мы можем выделить несколько факторов:

во-первых, сказывался недостаток средств (так, до конца XIX в.,

например, в Костромском крае не было достаточно богатых людей, готовых к щедрым пожертвованиям);

- во-вторых, идея общественной благотворительности недостаточно проникла в народную жизнь.

Но главным препятствием к развертыванию организованной благотворительной деятельности приходских попечительств были сами пастыри церкви. Как отмечала в своем докладе комиссия епархиального попечительства, пастыри держались мнения, что «лучше делать либо очень большое дело, либо никакое»⁶. А на большое значительное дело в провинции всегда не хватало средств.

Учреждением с высокой степенью эффективности в Костромской губернии был Попечительский совет о бедных при Успенском соборе г. Кинешмы.

14 марта 1865 г. на общем церковном собрании в Успенском соборе г. Кинешмы был создан Попечительский совет о бедных. Побуждением к его открытию стало правительственное распоряжение об организации приходских попечительств, которые должны были являться новой формой общественного призрения нуждающихся под эгидой православной церкви. По правилам церковные попечительства обязаны были заботиться о нуждах церкви, изыскании средств на ее благоустройство, учреждать школы, больницы, богадельни и другие благотворительные учреждения, а также оказывать помощь бедным жителям прихода⁷. Попечительский совет о бедных г. Кинешмы избрал своей основной деятельностью благотворительность.

Перед Попечительским советом были поставлены вполне конкретные задачи – попечение бедных, особенно это относилось к престарелым, больным и малолетним жителям города; а также обучение грамоте и воспитание в духе христианства⁸.

Формально инициативу по учреждению взяли на себя протоиерей Успенского собора Александр Горицкий, соборный староста и городской голова. Однако в действительности инициатором являлась не церковь, а кинешемский купец первой гильдии Алексей Иванович Поленов, известный в Костромской губернии благотворитель и попечитель ряда благотворительных учреждений. А. И. Поленов был главой целой семьи благотворителей – его жена и дети постоянно участвовали в тех или иных филантропических мероприятиях г. Кинешмы.

В основном Попечительский совет держался за счет средств, жертвующих А. И. Поленовым. Так, купец учредил особенный приют для девочек, для чего им был выстроен каменный дом⁹.

Задавшись заботой о постоянном источнике средств для Совета, А. И. Поленов предложил купленные им дома вместе с участками сдавать в аренду, а вырученные средства направить на обеспечение нуждающихся.

С 1889 г. Попечительский совет взял на себя обязанность по обеспечению местных школ необходимой литературой, что полностью соответствовало правилам существования подобных организаций. Можно говорить о том,

и в случае с Попечительским Советом о бедных г. Кинешмы мы имеем дело с попыткой совмещения функций материальной благотворительности с духовной.

Попечительский совет о бедных г. Кинешмы не гнался за количеством делений, находящихся на его попечении. К 1890 г. он имел в своем ведении приют для девочек-сирот (училище) и дом призрения для бедных г. Кинешмы. Постоянно выдавались денежные пособия нуждающимся. За 25 лет (с 1865 по 1889 гг.) Совет имел на своем содержании 286 престарелых; 372 мальчика, а также 799 учеников школ. За эти годы на счета Совета было получено более 45 тысяч рублей, а израсходовано – 33 тыс. 667 рублей на потребности нуждающихся.

Несмотря на то, что Попечительский совет о бедных г. Кинешмы с первых дней своего существования выступил скорее как православное братство, чем церковное попечительство, и, таким образом, старался обложить свою благотворительную деятельность в братскую форму, уже к 90-м гг. XIX в. он успевал занять позиции перед более гибкой формой общественной благотворительности, которая быстро завоевала популярность в провинции.

Таким образом, церковные попечительские учреждения, будучи даже в XIX в. церковными благотворительными организациями не самым удачным типом, постепенно становились новыми, тесно сотрудничавшими друг с другом благотворительными обществами и комитетами. Именно к этому периоду (конца 80-х – начала 90-х гг.) можно отнести начало этапа формирования нового типа благотворителя, личность которого уже не была отмечена печатью богобоязненности, как у благотворителей первой волны (50-е – 70-е гг. XIX в.). Религиозные мотивы переходят в разряд второстепенных. На первый план церковной благотворительности выдвинулись православные братства, носившие более общественный характер.

Братства второй половины XIX в. в России являлись своеобразными культурно-религиозными центрами. Попытки государства через церковь привлечь новые силы к общественному призрению привели к появлению братств, чья благотворительная работа. Основными их целями были просветительская деятельность, благотворительность, церковное устройство. Благотворительная деятельность имели все эти цели одновременно. Фактически православные братства имели все эти цели одновременно. Фактически православные братства российской провинции являлись скорее общественными организациями, чем церковными, поскольку основывались на привлечении социального количества членов и всесословности, а также старались поддерживать контакты с другими общественными организациями и частными лицами.

На протяжении столетий православные братства постоянно трансформировались, изменялись их цели и задачи. В XIX в. православные братства были социально-религиозными организациями, состоящими из лиц разного пола и сословия. В 70-е – 80-е гг. XIX в. стали появляться новые православные братства, что было связано с утверждением «Основных правил для призрения православных братств»¹⁰. Религиозно-благотворительная орга-

низация, предком которой являлась древнерусская братчина, стала той формой церковной благотворительности, в рамках которой православная церковь могла бы вести не только широкую попечительскую деятельность, но и работу по просвещению населения России, т. е. духовную благотворительность.

В период с конца 60-х гг. XIX в. на территории России появился ряд православных братств. Одним из первых было создано Братство Святейшего Николая в Москве. Широко известность получили — Православное братство Святейшего Дмитрия Ростовского в Ярославле, Александро-Свирское православное братство в Петрозаводске, Братство Святого Апостола Андрея Первозванного на Кавказе и другие.

Костромская губерния также не осталась в стороне. На ее территории было создано несколько организаций, по уставу — церковно-православных братств, имевших разные цели и задачи. Самое крупное из них — Александровское православное братство (1879 г.) — было многоцелевой организацией и не ограничивало себя только учреждением благотворительных заведений. Оно было одним из тех братств, которые объединяли свои силы для создания учреждений, полностью удовлетворяющих как духовные, так и материальные нужды местного населения. Такие братства не ограничивались одним приходом, а придавали своей деятельности более широкие масштабы.

Другим распространенным типом православных братств в России были так называемые «местные братства», в задачи которых входили помощь нуждающимся, благотворительность, обустройство храмов, распространение православия на территории села, волости или уезда. Основным признаком «местного» братства являлось жесткое обозначение географического местоположения, которое сразу очерчивало рамки масштаба его деятельности. К этой группе в Костромской губернии относились Христорождественское братство села Дороватова (1880-1886 гг.) и Кологривское церковно-приходское Богородице-Макарьевское братство (1907 г.).

Последнюю группу православных братств составляли братства, занимавшиеся распространением просвещения и основ православия, но не забывавшим и о некоторых аспектах благотворительности, в основном духовной. Такой организацией было Федоро-Сергиевское братство (1887 г.).

Все вышеперечисленные братства имели свои уставы, которые составляли самостоятельно, но утверждал их обязательно епархиальный архиерей, которому подавалось прошение о создании того или иного братства¹¹.

В Костромском крае имелись все типы православных братств.

Церковная благотворительность, долгие годы являвшаяся практически единственной формой призрения нуждающихся в России, к 70-м гг. XIX в. все еще находилась в относительной нуждании. В этот момент ощущалась потребность в едином благотворительном органе, в который могли бы влиться православные братства, традиционно занимавшиеся помощью бедным.

Крупные братства, работавшие во всех направлениях благотворительности, играли роль объединяющего органа, под эгидой которого совместно

действовали и представители церкви, и купечество, и государственные служащие, и крестьяне, и местная интеллигенция. Особенно это было актуально для провинциальных городов. Кострома и Костромская губерния не являлись центрами благотворительной деятельности в России, но наличие крупного Александровского православного братства говорило о перспективности Костромского края с точки зрения развития благотворительности в церковной системе (под руководством православной церкви Александровское братство совершало широкую благотворительную работу).

Первое отделение братства открылось в Ипатьевском монастыре в 1879 г. Основными его целями были объявлены:

благоустройство приходских церквей;

соборание в них древностей;

содержание в порядке и чистоте приходских кладбищ, крестов, памятников;

забота о нуждах и благосостояние церквей;

распространение истинного религиозно-нравственного учения и просвещения;

забота о приходских училищах и об учреждении в них библиотек;

улучшение положения недостаточных прихожан;

учреждение ремесленных училищ, лечебниц, больниц и богаделен¹².

Помимо общегубернского Александровского православного братства в территории Костромской губернии со второй половины XIX по начало XX вв. существовало два «местных» братства, главной особенностью которых была упорно направленная помощь бедным в географически ограниченном районе. Братство с. Дороватова Ветлужского уезда при Христорождественской церкви ограничивалось именем В. Ф. Лугина, на территории которого располагалось, а Богородице-Макарьевское братство охватывало только город Кологрив и Кологривский уезд.

Местные братства имели, как правило, небольшой круг задач:

объединить благотворительные действия прихожан, дать им верное направление;

расположить к труду семейства бедняков и тем самым бороться против тунеядства и нищенства;

оказывать посильную помощь;

заниматься попечением церковно-приходских школ;

развивать в уездах просвещение и религиозное образование.

Таким образом, помощь духовная и материальная были сочленены, что является особенностью провинциальной церковно-общественной благотворительности.

Если «местные братства» Костромской губернии делали лишь попытки вести духовную работу с населением, то существовали такие братства, которые ставили духовную благотворительность главной своей целью. Они совершают последнюю группу православных церковноприходских братств, существовавших в Костромской губернии. Подобные братства были распро-

странены на всей территории России, особенно в Европейской ее части. Православное Свято-Владимирское братство (г. Владимир-Волынский), Епархиальное братство во имя Святого князя Владимира (г. Витебск), Александровское православное братство (г. Петрозаводск). Приоритетными направлениями деятельности такого рода братств являлись:

- распространение и утверждение религиозно-нравственного просвещения;
- содействие ослаблению церковного раскола;
- открытие церковно-приходских школ и материальное их поддержание;
- устройство хранилищ и библиотек, издание и распространение книг, брошюр и листовок;
- благотворительная деятельность (попечение приютов, больниц, богаделен)¹³.

Такой тип братств проводил благотворительную работу, в первую очередь, словом. Они видели «творение блага» в духовной поддержке человека. При этом они сочетали духовно-нравственное просвещение с широкой благотворительной деятельностью: открывали школы, помогали уже существующим учебным заведениям, распространяли книги, устраивали концерты и спектакли. Помимо этого, православные братства постоянно вели работу по объединению прихожан в единый братский союз, в котором возможна не только материальная помощь, но духовная поддержка.

Федоровско-Сергиевское братство, организованное 15 октября 1887 г., первоначально носило иное название – православное Костромское братство Преподобного Сергия при Сретенской церкви Костромской духовной семинарии – и лишь в 1892 г. обрело имя Федоровско-Сергиевского братства, которому покровительствовал Великий князь Сергей Александрович, впоследствии ставший почетным членом.

Братство декларировало свои цели таким образом:

- открыть большое число церковно-приходских школ; с их помощью заниматься распространением духовно-нравственного просвещения и церковности в пределах Костромской губернии;
- заботиться об охране древних церковных напевов и их распространении;
- проводить всевозможную благотворительную работу.

Конкретной задачей Братства можно считать учреждение при церковной епархии лавок с книгами и брошюрами, причем литература должна была быть подобрана сообразуясь с пороками и слабостями населения данного округа или района. Для этого проводилась предварительная работа с прихожанами по «выявлению оных» путем воскресных собраний. Такую работу вполне можно рассматривать как благотворительную, причем речь идет не только о материальной помощи, но и духовном поддержании, что для русского провинциала было зачастую важнее явной финансовой поддержки.

Федоровско-Сергиевское братство, по сути, являлось просветительской организацией, занимавшейся духовно-нравственным воспитанием населения.

и другие подобные братства, оно старалось распространить свою деятельность шире, открывая свои отделения в различных городах губернии.

Церковная благотворительность в Костромской губернии долгое время была сильными позициями. В ее ведении находились все учреждения, связанные с попечением стариков, детей-сирот, то есть богадельни, больницы и приюты. Главная роль в этом благородном деле принадлежала игуменье Марии, настоятельнице Боголюбленско-Анастасиина монастыря, уже в 1864 г. по ее инициативе было открыто училище для девочек из бедных семей. Монастырское братство творчески подошло к обучению детей, заботясь прежде всего о том, чтобы девочки смогли самостоятельно зарабатывать на жизнь. Окончив училище как начальное учебное заведение, девочки могли продолжать обучение в специально созданных для них старших классах. Затем были открыты вечерние курсы и выделена специальная группа для обучения на звание учительницы. Костромской губернатор и заведующий учебными заведениями в 1879 г. объявил Марии благодарность за «просвещение и деятельное участие по воспитанию епархиальному духовенству в нуждах духовно-учебных заведений Костромской епархии»¹⁴.

В 1873 г. игуменья откликнулась на просьбу императрицы Марии Александровны создать при монастыре лечебницу для помощи сельскому населению. Цель ее создания – готовить женщин к правильному уходу за ранеными и ранеными. В мирное время они должны помогать тем, кто не может получить платные медицинские услуги, а во время войны оказывать помощь раненым. Это был первый опыт по России, так как лечебные учреждения не являлись обязательными при монастырях, в отличие от больниц и богаделен.

Игуменья Мария при поддержке епископа Платона и гражданских властей открыла 2 лечебницы в Крестовоздвиженском монастыре в каменном двухэтажном корпусе, в котором на монастырские средства содержалась лечебная палата на 9 коек, амбулатория, бесплатная аптека, лаборатория приготовления лекарств и помещения для работающих здесь сестер. Для содержания лечебницей был приглашен врач И. С. Иванов, который проработал в ней около 40 лет. Вторая лечебница была основана на монастырской земле в 15 верстах от Костромы, в Назаретской Пустыни. Там находилась лечебная палата на 6 коек, амбулатория и небольшая аптека, врачевание оказывалось фельдшером. В благодарность за это и императрица, и великий князь велили под свое покровительство лечебницы и велели по одной комнате назвать их именами.

Сельские лечебницы сразу приобрели большую популярность, куда за помощью, за исключением дворян, обращались представители всех сословий, среди которых подавляющее большинство больных были крестьяне. Ежегодно через лечебницы проходило от 5,5 тысяч до 10-12 тысяч человек. Десятки больных лечились в стационарах, больным же бесплатно выдавались лекарства по тысячам рецептов. Кроме этого сестры милосердия постоянно ездили в

командировки по деревням, где оказывали экстренную помощь. Быстрее-му выздоровлению способствовали не только непосредственная врачебная помощь, но и сама атмосфера лечебниц – чистые монастырские палаты, в которых были размещены подарки царствующих особ, заботливое ухаживание сестер, тишина и умиротворение.

В 1877 г., с началом русско-турецкой войны, сельские лечебницы стали местом обучения сестер милосердия по уходу за ранеными. За время войны было подготовлено 49 сестер милосердия из Костромской и Архангельской епархий, а также 17 лиц светского звания. Монастырь подготовил и отправил на фронт и тыловые госпитали несколько отрядов сестер милосердия.

23 мая 1877 г. по инициативе игуменьи Марии в Костроме был создан Дамский комитет помощи раненым, куда вошли жены самых влиятельных людей города из числа дворян, купцов и предпринимателей. Мария стала председателем комитета и предоставила для его деятельности монастырские здания для эвакуации на 45 коек, швейную мастерскую по изготовлению белья для госпиталей и склад готовой продукции. За 9 месяцев в мастерской было сделано и отправлено на фронт около 10 тысяч пар белья, более 5 тысяч простыней и наволочек, 13 тысяч полотенец, а также собрано много теплых вещей¹⁵.

Плодотворная благотворительная деятельность монастырских учреждений и Дамского комитета обратила на себя внимание царствующего дома. Императрица Мария Александровна приняла под свое покровительство швейную мастерскую. Незадолго до смерти она просила Синод и общество Красного Креста закрепить положительный опыт работы костромских лечебниц. В 1880 г. наследник Александр, познакомившись с отчетом о санитарных учреждениях монастыря, отметил: «Прочел с величайшим удовольствием. Вот истинно доброе дело и, по-моему, совершенно правильное направление женского монастыря. Дай Бог, чтобы прочие женские монастыри брали пример с Костромского. Пожалуйста, благодарите игуменью мать Марию». Следуя этим советам, Синод и общество Красного Креста стали выделять средства на содержание лечебных учреждений, а костромской епископ Игнатий определил сверх 7 пенсионеров, находившихся на его попечении, еще 20 стипендиатов и назначил 2315 рублей на их содержание и обучение.

В 1878 г. после окончания русско-турецкой войны игуменья Мария, как председатель Дамского комитета, обратилась к руководству с просьбой не прекращать деятельность комитета, а монастырские лечебницы сделать базой для обучения сестер милосердия, чтобы не трогать лишние деньги на создание новых, так как комитет не имел помещения, кадров, аптек и т.п.

В 1886 г. Мария взяла на попечение монастыря училище для слепых девочек: уступила для училища бесплатное помещение, а затем способствовала приобретению собственного дома за недорогую цену. Императрица Мария Федоровна (жена Александра III) приветствовала это новое начинание монастыря.

К 70-м гг. XIX в. ситуация, связанная с благотворительностью в России, начинает меняться, изменяя и формы церковной благотворительности. Для церковной благотворительности в России 60-х гг. XIX в. наиболее типичной являлась форма церковно-приходских попечительств, то уже в 80-е гг. главенствующее место занимают православные братства.

Значение просветительской работы Федоровско-Сергиевского братства Костромской губернии велико, но отсутствие взаимодействия и сотрудничества в этой области с земскими учреждениями и общественными организациями привело к угасанию этой формы братской деятельности.

К началу XX в. ослабевает церковная благотворительность. Православные братства Костромской губернии прекратили существовать к началу XX в. практически естественно путем – в российской провинции нарастала частная благотворительная инициатива. Многообразие филантропических обществ и комитетов по попечению бедных затмило своей активностью церковных благотворительных учреждений. Появился новый тип благотворительности высокообразованного молодого поколения предпринимателей, которые попытались перенести в Россию позитивный опыт общественной и частной благотворительности Западной Европы.

¹⁵ Толковый словарь Н.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т.4. – СПб., 1891. – С. 55.

¹⁶ Справочник действующих и руководственных церковных и церковно-гражданских постановлений по ведомству православного вероисповедания в 2-х томах. Т.1. СПб., 1885. – С. 46-462.

¹⁷ Там же. С. 463.

¹⁸ Там же. С. 463.

¹⁹ Там же. С. 463.

²⁰ Там же. С. 17.

²¹ Там же. С. 17.

²² Там же. С. 17.

²³ Там же. С. 17.

²⁴ Там же. С. 17.

²⁵ Там же. С. 17.

²⁶ Там же. С. 17.

²⁷ Там же. С. 17.

²⁸ Там же. С. 17.

²⁹ Там же. С. 17.

³⁰ Там же. С. 17.

³¹ Там же. С. 17.

³² Там же. С. 17.

³³ Там же. С. 17.

³⁴ Там же. С. 17.

³⁵ Там же. С. 17.

³⁶ Там же. С. 17.

³⁷ Там же. С. 17.

³⁸ Там же. С. 17.

³⁹ Там же. С. 17.

⁴⁰ Там же. С. 17.

⁴¹ Там же. С. 17.

⁴² Там же. С. 17.

⁴³ Там же. С. 17.

⁴⁴ Там же. С. 17.

⁴⁵ Там же. С. 17.

⁴⁶ Там же. С. 17.

⁴⁷ Там же. С. 17.

⁴⁸ Там же. С. 17.

⁴⁹ Там же. С. 17.

⁵⁰ Там же. С. 17.

Н. Ю. НОВИЧКОВА
(г. Иваново)

БЫТ ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ ПОЖАРНЫХ в конце XIX – начале XX века

Во второй половине XIX века тяжелый труд, неустроенный быт и низкая заработная плата являлись отличительными чертами профессии пожарного. В среднем пожарные получали ежемесячно от 9 до 11 рублей (столичные пожарные получали чуть больше – от 13 до 15 рублей). Ввиду отсутствия хорошего пожарного оборудования в процессе тушения преобладал ручной труд. О безопасности самих пожарных не было и речи: ушибы, ранения и ожоги считались обычным явлением. Днем и ночью пожарные были на службе. Отдыхать после тяжелой работы в казармах было практически невозможно. Они размещались в тесных и грязных казармах при пожарных депо, а иногда и в конюшнях вместе с лошадьми, что явно противоречило всем нормам санитарии и гигиены¹.

В конюшнях нередко пожарные держали еще и козлов с целью оберегать лошадей от маленького зверька – ласки, который их беспокоил. Достопримечательностью пожарного депо в Костроме был белый мохнатый козел по прозвищу Василий Иванович. Помимо исполнения своих непосредственных обязанностей, Василий Иванович, услышав звук пожарного колокола, вскакивал на ноги и громко блеял, извещая команду об очередном выезде. Иногда он гулял по Сусанинской площади, привлекая внимание горожан связанной между рогами медной доской, доказывавшей его принадлежность к пожарной охране².

Даже если жилое помещение находилось отдельно от конюшни, для женатых служителей не выделялось отдельных комнат, и они жили с семьей в общей казарме, отгораживаясь только тонкими перегородками, а то и просто занавесками. Для детей оборудовались полки³. Специальных мест для просушивания одежды не было, ее развешивали прямо в спальнях помещений. Пожарным нередко приходилось выезжать на тушение огня в непросохшем обмундировании, что сказывалось на их здоровье и самочувствии. Они страдали ревматизмом и простудными заболеваниями.

Во многих пожарных частях в целях экономии средств отапливались только жилые помещения, а обозы со всем оборудованием находились в холдных сараях. В результате в зимнее время трубы замерзали, а бочки стояли без воды, и, прежде чем выехать на тушение пожара, команде приходилось отправляться на реку и набирать воду из проруби. Процесс этот был трудоемкий и требовал времени. Однако даже после прибытия на пожар заниматься его тушением было практически невозможно, поскольку не удавалось привести в порядок замерзшие инструменты.

Распорядок дня в пожарной части был построен с учетом необходимости поддержания обоза в постоянной готовности. Личный состав вставал в 6 ч. утра. С 6 до 7.30 кучера чистили и кормили лошадей, а трубники и то-

рубники приводили в порядок обоз. В это время дневальные занимались уборкой казармы. Пищу принимали три раза в день: в 8, 12 и 18 часов. Дважды в день с 9.30 до 11 и с 15 до 17 часов проводились учения и хозяйственные работы. В 21.30 после вечерней молитвы в казармах тушили свет и пожарные ложились спать⁴. Отлучаться с территории части без разрешения запрещалось. Только раз в неделю пожарный мог отлучиться на 3 ч. в баню, если не провинился, получить раз в месяц на сутки увольнительную⁵. За нарушение дисциплины на служителей команды накладывались различного рода взыскания: выговоры, внеочередные наряды, денежные штрафы, смещение на низший оклад и увольнение со службы с наложением взыскания или с лишением права в дальнейшем нести службу в пожарной охране⁶.

Тяжелые бытовые условия, низкая заработная плата, явно не соответствовавшая той степени риска, которой подвергали себя пожарные, делали эту профессию не престижной и приводили к текучести кадров. В итоге нередко были случаи нареканий со стороны общественности по поводу профессионализма пожарных. В марте 1911 г. на своем заседании Костромская городская дума заслушала доклад члена городской управы П. М. Москвина, в котором он отмечал буквально следующее: «Постановка пожарного дела в Костроме крайне неудовлетворительна. Неоднократно бывали случаи неумения, а, следовательно, неуспешного тушения пожаров. Главная причина этого заключается в том, что наша пожарная команда состоит из лиц, совсем не обученных и неприспособленных к пожарному делу. В обычное время пожарные служители занимаются шитьем мешков, платя и прочих вещей, т. е. занимаясь от пожарного дела занятием»⁷.

Подобные, хотя и справедливые замечания, высказывались явно без учета тех условий, в которых проходила пожарная служба. Ежемесячный заработок пожарного был в полтора раза меньше, чем заработок рабочего. Во многих пожарных частях служители были вынуждены заниматься слесарным, столярным, сапожным ремеслом, чтобы иметь возможность прокормить свои семьи.

Неустроенный быт был обычным явлением во многих городских пожарных частях. Вот что в 1912 г. писало о повседневной жизни саратовских пожарных местное печатное издание: «... кто не видел своими глазами, тот не представляет себе, что значит жить в общей казарме. В воздухе стоит крик, плач, плач детей различного возраста, стоны больных, ругань соорящихся у печи женщин. Каждая семья имеет в своем распоряжении одну комнату и только... Над кроватями устроен из досок второй этаж. Целыми днями с верхнего этажа несет плач скучающих ребятишек. Если не хватает и там места, детей усаживают под кровати. Кровати разделены друг от друга тонкими ситцевыми занавесками, изредка – деревянными перегородками. В таких условиях проходит вся жизнь на людях: ни минуты человек не бывает один. Здесь живут, родят, болеют и умирают»⁸.

Бытовые проблемы осложняли несение пожарной службы не только в провинции, но и крупных городах. Чтобы получить представление о жизни

московских пожарных в 80-х годах XIX в. обратимся к воспоминаниям В. Гиляровского. «Казарма пожарной команды грязная и промозглая. Пожарные в двух этажах, низеньких и душных, были набиты, как сельди в бочке, и спали вповалку на нарах, а кругом на веревках сушилось промокшее на пожарах белье. Половина команды – дежурная – никогда не раздевалась и спала тут же в одежде. Огромный пожарный двор был завален кучами навоза, выбрасываемого ежедневно из конюшен»¹.

В 1900 г. московский брандмейстер в своем официальном докладе дал еще более негативную оценку условий труда и быта пожарных. Пытаясь обратить внимание городских властей на сложившееся бедственное положение, он сообщал, что «пожарная часть в первопрестольной сильно отстала от петербургской. Здания пожарных частей ветхи и сыры, темны, некоторые грозят обрушением, казармы и конюшни разоблены, каланчи угрожают падением, семейным пожарным особым помещений нет, пожарные рукава сушатся в кухнях на печах, труд пожарного оплачивается лишь в 13 рублей в месяц»².

Подчеркивая преимущества, которые петербургские пожарные имели перед московскими коллегами, докладчик хотел подчеркнуть, что состояние пожарной охраны во многом зависело от позиции местных властей. Петербургская команда занимала среди российских пожарных подразделений лидирующие позиции благодаря заботе, которую администрация северной столицы проявляла как об условиях жизни пожарных, так и об их профессиональной подготовке.

Таким образом, на рубеже XIX – XX вв. устройство российских пожарных частей не отвечало всем необходимым требованиям. Быт пожарных оставался неустроенным, казарменные условия не позволяли им полноценно отдыхать, а низкое жалованье вынуждало их искать дополнительный заработок. С этой целью они сапожничали, шили мешки, гнули ведра, т. е. занимались далеким от пожарной службы ремеслом.

¹ Трачук М. П. Из истории развития пожарной охраны в России. Львов. 1959. С. 82.

² Губернский дом. 1997. №1. С. 68.

³ Трачук М. П. Указ. соч. С. 82.

⁴ Там же. С. 31.

⁵ Шувалов М. Г. Основы пожарного дела. М. 1997. С. 15.

⁶ Инструкция для чинов Костромской городской пожарной команды. Кострома. 1914. С. 37.

⁷ Журналы Костромской городской думы за 1911 г. Кострома, 1912. С. 117.

⁸ Голубев С. Г., Зильберштейн Ф. Б., Савельев П. С. Пожарное дело в СССР. М. 1968. С. 67.

⁹ Гиляровский В. Москва и москвичи. М. 1989. С. 187.

¹⁰ Вызываем огонь на себя. М. 1998. С. 21.

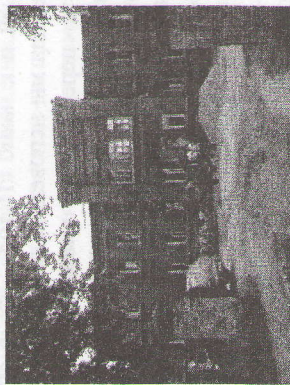
ЗАПИСКИ СЫНА ЗЕМСКОГО ВРАЧА ВЕНИАМИНА ПЕТРОВИЧА РЕЙСЛЕРА

В фондах Историко-краеведческого музея г. Кохмы хранится копия рукописи о земском враче с. Кохмы Шуйского уезда В. П. Рейслере.

Эти записки, предположительно, были созданы Юрием Вениаминовичем Рейслером по просьбе учителя-краеведа Софьи Гавриловны Кокуриной. Она передала эти воспоминания кохомским медикам. Одна из копий документа оказалась у врача Валентины Ивановны Грабушиной (экс-председателя Совета городского округа Кохмы), которая передала её в Кохомский музей.

В записках автор рассказывает о своей семье. Описание начинается с рассказа о том, что его отец был единственным уездным врачом. «В земском врачебном участке, кроме с. Кохмы, было много деревень, некоторые из них от Кохмы находились в 20 км. Сначала отец был единственным врачом. Только под конец его жизни появился ему помощник (врач Иван Васильевич), который в Кохме должно быть работал не долго, фамилию его не помню. По обслуживанию земского участка у него был фельдшер и акушерка (Евдокия Егорова Белова)...».

«Кроме этого отец один раз в неделю посещал амбулаторию фабрики Щербаковых. Много было разъездов для посещения больных на дому в с. Кохме. Поэтому отца мы видели только по вечерам, в основном тогда, когда он отдыхал».

Земская больница. Открыта в 1905 г.

В. П. Рейслер был очень занятым человеком (обслуживал всю волость), поэтому редко бывал дома. Однако его авторитет среди членов семьи был высоким. «Иногда ему приходилось выезжать в окружающие селения для лечения тяжелых больных. В связи с этим отец в обычные дни никогда не завтракал, не обедал, не ужинал с нами. Вообще отец в жизнь и хозяйство своей семьи не вникал, но мы всегда чувствовали его в доме. Обычно при его приезде, зная, что он устал, – затишали. Отец никогда никого не наказывал, ни не смотря на это, его как-то особенно уважали, а значит и не хотели делать каких-либо проступков. Работать отцу приходилось много по той причине, что у него было 10 детей» (Александр, Анатолий, Владимир, Юрий, Константин, Борис, Татьяна, Вениамин, Анна), «из которых осталось 8 (Вениамин умер в возрасте примерно 12-14 лет, а Анна – в младенчестве)».

Жена В. П. Рейслера не была рачительной хозяйкой, но любила своих детей и заботилась о них. «Материально мы жили без лишений, но каких-

либо накоплений не было. Такому положению содействовало и то, что мать не была организованной хозяйкой, очень много помогала (особенно детям), и, кроме того, ведь все мы учились. Мать заботилась о том, что бы все дети были пристроены, снимала для них квартиры».

У семьи Рейслеров было большое хозяйство: разнообразные животные и птица. «У нас сначала была лошадь для разъездов отца по селу и в больницы (Машка). Она состарилась. Заменяли её Соколик, но слепая и старая лошадь жила, не работая, до конца своей жизни. От кур пользовались только яйцами, их никогда не резали, и они дохли только из-за старости. Также было с козами. В конце хозяйствования от коз остались только козлы, которых крестьяне на базарах (Базарная площадь) отгоняли от своих воев. Было взрослых собак 10. В семье все любили собак. Мать часто путала наши имена с собачьими».

Воспитание в семье Рейслеров не носило религиозного характера, о чем говорит следующий отрывок из записок: «Несмотря на то, что отец воспитывался в семье, где глава семьи был протоиерей (г. Бийск, Емельянов), а мать отца его дочерью, отец не был религиозным. Тоже относится и к матери нашей и к нам». «Помню, что в старших классах гимназии или реального училища мы исповедовались только потому, что надо было после «Великого поста» перед Пасхой принести из церкви удостоверение. На исповедь мы ходили, после её получения удостоверение, а на причастие уже не являлись. В церкви все мы стояли, посещая её по обязанности только в притворе «для оглашенных». Там было много таких же, как и мы девушек и юношей. Обычно пребывание в церкви сопровождалось юношеским флиртом». «Отец посещал церковь только в пасхальную ночь и стоял около свечного ящика, т. е. сзади, и только не более 15-20 минут до крестного хода. Хотя отец и пользовался большим уважением как врач у священников села Кохмы, но всегда подсмеивался над ними».

Модные в то время революционные идеи волновали умы юных Рейслеров: «В доме у нас старшими свободно читалась нелегальная литература. Читал ли её отец — не знаю. Во всяком случае, он знал, что старший брат Александр участвовал в первомайских демонстрациях и имел нелегальную литературу. Помню такой случай. В один период времени в с. Кохме был более или менее либеральный пристав. В день 1го Мая он явился к отцу и заявил: «Вениамин Петрович! Ваш сын идет в первых рядах демонстрации. Уберите своего сына, т. к. я должен приступить к арестам». Помню другой случай. Один из моих братьев, кажется Анатолий, оставил на Кохомском вокзале свертки книг. В нем, кроме учебников, оказалась нелегальная литература. Сверток попал к жандарму, а оттуда к жандарму г. Иваново-Вознесенска. Заявили инспектору Лаврову, реального училища, у которого на квартире в то время жили Александр и Анатолий. Инспектор вызвал мать, за 5 руб. жандарму всё было улажено. Конечно, отец знал всё, может быть, был недоволен, так как беспокоился за своих детей, но никак не реагировал».

Анатолий после реального училища поступил на медицинский факультет университета г. Тарту, а в дальнейшем стал заведующим кафедрой гигиены питания Первого Московского медицинского института, в 1912-14 годах проходил практику у отца в земской больнице. Умер в 1953 г. от рака.

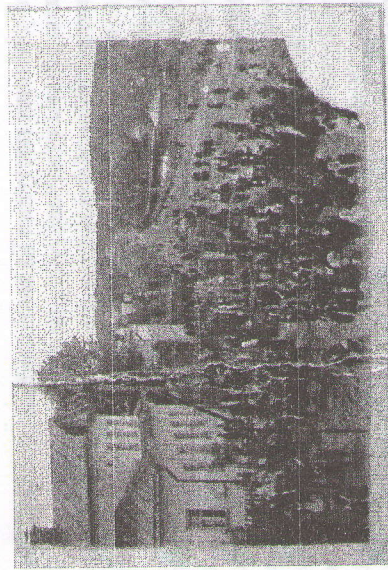
В. П. Рейслер был добрым и бескорыстным человеком. Деньги для него не являлись основой жизни. «Отец всегда всех лечил бесплатно и даже призывные на дом не брал никакого гонорара. Исключением были врачебные выходы к фабрикантам. Здесь ему обычно совали золотой (10 или 5 руб.). Должно быть по каким-то соображениям, он не мог отказываться, но считал, что эти деньги заработаны нечестно. Он отдавал эти деньги по очереди детям. Мы знали свою очередь точно, и когда отец раздавался, то уже один из нас стоял для получения этого гонорара. Я хорошо это помню. Получив очередной гонорар в виде золотой монеты, я пошел играть к куче с песком. Затерял свою монету и ревел. Вот нашла ли монета, не знаю...»

Вениамин Петрович честно исполнял свой врачебный долг и с одинаковым вниманием относился к людям с разным материальным достатком, не дели их на сословия. «Помню другой случай, характеризующий равное отношение к разным больным, независимо от их имущественного положения. В земскую больницу являлась Долгова, у которых в Кохме было какое-то предпринятие, и заявила, что у неё насморк и надо ей что-то выпить. Отец заявил: «Вы видите, сколько у меня ожидающих крестьянских подвоя с больными. Я таких болезней не лечу. Идите к фельдшеру». Этот случай состоялся, несмотря на то, что Долгова (кажется, Ираида) была иногда в нашем доме господином...»

Читая записки, мы узнаем о том, что Рейслер был связан с г. Шуей. «По с. Кохме отец разъезжал на своей лошади и при переездах из одной больницы в другую. Для поездки по окружающим селениям и по делам в Шуую (в основном на земские собрания) ему полагались лошади ямщика, которые немедленно подавались по вызову. Ямщик обязан был подать отцу пару лошадей, фельдшеру и акушерке полагалась одна лошадь, а исправнику три. Иногда отец брал меня с собой в Шуую — на земские собрания. Зимой лошадей ямщик подавал цугом, причем первая лошадь управлялась длинным вьютом. На земских собраниях было очень скучно (по крайней мере, для меня)».

26 января 1914 года в Кохме был отмечен 25-летний юбилей земской службы врача Шууйского земства В. П. Рейслера. Чествование юбиляра началось молебном, после которого были прочитаны адреса от Шууйской земской управы, от товарищей врачей Шууйского земства и многих других земляков.

Как писали «Владимирские губернские ведомости», «масса писем и телеграмм, полученных юбиляром в момент чествования, многочисленны. Приветствия подчеркивали те симпатии, которыми юбиляр пользуется». В качестве подарка ему вручили именные золотые часы.

Крестный ход в Кохмие.
Июнь 1912 г. На переднем плане
— дом Ясюнских, где проживала
семья Рейслер.

«Примерно в 1913 г. у отца был юбилей — 25-летие работы врачом. Отца чествовали и в Кохмие, и в Иваново, и в Шуе. Было много адресов. Помню курьезный случай. Отец Иван Добродеев (священник) иногда писал

стихи. На юбилее отца он прочитал стихи, посвященные отцу. Для того, чтобы отметить, что отец не брал денег за лечение, была такая строка: «Безразлична для трупа золотая руда». Я навсегда запомнил эту строку из стихов, должно быть, потому, что многие над этим смеялись и после часто вспоминали их». («При тяжелых заболеваниях своих пациентов, отец очень сильно переживал состояние больного»)

Вениамин Петрович много работал не жалея себя. Вследствие этого получил нервное расстройство и рано ушел из жизни. «Умер он в январе 1915г., как говорили тогда, от миокардита. При смерти его я был около него, отлучаясь на лошади в Иваново-Вознесенск за подушками с кислородом. До этого у отца от переутомления было нервное заболевание что-то вроде «мании чистоты». В больнице за грязь он гонял всех. Был отправлен в один из московских санаториев. Всё прошло, т. к. это было от нервного переутомления».

Смерть Вениамина Петровича показала, как чтит его Кохомское земство и фабриканты. «Когда отец умер, хоронило его всё село. ...После его смерти, спустя некоторое время, умер с детства инвалид Щербаков, которого он постоянно навещал и который очень любил отца. Перед смертью он просил своих родителей похоронить его рядом с отцом, что и было выполнено. Кладбище, где похоронен отец, теперь не существует». «Отец явился родоначальником династии врачей среди Рейслеров». Записки об уездном враче Рейслере — это свидетельство о целой эпохе: в них на примере жизни одного человека показан быт и нравы уездной провинции начала XX в., а также политическая и общественная ситуация в России накануне революции. Именно поэтому «Записки» очень актуальны сейчас, когда Россия, как и сто лет назад, стоит на перекрестке исторических дорог.

А. Ю. ГУЛИДОВ (г. Шуя) **РЕАЦИИ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО «ОТРЕЗВЛЕНИЯ НАЦИЙ» В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ** (по материалам Владимирской губернии)

Начало Первой мировой войны, или «Великой войны», как она называлась в прессе и публицистических выступлениях, оказалось связанным в сознании народа (по крайней мере, его образованной части) с объявлением ряда запретов на производство и продажу алкоголя на территории Российской империи. Борьба с пьянством являлась безуспешным поиском эффективного механизма социального контроля¹. Закон о запрещении продажи и производства алкоголя от 19 июля 1914 года первоначально был призван прекратить употребление водки во время призывной кампании. Только 22 августа 1914 г. предложение императора о продолжении запрета на продажу вина, спирта, водки до окончания военного времени было принято в Совете Министров². Что касается сферы действия «сухого закона», то ее определение отошло в компетенцию местной власти: губернатора и органов самоуправления. Земские и городские власти получили право обращаться к губернатору с просьбой о запрещении всякой торговли спиртными напитками на территории уезда, волости, города или даже отдельного села. В целом по Владимирской губернии подобный запрет стал действовать в конце августа практически во всех местностях³. При этом не следует считать, что введение сухого закона обозначало повсеместное введение трезвости. В разъяснениях, данных губернской канцелярией по поводу «мер к утверждению трезвости», фигурирует запрет на пир во в банях, ужесточение графика работы заведений на вокзалах и пароходах, особенно для посетителей из «третьего класса» (такой категории была разрешена продажа алкоголя с 9 утра до 11 вечера), а также запрет продажи вина во время сельских сходов, судов и прочих массовых мероприятий на селе, из чего прямо следует, что в прочих условиях продажа алкоголя возможна⁴. Социальная дискриминация в отношении права на употребление алкоголя во время кампаний усугубилась, несмотря на то, что с самого начала антиалкогольной кампании власти всех уровней заявляли о том, что «отрезвление будет касаться всех слоев общества».

Со временем алкогольные напитки постепенно стали возвращаться в свободную продажу. Разрешение или запрет на изготовление и продажу того или иного вида алкогольной продукции давал губернатор по просьбам с мест. Уже с 1 октября 1914 г. было разрешено варить пиво крепостью не более 4%, а с 9 августа 1914 г. на территории губернии в целом (отдельные города и уезды имели право запрещать у себя продажу алкоголя любых категорий) была разрешена продажа вина не крепче 16%⁵.

Запрет на торговлю спиртным в ходе призывной кампании сразу же привнес в некоторых негативных проявлениях массовых актов гражданского неповиновения. При остановках воинских поездов запасные часто произ-

водили атаки на казенные винные лавки. Обнаружив их открытиями, вели себя спокойно, покупали немного; закрытые лавки громили и выпивали все, потону секретными циркулярами был предписан вывоз спирта или уничтожение его в 3-х верстовой полосе от железных дорог⁶. Делать это было поручено полиции. Судя по жалобам с мест, полиция спирт вывозила, но не всегда уничтожала.

Ответственность за алкогольные правонарушения осталась прежней, доведенной. Чтобы представить себе наказания за производство и продажу алкоголя, достаточно обратиться к статьям уставов об акцизных сборах свода законов (том V издания 1901 года). Штраф от 300 до 6000 рублей или заключение от 2 месяцев до 2 лет, лишение лицензии. Добавилась лишь отдельная статья «за пьянство», введенная 10 июля 1915 г.⁷

Только 8 июля 1916 года на территории губернии «Обязательным постановлением о приготовлении, приобретении, хранении, продаже и передаче крепких напитков, суррогатов их и спиртосодержащих веществ» правила ужесточались — под раздел преступлений попадала также и выделка домашнего алкоголя крепостью более 1,5%⁸.

Что касается последствий введения сухого закона, то сведения о них были довольно противоречивы. С одной стороны, сообщения официальной прессы, правых региональных изданий несколько приукрашивали действительность, победно сообщая о всеобщей трезвости, сокращении числа преступлений, травматизма и фактах общего культурного роста населения. В таком же духе составлялись и некоторые доклады с мест в городские управы, губернские особые совещания по борьбе за народную трезвость. С другой стороны, либеральная пресса («Русские ведомости», к примеру) или отдельные здравомыслящие чиновники самостоятельно анализировали ситуацию, и выводы, сделанные ими, были неутешительны.

Так, газета «Старый владимирец» 1 августа 1914 года сообщает о сокращении числа преступлений после мобилизации и введения сухого закона. По свидетельству журналиста, в губернском городе за месяц не произошло ни одной кражи и хулиганства⁹. В выпуске за 14 августа 1914 г. сообщается об общем отрезвлении в городе Шуе, где все «коты» и «золоторотцы» (декларированный элемент) бросили «шпатель» и устроились на работы, так что даже печально известный район Памфиловка якобы стал безопасен для гуляющих¹⁰. В Иваново-Вознесенске городская дума проводила с 31 декабря 1914 г. сбор сведений о протоколах полиции, связанных со спиртным, тайной продажей, уголовными преступлениями, числом отравлений и травм, причем полицмейстер Иваново-Вознесенска сообщал о сокращении числа протоколов с 437 до 89, что для стороннего наблюдателя было довольно подозрительно.

Отмечались прессы и негативные последствия введения сухого закона. В «Старом владимирце» приводится случай массового опьянения населения в Орехово-Зуеве из-за открытия на один день винной лавки¹¹. Росло число преступлений, связанных с незаконной продажей алкоголя: от воровства жидкости перевозчиками (которые «били» посуду или ссыпались на отграбле-

ние) до вооруженных налетов на химические заводы, аптеки и склады; продавали контрабанда спиртного и его незаконное производство¹².

Согласно новому постановлению Управляющего акцизными сборами от 11 декабря 1915 г., полиция была обязана не уничтожать изъятый алкоголь (брагу, ханжу, кумышку, денатурированный спирт, политуру и лак), а хранить все изъятые при полиции, часть же, в объеме 1-2 бутылок, отправлять на экспертизу¹³. Из данного постановления следует, что в зданиях полиции стал в большом объеме скапливаться крепкий алкоголь, который по вполне понятным причинам подталкивал самих полицейских к правонарушениям двух родов. Во-первых, такой алкоголь можно было тайно продать, во-вторых, алкоголь приемлемого качества можно было употребить самим. Пытаясь обеспечить правильный порядок хранения веществных доказательств, местная администрация фактически заложила предпосылки для морального разложения правоохранительных органов. Сделанные выводы косвенно подтверждаются материалами прессы.

В соседних губерниях ситуация с коррумпированностью полиции была схожая, поскольку и прочие губернские управляющие акцизными сборами делали подобные распоряжения. Не случайно именно полицейские становятся главными героями журналистских сообщений о ходе антиалкогольной кампании. В газете «Русские ведомости» был опубликован обзор «Черты современного состояния трезвости», в котором описываются без комментариев и выводов многочисленные случаи нарушений сухого закона. Больше всего упоминается случаев, связанных с полицейскими. В городе Уральске полицмейстер Ходуновский пил «водки и вина» с рестораторами, за которыми обязан был следить, кроме того, он спивал и надзорные органы, поставив им бесплатно алкоголь. В городе Томске полицмейстер, уже посаженный в тюрьму за подобные правонарушения, по-прежнему самовластно распоряжался оборотом спиртного в городе прямо из тюрьмы. Пил в тюрьме сам, продавал или раздавал спиртные напитки прочим заключенным и охранникам, так что вся тюрьма «пила за его здоровье». Дошло до того, что вечерами и его новые знакомые из заключенных ходили вместе с конвоем по улицам и дебоширили. Только вмешательство столичного прокурора прекратило подобные безобразия. Прочие случаи, упомянутые в статье, не столь вопиющие, но симптоматичны — они касаются единичных случаев пьяных убийств и нанесений ранений со стороны полицейских чинов обывателям. Например, упоминается, как в селе Чесноковском Вятской губернии полицейский в пьяном виде застрелил крестьянина¹⁴.

Среди мер административного воздействия для централизованной борьбы с пьянством и незаконным изготовлением алкоголя на территории губернии стоит выделить создание губернского и уездных особых совещаний в составе чиновников городской и уездной полиции с участием местных чинов акцизного надзора, судебных следователей, городских судей и земских начальников с привлечением для заседаний лиц врачебного персонала. Конкретной целью этих учреждений было «выявление типов напитков в местно-

наложение более строгих штрафов; введение круговой поруки в семье (лишение права на содержание торгово-промышленных заведений не только соержателя-нарушителя, но и членов его семьи); лишение гарантий крестьянского сословия (отобрание надельной земли и продажа усадеб).

Таким образом, введение «сухого закона» на территории России в целом и Владимирской губернии в частности принесло больше проблем, чем положительных результатов. Сам факт «отрезвления нации», постулируемый официальной пропагандой, был маловероятен. Безусловно, статистические данные свидетельствуют о резком сокращении продаж алкоголя, что вполне понятно, поскольку такие продажи были запрещены или, по крайней мере, затруднены. «С мест» в губернскую управу сообщали сведения о числе правонарушений, связанных с продажей алкоголя. Так, управляющий акцизными сборами Иваново-Вознесенска 16 февраля 1915 года через городскую управу докладывал во Владимир, что зарегистрированных случаев тайной продажи спиртных напитков по Иваново-Вознесенску за время с 1 июля по 31 декабря 1913 года зарегистрировано 107, а в тот же период 1914 года – 35²¹. Приводятся данные о том, что резко сократились расходы населения, связанные с покупкой алкоголя с 4,8 до 0,5% дохода²². Но и эти данные также не показывают ничего конкретного; поскольку вся торговля алкоголем ушла в тень, то такие цифры скорее говорят о нерасторопности и коррумпированности полиции и конспирации продавцов. Дошло то того, что заседание городской управы города Владимира 9 июня 1916 года постановило усилить надзор за нижними воинскими чинами гарнизона и патрульными чинами (полицией), поскольку обе эти категории употребляют алкоголь на службе, а последние еще и не обращают внимания на распивающих спиртные напитки обывателей²³. При этом статистика официально оформленных правонарушений в сфере оборота алкоголя сократилась практически до нуля – уездные «Особые совещания» заявляли 3-4 ареста за полугодие. Меры же, предпринимаемые местными органами власти, были далеки от совершенства. Зачастую всё ограничилось постановлениями, приказывающими запретить продажу алкоголя, но не прописывающими реальный порядок его запрета. Характерны были и совершенно бессмысленные указания по продаже красок, технических жидкостей и лаков только по разрешительным книжкам, выдаваемым в полиции, что приводило не только к неудобствам для строительных организаций, аптек и рядовых обывателей, но и к волоките в полиции, росту коррупции среди полицейских чинов, которым было дано право запрещать или разрешать продажи по своему усмотрению²⁴.

Мак-Ки А. Сухой закон в годы Первой мировой войны: причины, концепция и последствия введения сухого закона в России. 1914-1917 гг. // Россия и Первая мировая война: Материалы международного colloquiuma. СПб., 1999. С. 159.

Владимирские губернские ведомости. 1914. 12 сентября. раздел официальный.

Владимирские губернские ведомости. 1914. 15 августа. раздел официальный.

Владимирские губернские ведомости. 1914. 8 августа. раздел официальный.

Владимирские губернские ведомости. 1914. 9 сентября. раздел официальный; 17 октября 1914. раздел официальный.

ствах, способов их изготовления и мест продажи». Время создания особых совещаний было довольно поздним – 1 марта 1916 года, в то время как незаконный оборот алкогольной продукции непрерывно увеличивался с осени 1914 года¹⁵. Отчеты некоторых особых совещаний позволяют четко представить картину антиалкогольной кампании во Владимирской губернии. Они дают представление не только о том, как происходило снабжение населения алкоголем, но и какие социальные группы занимались криминальным бизнесом. На территории губернии в официальных отчетах мало упоминалась роль полиции в прекращении незаконного оборота спиртного – ни с положительной, ни с отрицательной стороны. Тактика умалчивания говорит либо о боязни сообщать властям о правонарушениях со стороны полиции, либо, по меньшей мере, о ее бездействии.

Отчеты с мест по большей части содержат жалобы на нерасторопность полицейских чинов и акцизной администрации, а также сведения о лицах, употребляющих алкоголь, его производителей, распространителей и так далее. К примеру, Иваново-Вознесенск выделялся большим числом модельных аппаратов для возгонки, поскольку «народ работает на фабриках и с устройством и принципами работы подобных аппаратов знаком»¹⁶, при этом «массового пьянства нет», «пьют и изготавливают» в основном рабочие. О действиях полиции по пресечению самогонварения – ни слова. В Переяславле возникла другая проблема – употребление денатурированного спирта, лака и полимеры в грубо очищенном или натуральном виде. Подобные жидкости доставлялись из-за пределов уезда, чаще всего из Москвы¹⁷. Схожая ситуация была и в Покровском уезде, где суррогаты водки не только доставлялись из Москвы в огромном количестве, но и свободно продавались под видом технических средств в казенной лавке при полном попустительстве чинов полиции¹⁸. Члены «Особого совещания» города Суздаля не только описали свои проблемы, но единственные из всех уездных «Особых совещаний» предложили меры по борьбе с незаконным оборотом алкоголя. По поводу «денатуратов» члены совета предлагали особо не беспокоиться, поскольку употребление подобных напитков чрезвычайно вредно и смертельные случаи заставляют «любителей» отказываться от употребления таких напитков¹⁹. Необходимо отметить, что в тот же период члены Муромского «Особого совещания» утверждали в своем отчете обратное, настаивая на том, что употребление денатуратов стало безопасным в связи с «нахождением способа очистки» населением и сокращением процента искусственно повышенного числа вредных веществ²⁰. Основную же опасность администрация города Суздаля видела в распространении алкоголя домашнего изготовления, и именно для прекращения этой торговли предлагался ряд действенных мер, из которых ни одна не была принята к сведению губернской администрации. Среди этих мер введение ответственности как за изготовление и упрощение порядка судебного бесплатного утилизации алкоголя; проведение «провокационных» закупок переодетыми чинами полиции; установление денежной премии «открывателям» (доносчикам); ус-

⁶ *Джуновский В. Ф.* Воспоминания: В 2 т. Под редакцией А. Л. Паниной. Т. 2. М.: Издательство имени Сабашниковых, 1997. С. 383.

⁷ Сост. по Владимирские губернские ведомости. 1915. 7 августа. раздел официальный

⁸ Владимирские губернские ведомости. 1916. 22 июля. раздел официальный.

⁹ Владимирские губернские ведомости. 1914. 1 августа. раздел неофициальный.

¹⁰ Старый владимирец. 1914. 17 августа.

¹¹ Старый владимирец. 1914. 6 августа.

¹² Русские ведомости. 1916. 3 августа.

¹³ ГАВО. Ф. 40. О. 1. Д. 22813. Л. 1.

¹⁴ Русские ведомости. 1916. 26 февраля.

¹⁵ ГАВО. Ф. 40. О. 1. Д. 22813. Л. 2.

¹⁶ ГАВО. Ф. 40. О. 1. Д. 22813. Л. 40.

¹⁷ ГАВО. Ф. 40. О. 1. Д. 22813. Л. 4.

¹⁸ ГАВО. Ф. 40. О. 1. Д. 22813. Л. 13.

¹⁹ ГАВО. Ф. 40. О. 1. Д. 22813. Л. 6.

²⁰ ГАВО. Ф. 40. О. 1. Д. 22813. Л. 26.

²¹ ГАИО. Ф. 2. О. 1. Д. 5198. Л. 212.

²² *Балдин К. Е.* Рабочее движение в России во второй половине XIX – начале XX века / К. Е. Балдин; Ивановский государственный университет. Иваново: Ивановский государственный университет, 2006. С. 231.

²³ ГАВО. Ф. 40. О. 1. Д. 22813. Л. 34.

²⁴ Русские ведомости. 1914. 5 декабря

И. Н. МОТЫГИНА
(г. Шуя)

УЧАСТИЕ ИВАНОВСКИХ ВУЗОВ И ТЕХНИКУМОВ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ СОРЕВНОВАНИИ

В первые годы Советской власти, когда началось становление новой системы образования и ускоренными темпами готовились рабочие-крестьянские кадры для построения социализма, актуальными вопросами кадровой политики государства были создание материально-технической базы институтов, техникумов, училищ, формирование профессорско-преподавательского состава, открытие новых специальностей и т. п. Впоследствии на первый план вышли проблемы качества подготовки кадров, поиск наиболее эффективных форм их подготовки, обмен опытом работы. И здесь заметное место стала занимать организация социалистического соревнования. Соревнование проникло во все сферы жизни общества, в том числе и в систему подготовки кадров.

Непосредственными организаторами соревнования были профсоюзы, а руководили и направляли их работу партийные органы. Социалистическое соревнование посвящалось съездам партии и комсомола, юбилейным датам. Тематика их была довольно разнообразна, например, соревнование на лучшее начало учебного года, на лучшую воспитательную работу и т. п. Учебные заведения активно участвовали во Всесоюзных и Всероссийских соревнованиях, смотрях, конкурсах, а также внутриотраслевых, внутривузовских и индивидуальных соревнованиях. Целями социалистического соревнования в тот период было повышение качества

учебной и воспитательной работы со студентами, подготовка специалистов из рабоче-крестьянской среды, командиров производства, способных поднять людей на ударную работу и возглавить соревнование в массах. Многообразие форм соревнований, в которых участвовали вузы и техникумы повышало престиж учебных заведений, способствовало росту их популярности. Активно участвовали в социалистическом соревновании и учебные заведения родины Героя Советов. Архивный материал об этой деятельности не безинтересен сегодня не только с исторической, но и с профессиональной точки зрения.

В августе 1919 года Иваново-Вознесенский губернский отдел народного образования, организова педагогические курсы, так определил их цель – «всколыхнуть учительство, дать ему возможность «освежиться» в общении друг с другом, пополнить образование, поучиться новым методам преподавания»¹. Эти слова вполне можно отнести и к соревнованию, развернувшемуся в губернии в 20-30-е годы. В целях укрепления партийного руководства всем процессом подготовки кадров особое внимание уделялось росту числа членов партии среди профессорско-преподавательского состава учебных заведений, созданию коммунистических ячеек в студенческой среде. На Всероссийской студенческой конференции в январе 1922 года это назвали средством «для завоевания вузов»². В первые годы Советской власти классовый подход к формированию студенчества заключался в конкретные задания, в обязательные условия социалистического соревнования. Перед педагогическими коллективами ставились задачи по формированию абитуриентов из рабоче-крестьянской среды, по искоренению враждебных элементов в вузах³.

Ивановские вузы и техникумы активно включились в социалистическое соревнование. Так, Шушский образцовый педагогический техникум соревновался с Владимирским, Кинешемским, Костромским педагогическими техникумами. Основной целью этого соревнования было повышение успеваемости студентов. В ходе соревнования были разработаны нормативы оценок знаний студентов по всем учебным дисциплинам. В рамках соревнования преподавателям техникума были взяты обязательства в порядке дарничества – провести более 500 дополнительных бесплатных часов консультаций для отстающих студентов. Взаимопомощью было охвачено 118 студентов, в соревновании участвовали 2 кабинета и 9 студенческих групп. В рамках соревнования проводились разнообразные конкурсы, например, конкурс на лучший урок в период педагогической практики, на лучший конфликт лекции, интересно, что при этом подчеркивалось, что «записывать надо не слова, а мысли говорящего». Участие в соревновании предусматривало повышение культурного уровня студентов, эстетическое оформление кабинетов, повышение дисциплины. Так, в техникуме велся подсчет прогулов, студентов, успевающих на «отлично», «хорошо», «удовлетворительно» и неуспевающих, даже учитывались студенты, работающие самостоятельно и те, кто списывает. В условия соревнования включили показатели о количестве студентов, охваченных удариничеством,

сдавших нормы ГТО. Особое внимание уделялось составлению и принятию индивидуальных социалистических обязательств, так в Шуйском педтехникуме ими было охвачено 15 преподавателей и 254 студента.⁴

В начале 30-х годов центральные газеты напечатали условия Всесоюзного соревнования педагогических учебных заведений на лучшую подготовку к учебному году и лучшую воспитательную работу. Среди основных критериев конкурса – развертывание массовой разъяснительной работы по популяризации педагогического образования на фабриках, заводах, обеспечение не менее 2 заявлений на одно конкурсное место для провинциальных вузов и 3-х – для московских и ленинградских вузов; полное завершение укомплектованности вузов, техникумов студентами к 25 августа, составление и размножение учебных программ для каждого студента, завершение к 10 августа оборудования кабинетов, участие не менее 50% преподавателей и студентов в массовых мероприятиях. Вот некоторые показатели из отчета Шуйского педагогического техникума, участвовавшего в этом соревновании. В целях профориентации преподавателями и студентами проводились беседы о роли учителя, поддерживалась письменная связь с 11 заведующими районными отделами образования, с 24 директорами школ. К этой работе привлекались 37 выпускников техникума, уже к маю в училище было завербовано 105 человек. В зимние каникулы в домах отдыха побывали 24 преподавателя и студента, 17 студентов ездили на экскурсию в Москву. Отмечались успехи подсобного хозяйства и объемы заготовок. Особой гордостью техникума было то, что к 1 сентября явка студентов на занятиях была 100% и не было ни одного опоздавшего.⁵

В Ивановском политехническом институте, открытом по инициативе М. В. Фрунзе в 1918 году, в 20-е годы традиционным было соревнование между факультетами с целью обеспечения пролетарского состава студентов, реорганизации вуза, повышения количества студентов, переходящих с курса на курс, улучшения успеваемости и общественной работы. Ивановские вузы в рассматриваемый период активно участвовали во Всесоюзных смотрях конкурсах. Среди основных показателей этого соревнования были: пересмотр и обновление программ теоретических курсов, устранение однообразия, оторванности от практики тематики дипломных работ, пересмотр системы производственной практики студентов, дисциплина, наглядность в обучении и т.п. Условия социалистического соревнования предусматривали разработку в каждом регионе своих планов мероприятий, обязательств по решению поставленных задач. Так, Ивановский обком ВКП(б) возложил на научных работников, преподавателей обязанность обслуживать лекциями 200 наиболее крупных сельсоветов области и 18 районных центров.⁶ Большое внимание в соревновании вузы уделяли качеству подготовки студентов, их социальному статусу. Так, в отчете Ивановского текстильного института по итогам соревнования отмечалось, что в вузе 7,1 % студентов учагас на «отлично», 30,6 % – на «хорошо», 53,6 % – на «удовлетворительно», 6,5 % – на «неудовлетворительно», среди последних 8% – членов партии, 5,6 % –

комсомолцы, 1,5 % – ударники производства.

Важнейшим показателем вузовского соревнования был уровень организации и результативность научной деятельности. Из того же отчета Ивановского текстильного института следует, что все студенты пятого курса означены участием в научных кружках, тематика их научных докладов связана с практикой, основана на знакомстве и изучении опыта передовых текстильных предприятий области. Для студентов вуза открыт кредит на покупку технической литературы и создание личных библиотек.⁷ Соревнования вузов выявляло слабые места в организации научно-исследовательской деятельности. Обязательным условием соревнования было принятие конкретных обязательств по подготовке и защите кандидатских диссертаций. Так, в условиях соревнования между Ивановскими и Ярославскими вузами включен показатель о том, что не менее 25 % аспирантов после окончания учебы в аспирантуре должны представить диссертацию к защите, не менее 50 % штатных ассистентов должны пройти аспирантскую подготовку; в ряде договоров указывались конкретные фамилии аспирантов, темы их кандидатских диссертаций, сроки и места защиты.⁸ Участие в соревновании помогло выявить «узкие» места в работе с аспирантами. В ряде Ивановских вузов трудно шло выдвижение в аспиранты выпускников вуза, поэтому их количество значительно отставало от количеств вузов. Так, в медцинском институте в 1938 году было 5 аспирантов, в сельскохозяйственном – 2, в энергoinституте – 10. Среди недостатков отмечалось, что аспиранты учагас 5-6 лет, а защита диссертаций мало, слаба ответственность научных руководителей, а «защита диссертаций это дело государственное».⁹ Учитывая остроту проблемы Ивановский химико-технологический институт включил в условия соревнования обязательное состояние диссертационных работ преподавателей и аспирантов, выдвижение тем исследований, тесно связанных с жизнью, практикой социалистического строительства, анализ работы студенческих научных кружков, издание научных работ студентов. В рамках соревнования проводились и индивидуальные соревнования молодых ученых – химиков.¹⁰

Так, постепенно, несмотря на трудности и некоторые элементы формализма, соревнование прочно вошло в сферу подготовки кадров.

Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. Р – 1319. Оп. 1. Д. 187. Л. 30.
ГАИО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 961. Л. 6.

См. ГАИО. Ф. 2440. Оп. 1. Д. 35. Л. 40; Ф. 2440. Оп. 1. Д. 1. Л. 16.

ГАИО. Ф. Р-2278. Оп. 1. Д. 25. ЛЛ. 5, 6, 50, 61, 84, 190.

ГАИО. Ф. Р-2278. Оп. 1. Д. 156. ЛЛ. 20, 23, 71.

ГАИО. Ф. 2440. Оп. 1. Д. 1. ЛЛ. 8, 26.

ГАИО. Ф. 2440. Оп. 1. Д. 9. Л. 6.

ГАИО. Ф. 2440. Оп. 1. 9. 24. Л. 3.

ГАИО. Ф. 2440. Оп. 1. Д. 65. Л. 27.

ГАИО. Ф. 2440. Оп. 1. Д. 57. ЛЛ. 17, 27.

«ЗДЕСЬ БУДЕТ ГОРОД-САД» (ПЕРСПЕКТИВЫ И РЕАЛЬНОСТЬ РАЗВИТИЯ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА в 1930-е гг.)

20 февраля 1934 года было принято Постановление Президиума ВЦИК «Об изменениях в административном устройстве Ивановской промышленной области», где в п.3 записано: «Образовать рабочий поселок под наименованием «Заволжье». В него вошли промышленные предприятия левого берега Волги (химический завод, фибровая фабрика, фабрика «Приволжанка»), деревни и рабочие поселки, окружавшие предприятия. Их было 15 с числом жителей 10 тысяч человек¹. В 1954 году рабочий поселок Заволжье получил статус города.

Как должен был развиваться поселок в перспективе и как он развивался реально в 1930-е годы? Вот вопрос, на который мы попытаемся ответить.

В 1932 году Ивановским областным проектно-планировочным бюро при Облкомхозе ИПО был разработан «Проект планировки поселка Заволжье». В Пояснительной записке к проекту говорилось, что в перспективе рабочий поселок Заволжье будет расти, так как будет расти и наращивать мощь химический завод, так как существуют тесные экономические, социальные и культурные связи с Кинешмой, в перспективе будет создан транспортный узел Кинешма – Заволжье через Волгу (с возможностью железнодорожного перехода). Иваново будет связано с севером Заволжья. Предполагалось, что численность населения возрастет к 1938 году – до 20 тысяч человек, к 1943 – до 25 тысяч человек.

По этому проекту первая очередь планировки и застройки должна была быть реализована к 1943 году, вторая – к 1957. Но так далеко не заглядывали и писали, что «расчеты для 1957 года являются менее обоснованными и ориентировочными», а также отмечали, что «перспективно-ориентировочными представляются предположения и о сроках возможного появления железнодорожного моста и железнодорожной линии Кинешма – Заволжье. Эти факторы представляются осуществимыми лишь в неясной перспективе будущего» (автомобильный мост через Волгу был построен и пущен только в 2004 году, то есть через 72 года).

Предполагаемая застройка поселка должна была вестись вдоль основной магистрали – тракта Кинешма – Кострома (современная улица Мира) и перпендикулярно к Волге. Прямоугольно-шахматная система планировки должна была состоять из жилых кварталов, которые выходят на центральную общественно-административную площадь поселка. На Центральной площади будут располагаться: Поселковый совет, Районный клуб, почта, аптека, универсам. Вокруг площади – Дом Советов, Дом культуры, театр, Клуб химиков, Центральный кинотеатр, Драмтеатр, Дом общественных организаций, Дом колхозника.

Жилой квартал кроме домов должен включать в себя детские ясли, сады, школы, магазины, распределители, ларьки, мастерские. 4 квартала должны были занимать площадь примерно 25 га. Исходя из предполагаемой численности населения планировалось строительство поликлиники, госпиталя, санатория, 3 аптек, 2 бань, 2 прачечных.

Система общественного питания включала в себя фабрично-заводскую и столовые разных уровней (квартальные, центральные).

Магазины предполагались двух видов: для товаров повседневного спроса (товары колхозных рынков, базаров, буфетов, ларьков) – их должно быть 10 (1 на 2000 человек) и магазины узко-специализированных товаров (обувь, одежда, велосипеды) – их должно быть 2 (1 на 1500 человек). В качестве сравнения необходимо отметить, что сегодня в Заволжье 40 магазинов, а население составляет около 11 тысяч человек (то есть примерно такое же, как и в 1934 году).

Расчитывалось создать детских яслей – 13, детских садов – 14, школ – 1 (по 620 человек), химический техникум – 1 (на 400 учащихся).

Предполагалось построить поселковый гараж на 15 машин (из расчета 6 машин на 10 тысяч человек).

Общественно-воспитательную и политико-просветительную работу должен был организовать районный клуб, его филиалами в кварталах являлись клубы-примитивы. Ежедневно клубы могли посещать 8,5 тысяч человек².

Кроме разработки Проекта застройки рабочего поселка Заволжье в это же время был разработан «Проект планировки парка культуры и отдыха». Место размещения парка – лесной массив (около 50 га) в центре поселка. В 1932 году на этой территории находилась конюшня на 26 лошадей с хозяйственными и жилыми постройками. По расчетам, к 1943 году парк будут посещать в день 1992 человека, к 1950 году – 2600.

Основная задача парка: создание хороших условий отдыха, организация мероприятий по повышению культурного и производственного технического уровня, проведение политических кампаний, внедрение искусства в массы. Во время посещения парка посетители должны были охватываться следующей парковой работой:

Гуляние по парку – 70%.

Посещение столовых, буфетов – 46%.

Аттракционы – 35%.

Массовые игры – 26%.

Физкультурная база – 16%.

Выставки – 14%.

Библиотеки – 13%.

Павильон науки и техники – 5,6%.

Беседы на воздухе – 0,9%.

Необходимые сооружения парка включали в себя: дом культуры (дворец культуры) – 3-х этажное здание со зрительным залом на 650 мест, пло-

шадка для танцев, площадка для конференций, выставочный павильон, павильон науки и техники, библиотека, база настольных игр, база тишины и покоя, тир, полоса препятствий, стадион (с трибуной на 2500 человек), теннисный корт, закрытый летний театр, парашютная вышка, бассейн, кафе, парикмахерские, ресторан (перспектива центральной аллеи замыкалась зданием ресторана и водным бассейном, находящимся впереди него). Ресторан являлся по своему объему крупнейшим сооружением в парке и по своей архитектуре наиболее выразительным.

Для детей — база пионеров, детский стадион (трибуна на 1000 мест), участок изучения природы и сельского хозяйства.

Предполагалось ежедневно вывозить из парка 1,7 т мусора, устроить в парке 2 туалета³.

Вот таковы были планы перспективного развития рабочего поселка Заволжье в 1932-1934 годах.

Теперь следует обратиться к тому, что было реализовано из этих планов и как в 1930-е годы жил рабочий поселок Заволжье. Обратимся к решениям Президиума поселкового совета и к публикациям газеты «Приволжский химик» 1930-х годов.

В 1930-1931 годах начинается строительство каменного 3-хэтажного жилого дома для рабочих и инженерно-технического персонала химзавода (его до сих пор называют дом-блок). В августе 1931 в газете сообщалось: «В общем можно сказать, что строительство на грани замерзания из-за недостатка материалов, рабочей силы, а главное плохого административно-технического руководства⁴. Через год вновь об этой проблеме: «Десятки бригад были подготовлены и даже переведены на хозрасчет, но руководители стройки не уделяли им достаточного внимания и этим самым их развалили. На стройке царит уравниловка в заработной плате, например, на дом-блоке квалифицированные плотники зарабатывают меньше, чем разнорабочие⁵».

И хотя в 1932 году первые семьи рабочих вселились в дом-блок, условия жизни оказались здесь далеко не радужными. Квартиры рабочих сравнивали с каморками: «Опять подошли к каморочной жизни. Все в каморке: кровать, стол и все продукты в той же комнате, кухня маленькая⁶. В следующем номере газеты корреспондент под именем Жилец сообщал: «Дом-блок заселен 37 семьями, из них служащих несколько семей. Как же можно отличить квартиру служащего? Да очень просто. У служащих у всех электрическое освещение, но рабочему нет проводов. Рабочие настаивают на радифицировать. Ответ: нет крючков для изоляторов. А уж относительно водопровода и говорить нечего. Полкилометра сходить по воду заместо прогулки⁷».

Жилищный вопрос был самым болезненным. Из 1500 рабочих химзавода жильем были обеспечены только 370, то есть примерно 1/5 часть.

В 1933 году появилась заметка о казарме №5. Читаем: «Казарма №5 после пожара еще не ремонтировалась. Крыша пропускает дождь. Штукатурка валится и грозит несчастным случаем. В казарме грязь. Заведующий ремонтно-строительными мастерскими тов. Фролов вместо посылки рабочей

силы для ремонта казармы посылает маляров и плотников ремонтировать и перестраивать свою квартиру⁸. Надо отметить, что еще в 1972 году часть бывших казарм использовались под жилье.

Проблема детских яслей и детского сада стояла на одном из первых мест. В ноябре 1933 года были открыты первые ясли, в которых находилось 15 детей⁹. Существовавший детский сад при анилизаводе охватывал только 10% детей и считался переполненным¹⁰. В 1934 году здесь воспитывалось 85 детей. В газете отмечалось, что «для подготовки к зиме необходимо 6 дверей обить войлоком. Произвести ремонт крыши, покраску. Детский сад имеет никакую. Имеется одна смена постельного белья и 25 одеял. Детский сад имеет средства только на питание, на ремонт и хозяйственные нужды нет¹¹. К декабрю 1936 года при заводе должны быть открыты ясли-сад на 120 мест, что и в течение всего 1937 года они построены не были. Основная причина объясняется тем, что при составлении сметы стоимость вместо отпущенных 352 тыс. рублей вылилась в 978 тыс. рублей. Только в 1938 году вопрос о получении дополнительных средств разрешился¹². В октябре 1938 года «комиссия после проверки детских яслей установила, что принимать их нельзя, они оказались недостроенными. Нет электроосвещения, водопровода, ряд мелких недоделок на кухне, в прачечной¹³. После принятия очередных «энергичных мер» 8 ноября в честь 21-ой годовщины Великой Октябрьской Социалистической революции состоялось открытие нового детского сада. «С любопытством осматривали присутствующие 82 светлые комнаты здания. Дирекция завода премировала лучших строителей и 6 лучших работниц яслей, показавших образцы по уходу за детьми. Среди них Настя Груздева и Мария Алексеевна Соколова. Получая премии (по отрезу на платье), они обязались еще лучше ухаживать за маленькими гражданами большой страны¹⁴».

Приведем еще несколько отрывков из статей газеты, которые показывают, как отдыхали и проводили свой досуг рабочие: «На участке культурно-массовой работы ФЗК — самое безобразное отставание. Культурный сектор завкома плана по культурной работе не имеет. Общего плана работ завклубом не имеет. Вся культурно-массовая работа загнана на задворки. Имеющиеся кружки при клубе, исключение — физкультурный, не работают. Имеется драмкружок. Иванов, положив руку на сердце, признался, что после 1 Мая ни одной постановки не ставилось. При клубе имеется струнный оркестр. Кружок развлекательный, вновь организовать заведующий клубом не хочет. Желающие записаться есть — нет руководителя. Помещение, в котором находится библиотека, по существу не может быть пригодным хотя бы под красный уголок, потому что оно слишком темно и в нем нет даже днем света. Шахматы и шашки имеются, но лежат в шкафе у Вдовина на запорти¹⁵. В библиотеке «имеют место хищения книг, два раза были взломаны шкафы, украдено несколько ценных книг и со стола красное сукно¹⁶».

В февралю 1934 года в клубе в 6 вечера была назначена лекция «Куда идут сектанты». «Время 7 часов, в клубе кадровых рабочих нет. На диване в

комнате правления клуба уже третий час досиживал лектор из Иванова, за столом заведующая клубом Кожурина. С нахмуренными лицами друг против друга, задумавшись, сидели игроки – шахматисты. Лекция была сорвана».¹⁷

Заметка «Скучно на анилизаводе» рассказывала: «В клубе иногда драмкружок делает постановки, струнный оркестр – концерты, но все это делается от случая к случаю. Сейчас отдых можно сделать самый разнообразный, к тому же завод имеет свой лодки, пароходы, нешолох стадион, площадку, сад, но они пустуют. Горюлки, теннис, крокет, мяч и прочий инвентарь лежат в складе клуба под замком. Заведующего клубом в дни гуляний не найдешь».¹⁸

1936 год был отмечен большой активностью пионеров, но жизнь кипела. В пионерской работе тоже были недочеты, пионервожатая Аня Нечаева писала, что «на 8 отрядов только 4 атрибута, не хватает 60 галстуков. Пионервожатый Дунаев рассказывал пионерам недетские анекдоты, взялся распространять билеты лотереи Осовиахима, а деньги до сих пор не сдал. Вожацкие звеньев Кузнецова и Седова не носят галстуков, считая себя «переростками»».¹⁹

До конца 1930-х годов острым оставался вопрос обеспечения поселка водой и соблюдения чистоты. В 1938 году Президиум Заволжского поселкового совета принял обязательное постановление №1, где п. 4 гласил: «Воспрещается мытье белья, посуды, автомашин и тарантасов на улицах, у водопроводных колонок и колодцев».²⁰

О некоторых служащих поселкового совета того времени дает представление заметка «Лихие поссоветчики». В ней сообщалось: «Заведующий домоуправлением поссовета Михайлов И. Т. и строитель Борков в выходной день, т. е. 12 сентября в религиозный праздник «Александр Невский», решили как следует поприрадовать. Они договорились с председателем поселкового совета Чихватовым взять лошадь и прокатиться в гости к родным Михайлова в деревню Лентьево (в 40 км). Чихватов их просьбу выполнил, попив чая в квартире Михайлова, чинно усадил в тарантас и «благословил» их в далекий путь. Там лихие поссоветчики, забыв про работу, гуляли два дня и приехали на третий. Многие посетители, которые к ним приходили, уходили безрезультатно».

И в качестве итога необходимо привести решение Президиума поссовета по вопросу о планировке территории поселка Заволжье. Оно относится к 1937 году. На заседании в числе прочих присутствовали директор трех основных предприятий поселка Заволжье: от химзавода – Берзин К. Я, от фибровой фабрики – Торопов И. М., от фабрики «Приволжанка» – Рамодин. В решении было сказано, что «вопрос планировки Заволжья по проекту чрезвычайно большой и весьма трудный, связан с вопросами финансирования, что в свою очередь зависит от перспектив дальнейшего развития промышленности. При имеющихся же перспективах думать об осуществлении проекта совершенно нельзя».²¹ Было решено просить Президиум Кинешемского райисполкома отменить проект и просить облисполком об отпуске средств для состав-

ления детального текста с детальной разбивкой кварталов и установлением межевых знаков».²²

Таким образом, несмотря на разработку проектов развития рабочего поселка Заволжье, планы оказались фантастическими и невыполнимыми, о чем говорили руководители поселкового совета в 1937 году. Но в то же время перспектива создания моста через Волгу и соединения двух ее берегов – задача реальная и сложная, которая была решена только в 2004 году. Впервые эта проблема поставлена в проекте 1932 года. Реальная жизнь рабочих поселка в 1930-е годы была связана с решением проблем жилья, воды, воспитания и образования детей, досуга. Хотя и медленно, но жизнь улучшалась. Достаточно сказать, что перед Великой Отечественной войной в поселке были построены улица Фрунзе, так называемый соцгород, детский сад, две школы. Планы и проекты оказались тем «городом-садом», к которому прийти в 1930-е годы (как, впрочем, и позже) не удалось.

Техническое описание и вычисления по делу инвентаризации поселка «Заволжье» ИПО // Кинешемский горрайархив (далее КГР) Ф. 243. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 21.

Проект планировки поселка «Заволжье» 1932 г. // Заволжский музей.

Проект планировки парка культуры и отдыха рабочего поселка Заволжье 1932 г. // Заволжский музей.

Приволжский химик №3 от 22 августа 1931 г.

Приволжский химик №19 от 7 июня 1932 г.

Приволжский химик №27 от 12 августа 1932 г.

Приволжский химик №28 от 21 августа 1932 г.

Приволжский химик №10 от 20 апреля 1933 г.

Приволжский химик №25 от 2 декабря 1934 г.

Приволжский химик №9 от 30 марта 1933 г.

Приволжский химик №19 от 23 сентября 1934 г.

Приволжский химик №14 от 13 мая 1938 г.

Приволжский химик №39 от 9 октября 1938 г.

Приволжский химик №46 от 16 ноября 1938 г.

Приволжский химик №14 от 12 июля 1933 г.

Приволжский химик №16 от 26 июля 1934 г.

Приволжский химик 35 от 23 февраля 1935 г.

Приволжский химик №19 от 16 июля 1935 г.

Приволжский химик №6 от 20 марта 1936 г.

Приволжский химик №12 от 25 апреля 1938 г.

Протокол заседаний Президиума и Пленума поселкового совета Заволжье. 1936 – 1937 г. // КГР Ф. 243. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 20.

Там же.

С. Л. ЗЯБЛОВА
(г. Кострома)

ПАЛЕХСКАЯ МИНИАТЮРА КАК ЧАСТЬ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ РУССКОГО НАРОДА

*«Здесь русский дух, здесь Русью пахнет»
А.С. Пушкин*

В культуре народов нашей страны особое место занимают художественные промыслы, представляющие собой центры декоративно-прикладного искусства, традиции которых исчисляются столетиями. Это искусство связано с самыми глубокими нитями с жизнью. Возникшее первоначально из потребностей быта и запросов быта, оно развивалось и совершенствовалось в его недрах. Постепенно оно наполняло своими формами, красками и узорами весь предметный, хозяйственный, семейный и трудовой народный быт. Искусство промыслов – одно из ярких подтверждений естественного влечения человека к красоте и художественному творчеству [1].

Потребность в эстетическом наслаждении в жизни человека занимает важное место. Благодаря этой потребности человек стремится сделать свою жизнь красивой – свой быт, отдых, свои взаимоотношения с другими людьми, все свои поступки человек определяет с позиции прекрасного, с позиции нравственных принципов. Восприятие же эстетических ценностей в действительности и в искусстве облагораживает личность, возвышает ее, раскрывает красоту окружающего мира [5]. Народное искусство, национальное по содержанию, способно активно воздействовать на духовное развитие человека. Основанное на глубоких художественных традициях, народное искусство входит в жизнь и культуру народа. Художественные произведения, созданные народными мастерами, всегда отражают любовь к родному краю, умение видеть и понимать окружающий мир.

Познание мощного культурного пласта, охватывающее бытие человека, начинается с его первых шагов по земле [2]. Кольбельная песня, картинка у детской кроватки, резные наличники, вышитые полотенца, игрушки, – все вплетается в жизнь ребенка, создавая благоприятную почву для развития творческих начал, становления самосознания причастности к своей родной земле.

Палехский край – земля необычная, с богатым историческим прошлым, хоть и «малая», но тесно связанная с общероссийской историей [4].

Иллюстрацией этому может служить деятельность основателя художественной галереи Инны Кауфман.

Знание всех нюансов лаковой живописи, личные связи и дружба с художниками, особый взгляд на миниатюру как на самостоятельный вид искусства делает Инну Кауфман посланницей Палеха в Нидерландах.

И. Кауфман собрала уникальную коллекцию лаковых миниатюр, которую галерея уже десять лет представляет своим посетителям и партнерам.

Галерея Инны Кауфман открылась в 1990 г. в Амстердаме. Ее юбилей десять лет с основания отмечался и в Палехе в 1999 г., так как совпал с десятилетием творческой деятельности «Говарищества Палех» – сотрудничества палехских художников, возникшего на переломе истории России в 1989 г. под девизом «Сохранить, возродить традицию».

Что связывает эти два события? Что их объединяет в разделенности географических и государственных границ с еще большей датой – 75-летием искусства палехской лаковой миниатюры оправавшей в том же году в Палехе? Примечательно, что за совпадением юбилеев, проходящих один за другим, стоят напряженная деятельность галериста и творчество палехских художников, в целом – возрождение палехского искусства, искусства духовных русских традиций! Важна при этом общность художественной направленности галереи Инны Кауфман, ее работы как галериста с творческими установлениями лучших палехских художников – возродить уникальные древние традиции.

Многовековой опыт иконописания большого села Палех, где в каждом доме до революции писали иконы, лег в основу искусства лаковой миниатюры. Тайны древнего мастерства, передаваемые в Палехе от отца к сыну, сохранили мастера-основоположники, применив их в живописи по лаку. В 1924 г. была создана «Артель древней живописи». За два десятилетия творческой деятельности бывших иконописцев Палех стал мировой достопримечательностью, куда стекались со всех концов мира туристы, искатели чудесного. Темы своего искусства и вдохновение мастера черпали из фольклора сказки, из самой жизни, красот родной земли, ее природы, ее истории [3].

В России началась перестройка! Примечательно, что именно в это время, на переломе истории развивает свою деятельность Инна Кауфман со значительной поддержкой Иозефа Р. Ритмана. Взаимообогащающий растущий контакт их с Палехом стал фактом историческим. Живая творческая нить протянулась между Амстердамом и Палехом, образовав новое культурное пространство. А за этим стояли человеческие судьбы, преодоление трудностей, достижения и свершения.

Приехав из Петербурга в 1980 г. в Амстердам, она по склонности к искусству (художественное образование) поначалу занялась продажей живописи, перейдя вскоре на лаковую миниатюру.

Но вот поездка в Палех! Это был 1987 г. К очередной выставке русской живописи Министерством культуры России было предложено привлечь палехских художников. Инна едет к ним. Это было время, когда молодое поколение палехан 70-х – 80-х годов только начало творчески осмыслять древние традиции.

Между тем, выставки-продажи палехской миниатюры в Амстердаме приобрели программный характер. В 1988 г. в магазине Фокке и Мелтцер проходила выставка Палеха, сопровождаемая демонстрацией мастерства ми-

миниатюрной живописи Екатериной Щаницыной и Александром Клиповым. На глазах у зрителя небольшие лаковые шкатулки превращались в сверкающую драгоценность!

В 1989 г. жители Амстердама получили возможность познакомиться с искусством другого русского центра лаковой миниатюры – Федоскино. Его видные художники Сергей и Алла Козловы демонстрировали свое искусство в магазине Хогендорн и Кауфман.

С 1988 г. Инна Кауфман становится официальным импортером палехского искусства в Нидерланды. Ее деятельность формирует зрительскую аудиторию в Амстердаме стимулирует коллекционирование палехского искусства.

Посещение магазина Фокке и Мелтгер (Focke & Meltzer) в 1988 г. Рапшель, супругой всемирно известного коллекционера Иозефа Р. Ритмана, собившего палехские произведения, положило начало новому плодотворному контакту Палеха с Амстердамом. Теперь произведения заказываются для Ритмана, с семьей которого Инну связали самые теплые дружеские отношения. Приобретались теперь уникальные, крупные работы, создание которых требует порой не одного года. Так, палехские художники получили в трудное для страны время возможность творческой самореализации, что помогло и Палеху, и Федоскину не остановиться в своем развитии и подняться на новую ступень развития. Замечательны произведения Палеха 70-х – 90-х годов «Лето. Сенокос» (яйцо), икона «Неувядаемый цвет» Е. Щаницыной, «Родник» И. Ливановой и др.

В направленности работы галерей, в ее собрании в основном остается Палех, что явилось естественным итогом деятельности Инны как сложившегося к тому времени галериста. В 1991 г. состоялась выставка «Русские лаки» в Брюсселе, Бельгия.

История повторила свой круг. Искусство миниатюры на лаке, сохранившее древнее мастерство иконы, вернулось к ней через 75 лет. И это празднично, торжественно представало на выставке в Новой церкви в 1996 г., когда Нидерланды и Россия отмечали многовековое содружество двух стран, заложенное Петром I, другой выставкой – «Петр I в Нидерландах» (МК РФ) [3].

Значительным в свете этой юбилейной даты и знаменательным событием стало открытие бургомистром города Амстердама выставки, созданной по инициативе И. Ритмана, «Палех, русская сказка» в Новой церкви. Иконы и лаковая миниатюра из коллекций Иозефа Ритмана и Инны Кауфман, из собрания Государственного Палехского музея и Всероссийского музея декоративного и народного искусства демонстрировались в великольном интерьере Новой церкви. Это было незабываемо прекрасно! В течение всей выставки, время работы которой многократно продлевалось, художники Палеха по очереди показывали свое мастерство. Успех был огромный. Эту способность отстаивания подлинного искусства как чуда, входящего в современную жизнь неповторимыми своими особенностями национальной духовности, жизнен-

ной энергии, подтвердили выставки последних лет – «От иконы к лаковой миниатюре и снова к иконе».

Как галерист Инна Кауфман восприняла русскую традицию, не ограничивая свою деятельность коммерцией и маркетингом, а поддерживая художественное качество, профессионализм, уникальность школы палехского и федоскинского искусства. При этом, естественно, поднимается уровень спроса, уровень коллекций, в целом культуры, что позволяет Палеху вновь заявить о себе.

Черно-лаковые коробочки, шкатулки, табакерки, спичечницы, чайницы, кошельки, альбомы, туалетные коробочки самых разных форм и размеров, украшенные тончайшей живописью, почти два столетия создаются в подмосковном селе Федоскино. Здесь поколениями мастеров оттачивается своя технология миниатюрной живописи масляными красками. Она вобрала высокую культуру лессировочного письма по эмали, русского миниатюрного портрета XVIII – XIX вв. Этот преломленный художественным чувством мастеров-крестьян опыт, в значительной мере утраченный в массовом производстве, был возрожден в 1980-1990-х гг. группой художников: С. Козловым и А. Козловой, А. Корчагиным, С. Рогатовым и М. Рогатовой, А. Кузнецовым, художниками старшего поколения – Г. Ларишевым и другими. Возродились орнамент, многослойное письмо, одрагоценняющее лаковый предмет живописи.

С 1990 г. галерея Инны Кауфман расположилась в доме с «носами» по адресу Сингел 116 в Амстердаме. Имя этому монументу дали три мужских носа, изображенные на вершине фасада этого дома. Здание было построено в 1752 г. удачливым амстердамским купцом Абрахамом Милюсом. По примечанию французской моды потолки комнат и коридоры были украшены лепниной в стиле рококо. В передней зале фантасмагорический потолок предлагает в духе своего времени возможность «взглянуть на небо»: богиня мудрости Минерва, окруженная путти. В уголках этой залы мы видим четыре фигуры животных: сокола, дракона, льва и рыбу. Стену внутреннего дворика украшает великолепный барельеф греческой богини охоты Дианы.

Как и всякий раз перед посетителями, ищущими прекрасное, Палех предстает сказочным чудом. Его таинственный мир, исполненный поэтического предания, притягивает, очаровывает, завораживает.

Деятельность Инны Кауфман по пропаганде искусства палехской лаковой миниатюры позволяет глубже понять и изучить ее историю, раскрыть тайны древнего мастерства, передаваемые от поколения к поколению, что и отражено в выставочной деятельности Кауфман.

Меняются творческие аспекты восприятия произведений народного искусства, традиции проникновения в поэтический, красочный мир его образов, уровни участия в самом творческом процессе, но неизменными остаются увлеченность самим процессом творчества, приверженность декоративно-прикладному искусству, основу которого составляет знакомство с традициями народного искусства, сохранение и развитие их в условиях современности.

1. Бесталый Л. Л. Ювелирные изделия. – М.: 1950.

2. Воронов В. А. Региональный аспект формирования прикладной деятельности учащихся и студенческой молодёжи // Краеведческие аспекты воспитания гражданина России: Тезисы докладов российской научно-практической конференции, 22-23 марта 2001 г. / Отв. ред. Е. М. Аджиева, РГПУ им. С. А. Есенина. – Рязань, 2001. – С. 20-21.

3. Русское народное искусство на Второй Всероссийской кустарной выставке в Петрограде в 1913 году. – Пг., 1914. – С. 3-9.

4. Соколова Г. Мы вас научим кистью управлять // Призыв: общественно-политическая газета поселка Палех и Палехского района, № 48 (8651), 2002 от 22 июня.

5. Уткин П. И. Русские ювелирные украшения. – М.: 1970.

К. С. МАКСИМОВ
Е. О. КОЛПАКОВА
(г. Шуя)

ЗАТЕРЯННЫЙ ГОСПИТАЛЬ ШУИ: РАМКИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

В предлагаемой статье предпринимается попытка расширить наши познания об истории эвакогоспиталя № 3334, дислоцированного на Шуйской земле. Наш интерес к этому сюжету истории Шуйской земли обусловлен свежестью проблематики и таинственностью народной молвы, которая из уст в уста передавала информацию о том, что в здании, расположенном по адресу: ул. 1-я Школьная, д. 1, во время Великой Отечественной войны на базе неполной средней школы № 18 размещался госпиталь. Кроме того, наш профессиональный интерес к этой весьма скудной информации сомкнулся с интересом администрации ОГОУ «Шуйский детский дом-школа». Он определяется тем, что названное учреждение размещается в здании, расположенном по вышеупомянутому адресу и ему в 2011 г. исполняется 50 лет. В этой связи у администрации ОГОУ «Шуйский детский дом-школа» появилась прекрасная идея: создать в детском доме музеев и на его базе проводить патристическое воспитание детей. В этой связи первичной целью своеобразного социального заказа и предметом нашего исследования стало определение хронологических рамок функционирования упомянутого госпиталя.

Поиск информации, необходимой для продуктивного исследования, шёл по трём направлениям: по линии выявления опубликованных свидетельств, архивного материала и оставшихся в живых свидетелей, способных адекватно излагать историю 70-летней давности.

Первоначально собранная информация, касающаяся истории эвакогоспиталя № 3334, была противоречивой, но обнадёживающей в плане возможности решения обозначившейся проблемы. С одной стороны, согласно данным, приведённым во вступительной статье шуйского краеведа А. Воронина, предающей информативный блок, повествующий о вкладе шуйян, внесённом в общенародную копилку Великой Победы, и помещённой в шестом номере в областном издании «Книги памяти», названный эвакогоспиталь располагался лишь в здании средней школы № 2. С другой стороны, согласно

материалам книги, основанной на воспоминаниях выпускников городской средней школы № 2 и изданной краеведческим обществом «Истоки», эвакогоспиталь № 3334 размещался в ряде зданий г. Шуи. Основной корпус эвакогоспиталя находился в здании «Павловского клуба», а в зданиях школ № 2 и № 18 размещались лишь его филиалы².

Противоречивость исходных данных и специфика источниковой базы показывали, что решение проблемы, связанной с определением достоверности информации о размещении в здании школы № 18 эвакогоспиталя № 3334, без использования архивного материала и свидетельских показаний очевидно, объективно обречено на неудачу.

Работа с архивными материалами в Муниципальном учреждении «Архив городского округа Шуя»³ показала, что:

– специального фонда, посвящённого функционированию эвакогоспиталей, размещённых на территории Шуйской земли, не существует;

– имеют место лишь отдельные преимущественно краткие свидетельства протокольного характера, дающие представления о проблемах хозяйственного функционирования эвакогоспиталей через призму решения их на организационном уровне местной власти и отложившиеся в материалах фонда «Исполком Шуйского городского Совета народных депутатов. Г. Шуя Ивановской области»⁴.

– часть информативного материала, связанного с попыткой систематизации деятельности всех эвакогоспиталей, функционировавших в годы Великой Отечественной войны на территории г. Шуи и Шуйского района, во временном и пространным измерении, отложившись в материалах фонда «Шуйский городской Совет ветеранов войны, труда, вооружённых сил и правоохранительных органов»⁵.

Обратившись к архивным документам фонда Совета ветеранов, мы получили информацию о том, что эвакогоспиталь № 3334 размещался на базе зданий средней школы № 2 и неполной средней школы № 18⁶. Кроме того, нам посчастливилось найти свидетельству событий тех лет – Любовью Ивановну Колпакову (в девичестве – Телегину), которая в годы Великой Отечественной войны была ученицей 18-й школы г. Шуи. Её воспоминания⁷ не оставили каких-либо сомнений в плане достоверности имеющейся информации о размещении в здании неполной средней школы № 18 палат эвакогоспиталя № 3334.

Решив для себя позитивно принципиальный вопрос, мы сосредоточились на выявлении рамочных показателей функционирования филиала эвакогоспиталя, размещавшегося в здании неполной средней школы № 18.

Базовой, отгравированной информацией для нашего исследования стал материал «Справки», отложившейся в материалах фонда Совета ветеранов и дающей информацию о наличии госпиталей в Шуе и Шуйском районе. В «Справке» чётко указывается, что эвакогоспиталь № 3334, располагавшийся в помещениях школ № 2 и № 18, функционировал с 15 апреля 1942 г. по 1 июня 1944 г.⁸ Другими сведениями, проливающими свет на шуйский период исто-

рии эвакуогоспиталя № 3334, данный источник не располагает. К тому же не исключается возможность формирования источника на основе позднейших воспоминаний очевидцев, что предполагает критическое отношение к нему в плане восприятия точности предлагаемой информации. Сказанное, тем не менее, не даёт основания исключать приведённую в «Справке» дату (15 апреля 1942 г.) в плане точки отсчёта при поиске начальной даты функционирования филиала эвакуогоспиталя, размещавшегося в здании школы № 18.

Для последующего этапа нашего исследования ключевым источником станowiąтся воспоминания Л. И. Колпаковой. В краткой версии её воспоминаний особо ценным является свидетельство, опосредованно «говорящее» о времени освобождения здания 18-й школы от школьной атрибутики. Процесс «переезда» в другую школу, по утверждению Л. И. Колпаковой, проходил «зимой». Память отчётливо зафиксировала своеобразие этого «переезда». Он осуществлялся силами учащихся, которые перевозили парты по снегу, весело катаясь на них как на санках⁹.

Как ни парадоксально звучит, но, согласно пространной версии воспоминаний Л. И. Колпаковой, процесс переезда осуществлялся без сопровождающего. «Старший», по её утверждению, сопровождал их только на обратном пути. При этом она оговаривается: «Уже сыро было, по лужам мы плёпали». На наводящий вопрос Екатерины Олеговны Колпаковой: «Это, наверное, весна была?», она отвечает: «Наверно, к весне, раз сыро»¹⁰ [выделено нами. — К. М. и Е. К.].

В связи с появлением данных Л. И. Колпаковой, нам предстояло узнать на какой зимне-весенний период пришёлся процесс освобождения здания школы № 18 от школьной атрибутики: на зимнее-весеннее время 1942 г. или 1943 г.

Логическая обработка данных пространной версии воспоминаний Л. И. Колпаковой показала, что процесс освобождения здания школы от школьной атрибутики приходится на зимне-весенний или ранневесенний период 1944 г. (!?) Вместе с тем в материалах воспоминаний Л. И. Колпаковой чётко утверждается, что филиал эвакуогоспиталя, размещавшийся в здании 18-й школы, начал функционировать «зимой» 1943 г. Значительный разброс данных «Справки» и воспоминаний Л. И. Колпаковой весьма настораживает.

Похоже, что:

- память её, опирающаяся на узловые даты своей биографии, даёт «сбой»;
- для её воспоминаний характерны и информационные «накладки», и смещение дат в событийном ряду. В этой связи информация Л. И. Колпаковой, в силу её специфики и противоречивости данных, нуждается в перепроверке.

Для процесса перепроверки нам потребовалось очередное обращение к архивным документам. Расширение сферы поиска позволило обнаружить ключевую информацию, давшую возможность локализовать время, в рамках которого можно продолжать работу по определению начальной даты функ-

ционирования филиала госпиталя, развёрнутого на базе здания школы № 18. Это стало решение Исполнительного комитета Шуйского городского Совета депутатов трудящихся от 14 мая 1942 г. об оплате предьявленных счетов «... за произведённые работы по ремонту и приспособлению помещения школы № 18 под эвакуогоспиталь № 3334...»¹¹.

Выявленная информация опосредовано свидетельствует, что ученики 18-й школы перевозили парты и катались на них по весеннему снегу 1942 г. Учитывая особую суровость зимы 1941-1942 гг., весёлое катание детворы на партах и «шлёпанье» её по лужам возможно было и в конце марта, и даже в начале апреля. Точными данными о начале и продолжительности упомянутых в документе ремонтных работ и работ, связанных с приспособлением помещения школы № 18 под специфику функционирования госпиталя, мы пока не располагаем. Однако вряд ли кто рискнёт предположить, что в условиях военного времени на выполнение обозначенного перечня работ могли дать более 2-3-х недель. В этой связи отправной датой функционирования филиала эвакуогоспиталя, располагавшегося в здании 18-й школы, вполне может быть 15 апреля 1942 г.

В плане определения конечной даты функционирования филиала эвакуогоспиталя № 3334, размещённого в здании 18-й школы, нет тех сложностей, которые имели место при определении начальной даты. Однако разногласия в источниковой базе всё же существуют.

Согласно данным «Справки», отложившейся в фонде Совета ветеранов, функционирование филиала эвакуогоспиталя, размещённого в здании 18-й школы, завершилось 1 июня 1944 г.¹² Это, с одной стороны. С другой стороны, Л. И. Колпакова во второй версии своих воспоминаний утверждает, что госпиталь функционировал «только одну зиму»¹³. Но если от школьной атрибутики здание школы освобождали ранней весной 1944 г., то «зима», о которой говорит Л. И. Колпакова, должна приходиться на зимнее время 1944-1945 гг. Вместе с тем, в другой части её воспоминаний утверждается, что с 1 сентября 1944 г. она снова училась в 18-й школе¹⁴.

Налицо противоречие, для разрешения которого мы вновь были вынуждены обратиться к архивному материалу. Поиски увенчались успехом. В протокольной записи заседания Шуйского Исполкома горсовета от 27 июля 1944 г. утверждается смета на капитальный ремонт зданий школ, «ранее занимаемых частями военведа», в том числе и на ремонт здания неполной средней школы № 18¹⁵. В другой, более ранней протокольной записи заседания Исполкома горсовета (от 22 июня 1944 г.) перечисляется ряд школ «освоившихся от госпиталя и войсковой части», для капитального ремонта зданий которых требовались дефицитные для Шуи товары. В этой связи Исполком горсовета принимает решение обратиться за помощью в Исполком областного Совета депутатов трудящихся. В упомянутом перечне 18-я школа не указана¹⁶, возможно, в силу того, что для капитального ремонта её здания дефицитные для Шуи товары не требовались.

Можно предложить и другое: школа № 18 не указана в обозначенном перечне в силу того, что в её здании продолжали ещё функционировать палаты эвакуоспиталей. Однако при этом следует иметь в виду, что в упомянутых протокольных записях заседаний Исполкома Шуйского горсовета перечислены одни и те же школы. Лишь в последней записи (от 27 июля 1944 г.) к ним добавляется 18-я школа. И ещё один штрих: обе записи посвящены вопросам капитального ремонта зданий школ. Тем не менее, ожидаемой повторной просьбы Исполкома Шуйского горсовета, направленной в структуры областной власти относительно выделения дефицитных товаров, предполагается, необходимых для выполнения капитального ремонта помещений 18-й школы, так и не последовало. Да и не могло её быть априори: дважды подряд одно и то же не просят – никто не даст. Очевидно, что дефицитный товар, необходимый для капитального ремонта здания 18-й школы, не требовался. Об этом опосредованно «говорит» и сметная сумма, утверждённая городской властью на проведение капитального ремонта здания 18-й школы. Она в 3 – 3,5 раза меньше, чем сумма, определённая на проведение капитального ремонта зданий тех школ, в которых реализация его была невозможна без наличия дефицитных для Шуи товаров¹⁷. Очевидно, в этой связи и то, что вывод о необходимости или ненужности использования в капитальном ремонте здания 18-й школы дефицитных для Шуи товаров специалистами должны были подготовить к моменту принятия Исполкомом горсовета решения об обращении за помощью в соответствующую структуру областной власти, т. е. к 22 июня 1944 г.

Приведённые размышления не дают оснований считать, что в здании 18-й школы на 22 июня 1944 г. функционировали палаты эвакуоспиталей. Скорее всего, на 22 июня 1944 г. здание 18-й школы было свободным, но не попало в перечень школьных зданий, для капитального ремонта которых требовались дефицитные для Шуи товары. Если ещё учесть, что для выявления объёма дефицитных товаров, необходимых для капитального ремонта школьных зданий, требовалось определённое время, то дата 1 июня 1944 г., указанная в «Справке», отложившейся в материалах фонда Совета ветеранов как конечная дата функционирования филиала эвакуоспиталей № 3334, размещавшегося в здании 18-й школы, близка к реальности.

Подводя итоги, мы можем отметить, что:

- в ходе исследования была восстановлена историческая справедливость: на базе ряда источников нами было выявлено, что во время Великой Отечественной войны в здании средней школы № 18 г. Шуя, расположенном по адресу: улица 1-я Школьная, д. 1, действительно функционировал филиал эвакуоспиталей № 3334;

- восстановленная историческая справедливость уже на этапе осмысления собранной информации – в канун 60-летия Великой Победы – материализовалась в виде памятной доски, прикреплённой к зданию, расположенному по вышеуказанному адресу, в котором в настоящее время размещается Областное государственное образовательное учреждение «Шуйский детский дом – школа»;

- ориентировочное время функционирования филиала эвакуоспиталей, располагавшегося в здании городской 18-й школы, определяется нами следующими хронологическими рамками: начальной датой функционирования является 15 апреля 1942 г., а конечной – 1 июня 1944 г.;

- несмотря на совпадение наших дат с данными «Справки», отложившейся в материалах фонда Совета ветеранов, мы оставляем за собой право говорить об относительной точности предложенной датировки;

- окончательный вывод относительно точности хронологических рамок функционирования обозначенного филиала эвакуоспиталей № 3334 можно сделать лишь при использовании источников иного уровня и иной полноты.

¹⁷ Воронин А. Они ушли в гранит, чтоб жили мы // Книга памяти: В 6 т. / Российская Федерация. Ивановская обл.: Сост. В. П. Терентьев. – Иваново, 1995. – Т. 6. – 1995. – С. 191.

¹⁸ Поклонимся великим тем годам: [Воспоминания выпускников средней школы №2 г. Шуя] / Краеведческое общество «Исток» средней школы № 2 им. К. Д. Бальмонта. – Шуя, 2005. – С. 36.

¹⁹ При работе над материалами, необходимыми для написания статьи, нам оказывали помощь сотрудники Муниципального учреждения «Архив городского округа Шуя», директор Баранова Наталья Александровна, главный хранитель фондов Клохина Елена Валентиновна и начальник отдела использования документов Кочетова Татьяна Геннадьевна. Мы благодарим их за высокий профессионализм в работе, за теплоту, внимание и чуткость к нам и надеемся на дальнейшее плодотворное сотрудничество.

²⁰ Муниципальное учреждение «Архив городского округа Шуя» (далее: МУ АГОШ). Ф. 2. (Во время Великой Отечественной войны фонд имел название «Исполком Шуйского городского Совета народных депутатов. Г. Шуя Ивановской области» (далее: Исполком Шуйского горсовета)).

²¹ МУ АГОШ. Ф. 390. Шуйский городской Совет ветеранов войны, труда, вооружённых сил и правоохранительных органов (далее: Совет ветеранов).

²² МУ АГОШ. Ф. 390. Оп. 1. Д. 43. Справка о наличии госпиталей в г. Шуя в период Великой Отечественной войны (далее: «Справка»), Л. 1.

²³ Воспоминания Л. И. Колпаковой были продиктованы зимой и весной 2010 г. В итоге в личном архиве Л. И. Колпаковой (далее: л/а Л. И. Колпаковой) отложилось две версии воспоминаний: первая (краткая) и вторая (пространная). Воспоминания представляют собой любительный, но противоречивый источник, требующий обстоятельного оформления.

²⁴ МУ АГОШ. Ф. 390. Оп. 1. Д. 43. Л. 1.

²⁵ Л/а Л. И. Колпаковой. Версия 1-я (краткая), Л. 1.

²⁶ Там же. Версия 2-я (пространная), Л. 2.

²⁷ МУ АГОШ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 32. Протокол заседания Исполкома Шуйского городского Совета депутатов трудящихся №14, Вопрос 8. Л. 47.

²⁸ МУ АГОШ. Ф. 390. Оп. 1. Д. 43. Л. 1.

²⁹ Л/а Л. И. Колпаковой. Версия 2-я. Л. 2.

³⁰ Там же.

³¹ МУ АГОШ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 50. Протокол заседаний Исполкома Шуйского городского Совета депутатов трудящихся № 29 от 27 июля 1944 г. Вопрос 3. Л. 20.

³² Там же. Д. 49. Протокол заседаний Исполкома Шуйского городского Совета депутатов трудящихся № 25 от 22 июня 1944 г. Вопрос 2. Л. 60.

³³ МУ АГОШ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 50. Вопрос 3. Л. 20.

С. В. КАРГАПОЛЬЦЕВ
(г. Кохма)

ЗООТЕХНИК МИХАИЛ ПЛАКСИН*

Труженики, удостоенные звания Героя Социалистического Труда, в наши дни часто оказываются незаслуженно забытыми. Но и в советское время помнили только тех, кто получил высокие награды за трудовые подвиги на родной земле. В Ивановской области называют имена 70 Героев Труда. Но их значительно больше, тех, кто прославил свою родину за ее пределами. Один из них – Михаил Николаевич Плаксин

Родился будущий герой 28 сентября 1913 года в селе Большое Подвязново (ныне в составе села Подвязновский Ивановского района) в рабочей семье. Русский. Здесь вырос, в 1925 году окончил начальную сельскую школу. Продолжить учебу не позволили семейные обстоятельства – смерть родителей. С 13 лет работал пахарем в огородном хозяйстве города Кохмы, а с 1932 года – на меланжевом комбинате в Иванове. Только в 1934 году, после возвращения из армии старшего брата, смог продолжить учебу на рабфаке Подшехонье-Володарского сельскохозяйственного техникума.

В 1937 году поступил на зоотехнический факультет Ивановского сельскохозяйственного института. Производственную практику проходил в колхозах сел Михалево, Веригино и Якиманское Шуйского района. Закончить учебу помешала война.

В августе 1941 года с преддипломной практики был призван в Красную Армию. Воевал в артиллерии. Окончил краткосрочные курсы комсостав, был командиром орудия, взвода. Защищал Кавказ, освобождал Украину. Войну закончил старшим лейтенантом. В ноябре 1945 года был демобилизован.

Вернулся на родину и продолжил учебу в институте. В июле 1946 года защитил диплом, получил квалификации «зоотехник высшей квалификации» и был направлен на работу в Гаврилов-Ямский район соседней Ярославской области. Возглавил зоотехническую службу районного земельного отдела.

В мае 1950 года, он оставил административную должность перешел главным зоотехником в сельхозартель «Новый путь» того же района – переселилось желание взяться за конкретное дело, практическую работу. М. П. Плаксин поставил цель – сделать животноводство колхоза высокопродуктивной отраслью. Изучив опыт орденосного колхоза «Горшиха» той же Ярославской области, он организовал закупку и разведение телочек и бычков племенных пород. Плаксин грамотно организовал племенную работу, наладил племенную учет, отбор молодняка, соблюдение на фермах зоотехнических правил.

Через 10 лет поголовье дойного стада коров удвоилось, надои выросли почти в два с половиной раза. Еще через пять лет надои уже приближались к 3000 килограммов. В 1966 году М. Н. Плаксину было присвоено звание «Заслуженный зоотехник РСФСР». В VIII пятилетке все молочное стадо колхоза

было признано «классным», в том числе 60 коров были отнесены к классу «элита» и «элита-рекорд». В 1970 году продуктивность дойного стада превысила 3630 кг и его поголовье достигло 600 коров. По итогам пятилетки колхоз «Новый путь» был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 апреля 1971 года за выдающиеся успехи, достигнутые в развитии сельскохозяйственного производства и выполнении пятилетнего плана продажи государству продуктов земледелия и животноводства Плаксину Михаилу Николаевичу присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и Молот».

Многолетним кропотливым трудом селекционера было создано породистое высокопродуктивное дойное стадо. Животноводческий комплекс в селе Плещеево стал племязаводом. Ежегодно колхоз продавал до 100 голов классного молодняка. Его с готовностью покупали не только свои ярославские колхозы, но и ивановцы, вологжане, белорусы.

Плаксин руководил зоотехнической службой колхоза более 25 лет до 1978 года. Выйдя на пенсию, еще несколько лет трудился в колхозе. Жил в деревне Нарядово. В 1987 году переехал в районный центр – город Гаврилов-Ям. Скончался 3 июля 2007 года. Похоронен на городском кладбище города Гаврилов-Яма.

*По материалам сайта «Иваново помнит!» www.ivanovo1945.ru

ИСТОРИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ

Т. А. КРАСНИЦКАЯ
(г. Шуя)

СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ ЦЕРКОВНЫМИ ШКОЛАМИ в последней трети XIX-начале XX вв. (НА ПРИМЕРЕ ШУЙСКОГО УЕЗДА ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ)*

Система управления церковными школами (далее – ЦШ) складывалась постепенно, по мере развития школьного дела в России. Начальный этап ее формирования был связан с официальным утверждением церковно-приходских школ в 1884 г. С этого момента высшее управление церковно-приходскими школами принадлежало Святейшему Синоду, который для «наилучшего устройства и управления» создал в 1885 г. особое ведомство – училищный совет. На его рассмотрение поступали представления и предложения епархиальных управлений, а также вопросы и заявления, возникавшие в епархиях по случаю введения «Правил о церковно-приходских школах». В епархиях общее заведение ЦШ находилось в руках епархиального архиерея и епархиального училищного совета. Во Владимирской епархии, где ЦШ появились ранее законодательного акта 1884 г., права епархиального училищного совета по примечанию к §22 «Правил» были предоставлены по предложению преосвященного Феогноста совету братства Александра Невского. Он заведовал ЦШ до начала 90-х гг. XIX века и впоследствии был заменен особым епархиальным училищным советом. Для ближайшего руководства церковно-приходскими школами согласно § 21 «Правил» епархиальные архиереи назначали по своему усмотрению «из наиболее способных и благонадежных священников» наблюдателей. В Шуйском уезде до середины 90-х гг. XIX в. эти должностные обязанности исполняли священники В. П. Покровский, В. И. Соловьев, И. В. Александровский, А. И. Благословов, И. А. Орлов. В своей деятельности они пользовались инструкцией, которая им была дана в начале 1884-85 г. советом братства. Непосредственное заведение церковно-приходскими школами возлагалось на приходских священников.

В таком виде местное управление ЦШ существовало до конца 80-х гг. XIX в. 1888 г. За четырехлетний период официального существования церковно-школьное дело «успело широко развиваться». Потребовалась инстанция между епархиальным органом управления и отдельными школами. В 1888 г. учреждаются уездные отделения епархиального училищного совета. Председательство в отделениях было поручено большей частью уездным протоиереям.

* Работа выполнена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы.

реям. В состав отделений вошли духовные и светские лица, более или менее знакомые с церковно-школьным делом, «сочувствующие ему или оказывающие какие-либо услуги». В разные годы состав Шуйского уездного отделения менялся. На должности председатели находились известные лица города – протоиереи Воскресенского собора Флегонт Иванович Дунаев, Евлампий Иванович Правдин, Павел Михайлович Светозаров. Долгие годы постоянными членами были протоиерей П. Разумовский (делопроизводитель), священники Н. Широкогоров, М. Авдаков, Д. Грамматин (казначей), Ф. Казанский, благочинные протоиереи В. Несмеянов, Д. Сперанский, А. Благословов, П. Виноградов, В. Никольский, А. Богословский, председатель Шуйской уездной земской управы Д. Бальмонт и купец М. Павлов. В 1891 г. в состав отделений были введены земские и крестьянские начальники. На отделения возлагалось попечение о развитии и поддержании церковно-школьного дела в пределах уезда. Им должны были предоставлять свои доклады и наблюдатели школ. Журналы отделений должны были представляться на рассмотрение и утверждение в совет. Но при открытии уездных отделений не исключалось непосредственное обращение по школьным делам к преосвященному со стороны заведующих школами и других лиц.

В середине 90-х гг. XIX века произошли новые изменения в системе управления ЦШ. 26 февраля 1896 г. было утверждено «Положение об управлении школами церковно-приходскими и грамоты ведомства Православного Исповедания». Он определял функции, состав и деятельность органов управления ЦШ в России. С нововведением осложнилась деятельность епархиального училищного совета и уездных отделений. По §26 «Положения» на епархиальных училищных советах лежало заведование церковными школами, забота о «благоустройении» существующих и об открытии и содержании новых школ в епархиях. Более подробно функции советов не объяснялись. Таким образом, на епархиальные училищные советы возлагалась вся ответственность за положение школ в епархии. В круг их деятельности кроме вышеуказанного входило назначение новых учителей и перемещение старых, задача свидетельства на льготу по воинской повинности ученикам, окончившим церковную школу, распределение пособий из казенных средств на устройство новых школ и ремонт старых, решение общих вопросов, «сношения» с учреждениями других ведомств, рассмотрение журналов уездных отделений и составление годового отчета о состоянии церковных школ в епархии.

Совет объединял и направлял деятельность отделений, на которые был возложен весь труд по организации и развитию церковных школ в пределах уезда. Уездные отделения находили средства на поддержание школ, заботились об устройстве дополнительных классов при школах, ежедневных уроков для взрослых, ремесленных и рукодельных классов, воскресных школ, народных чтений, педагогических и певческих курсов для учителей, о распространении библиотек миссионерского характера, об устройстве книжного склада, о снабжении школ учебниками и книгами для чтения, занимались «приисканием» учителей, представлениями преосвященному о поощрении учителей и

т. д. Этот перечень показывает, насколько сложна и разнообразна была их деятельность. В распоряжении уездных отделений были крупные казенные суммы, тысячи учебных книг и т. д. Для того чтобы распорядиться этим, требовалось немало забот со стороны должностных лиц отделений – председателя, казначея и делопроизводителя. Труд их был бесплатным или мало оплачиваемым.

В 1898 г. при уездных отделениях были организованы постоянные школьные комиссии. Они имели право решения «неотложных дел» (открытие школ, назначение учителей и их помощников, выдача похвальных листов ученикам младших групп, распределение по школам учебников и учебных принадлежностей и т. д.).¹ В состав школьной комиссии Шуйского уездного отделения входили священник Спасской церкви Д. Грамматин и священник Воскресенского собора П. Разумовский.²

Уездные отделения ввиду централизованного управления в епархии не пользовались такой самостоятельностью как уездные училищные советы по земским школам. Все мероприятия отделений, постановления собраний и действия передавались на рассмотрение епархиального училищного совета, а после представления – на утверждение епархиального преосвященного. Для самостоятельного разрешения отделением оставались мелочные дела.

«Положение» 1896 г. внесло изменение в организацию деятельности наблюдателей. Еще в 1895 г. во Владимирской епархии была введена должность епархиального наблюдателя. На это место был назначен преподаватель епархиального женского училища, кандидат богословия М. А. Великосельский. В 1896 г. в епархии вводится должность уездного наблюдателей (по одному на уезд). В Шуйском уезде в разное время обязанности наблюдателей выполняли священник Крестовоздвиженской церкви г. Иваново-Вознесенска А. Охотин, священник Ильинского погоста Ф. Казанский (1899–1908 гг.), священник Николаевской церкви с. Мельничное Н. Введенский (1908–1911 гг.), священник Петропавловской церкви г. Шуи А. Доброхотов.

С 1 июля 1896 г. уездные наблюдатели вступили в свои обязанности и стали получать назначенное им казенное жалованье (до этого труд окружающих наблюдателей был бесплатным). Шуйский наблюдатель получал самое малое вознаграждение в епархии – 360 руб. Вознаграждение уездных наблюдателей по сравнению со штатами Министерства народного просвещения было более чем скромным.

Наблюдатели осуществляли надзор за церковными школами, посещая их не менее 2 раз в год. По мере возможности посещения школ происходило чаще. Отчеты уездных наблюдателей показывают, что больше всего внимания они уделяли обзору второклассных и двухклассных школ. В 1900–01 уч. г. шуйский уездный наблюдатель посетил по одному разу школы грамоты, по два раза – одноклассные церковно-приходские, по три раза – Горницкую второклассную и двухклассную Кирилло-Мефодиевскую.³ Во время ревизии школ уездные наблюдатели обращали внимание как на учебно-воспитательную, так и хозяйственную стороны, при необходимости делая

замечания и давая советы учителям и заведующим. Результаты наблюдений заносились в лучших случаях в классный журнал. О своих наблюдениях они докладывали уездному отделению и епархиальному наблюдателю, а по истечении года составляли отчет.

В целях объединения руководства учебно-воспитательным делом и совместного обсуждения различных сторон церковно-школьной жизни епархиальным наблюдателем устраивались собрания или съезды уездных наблюдателей. Во Владимирской губернии съезды уездных наблюдателей проводились в 1897 г., в 1903 г., в 1904 г., в 1908 г. На съездах обсуждались практические все вопросы, касающиеся церковно-школьного дела. Постановления съездов обыкновенно представлялись на рассмотрение епархиального преосвященного, а затем обсуждались в епархиальном училищном совете. По принятии их советами, вводились в действие в школах губерний. Не все из постановлений съездов выполнялись, но это уже не зависело от деятельности наблюдателей.

Для «удовлетворения нужд прихода в просветительском отношении» по определению Святейшего Синода от 25 января – 6 февраля 1906 г. предложено было в православных приходах «устраивать» общие церковно-приходские советы. По замыслу Синода «желательно» было бы, если они приходили на помощь церкви в благоустройстве и открытии новых школ, «принимали» школы под свое попечение.⁴ По отчету обер-прокурора Св. Синода за 1882 г. Владимирская епархия отнесена была к числу тех, где духовенством «мало понято и оценено значение приходских попечительств».⁵ На этот недостаток указывал в 1909 г. главный наблюдатель церковных школ России дейст. стат. сов. А. М. Ванчаков.⁶ В Шуйском уезде только при Ильинской церковно-приходской школе существовало приходское попечительство.

Нередко посильную помощь в развитии церковных школ оказывали отдельные личности. Согласно законодательным актам, касавшихся церковных школ, лицо, учредившее школу на собственные средства, могло быть утверждено епархиальным архиереем в звании попечителя этой школы. Кто обнаруживал «особую ревность в распространении народного образования в духе православной церкви», утверждались Св. Синодом в звании почетных попечителей ЦШ одного или нескольких благочиннических округов. Попечители могли участвовать в собраниях училищного совета при Св. Синоде, состоять членами епархиальных советов. Функции попечителей церковных и земских школ различались. Первый не нес «обязанностей распорядителей» и был лишь «почетным опекуном школы», на нравственной основе которого лежали «заботы о ее материальном процветании и развитии».⁷

Попечителей имели не все ЦШ. В Шуйском уезде сначала число попечителей было незначительным (в 1886 г. только 4 из 15 церковно-приходских школ).⁸ Со временем ситуация меняется в лучшую сторону. В 1908–9 уч. г. уже 30 из 36 церковно-приходских школ и 2 из 5 школ грамот имели попечителей, в 1916 г. – 24 из 37 церковных школ.⁹ Это был хороший показатель на фоне других уездов губернии. Попечителями являлись потомственные почет-

ные граждане, купцы, мещане, крестьяне, интеллигенция (инженеры, бухгалтеры), духовенство (священники). Из числа первых можно назвать известных людей того времени: Д. Г. Бурялин (Успенской в Иваново-Вознесенске и Афанасовской школ), В. А. Яснинский (Кохомская школа), В. В. Рубачев (попечитель Всехвятской школы в Шуе), В. А. Коновалов (Кирилло-Мефодиевская школа в Иваново-Вознесенске), А. И. Кокушкин (Бильдюхинская и Овинновская школы), И. П. Ершов (Взорновская школа), А. М. Гандурин и С. М. Гандурин (Доронинская школа), М. И. Терентьев (Китовская школа). Попечителем Талицкой школы был директор архива Министерства Юстиции Д. В. Цветаев.⁶ Наибольший вклад как попечитель в развитие церковно-школьного дела во Владимирской губернии внес Шуйский уездный предводитель дворянства, статский советник Иван Степанович Шмидт. В 1895 г. он был утвержден в звании почетного попечителя церковно-приходских и школ грамот Шуйского уезда.

1 апреля 1902 г. вышло новое «Положение о церковных школах ведомства Православного Исповедания». Оно не коснулось управления начальными учебными заведениями духовного ведомства. Поэтому до революции 1917 г. местное управление и надзор за церковными школами сохраняли данную организацию.

¹ ГАВО. Ф. 450. Оп. 1. Д. 10. Л. 206-208.

² Там же. Л. 143.

³ Там же. Оп. 2. Д. 13. Л. 15.

⁴ Церковные ведомости. 1906. №7. С. 82 – 84.

⁵ К вопросу о церковно-приходских школах // ВЕВ. 1889. № 13. С. 383.

⁶ ГАВО. Ф. 450. Оп. 2. Д. 69. Л. 25.

⁷ Сборник статистических и справочных сведений по народному образованию во Владимирской губернии. Вып. III. Положение начального народного образования во Владимирской губернии в 1898 г. – Владимир на Клязьме, 1900. С. 160.

⁸ Ведомость о церковно-приходских школах Владимирской епархии за 1886 год // Отчет о деятельности Православного Братства Святого Благоверного Великого Князя Александра Невского за 1885-86 год. С. 32-71.

⁹ ГАВО. Ф. 450. Оп. 2. Д. 54. Л. 14, 16; ГАИО. Ф. 869. Оп. 1. Д. 110-а. Л. 1-40.

¹⁰ ГАИО. Ф. 869. Оп. 1. Д. 110-а. Л. 1-40.

И. А. БАУЭР (г. Шуя) **ФЕДОРОВСКО-СЕРГИЕВСКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ БРАТСТВО** **КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ** (религиозно-просветительский аспект деятельности)*

Во второй половине XIX века в Костромской губернии было учреждено епархиальное православное братство во имя Преподобного Сергия. Братство было открыто 18 октября 1887 г. при Сретенской церкви Костромской

* Работа выполнена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры в инновационной России» на 2009-2013 годы.

духовной семинарии с целью распространения духовно-нравственного просвещения и церковности в пределах епархии.

Устав братства определял следующие задачи: учреждение епархиальной библиотеки в г. Костроме; распространение церковных библиотек, проведение религиозно-нравственных бесед и публичных чтений в г. Костроме; бесплатная раздача народу брошюр религиозно-нравственного содержания; заведение церковно-приходскими школами епархии¹.

В 1887 г. по предложению К. П. Победоносцева великий князь Сергей Александрович взял братство под свое покровительство.

В 1890 г. Общее собрание членов братства приняло решение перенести «средоточный центр» деятельности в Костромской кафедральный собор и переименовать братство в Федоровско-Сергиевское (в соборе находилась Федоровская икона Божьей Матери). Тогда же Общим собранием был утвержден и утвержден новый Устав – «Устав, состоящего под августейшим покровительством его императорского высочества великого князя Сергея Александровича православного Костромского Федоровско-Сергиевского братства при Костромском кафедральном соборе».

Согласно новому Уставу задачи братства оставались прежними, но были сосредоточены на противораскольнической и противосектантской деятельности по всей епархии².

Согласно § 2 своего Устава Совет братства Преподобного Сергия должен был заведовать церковно-приходскими школами епархии и в 1887 г. принял от бывшего епархиального училищного совета все дела и относящиеся к ним документы. Совет братства рассматривал вопросы об открытии новых церковно-приходских школ, назначал учителей в школы, представлял кандидатов на должность наблюдателей, назначал пособия, выписывал и рассылал книги по школам. За три года Советом братства Преподобного Сергия была открыта 21 церковно-приходская школа и 11 школ грамоты³.

Затем в 1890 г. заведение школами епархии вновь перешло к епархиальному училищному совету. А с изменением в 1890 г. Устава братства изменились его цели относительно школ. Братство продолжало оказывать помощь уже существующим школам и, если позволяли раскольник, открывало новые, преимущественно в приходах, где проживали раскольники.

Так, на средства Федоровско-Сергиевского братства содержалась церковно-приходская школа, открытая им в 1893 г. в с. Шадрине Макарьевского уезда в местности, «зараженной» расколом. Общее число обучающихся в школе в 1901 г. было 44 (35 мальчиков и 9 девочек, причем 11 мальчиков и 3 девочки – дети раскольников). При этом в Совете Федоровско-Сергиевского братства отмечалось, что 44 учащихся для школы находящейся в обычных нормальных условиях могло быть незначительным, но привлечение 44 учащихся именно в Шадринскую школу было большим успехом. Потому что, во-первых, эта школа была открыта среди раскольничьего населения, во-вторых, малонаселенные деревни с православным населением отстояли от с. Шадрина на 4-9 верст. Небольшое число обучающихся детей из раскола объяснялось

тем, что раскольники не пускали детей в школу и нередко уводили из нее. На содержание Шадринской школы братством было израсходовано 428 р. 72 к. Насколько позволяли средства, Совет братства оказывал помощь и школам грамоты. На содержание Ошкатской Черемисской школы Ветлужского уезда было отпущено 25 р., на Одошнурскую — 50 р.⁴ В 1912 г. Федоровско-Сергиевское братство выделило из своих средств 560 р. на содержание 11 церковно-приходских школ, находящихся в приходах, в которых проживали раскольники⁵.

Говоря о религиозно-просветительской деятельности Костромского Федоровско-Сергиевского православного братства, следует отметить и тот факт, что братство стремилось не только дать детям из низших сословий необходимые знания по закону Божьему, приучая их к православной церкви и богослужению, но и сделать преподавание практическим, в соответствии с местными условиями крестьянского быта.

Братство заботилось о подготовке опытных певцов, которые могли бы впоследствии организовать в епархии хорошие церковные хоры и постепенно приучить слух православного христианина к древним молитвенным песнопениям. Так, одной из задач Федоровско-Сергиевского братства была забота об «охранении древних церковных напевов и распространение их». Епископом Костромским и Галицким Александром в 1888 г. была создана особая комиссия. В ее состав вошли: ректор духовной семинарии архимандрит Сергей и протоиереи Е. Соколов, Д. Целиков, наставники семинарии А. Соловьев, И. Правдин и секретарь епископа А. Говорков. Комиссия записывала издавна употреблявшиеся в костромской епархии напевы стихир, тропарей, irmosов, прокимнов и представляла собранный материал в Совет братства, с тем, чтобы в дальнейшем члены причта костромских церквей организовали братский хор, который и познакомил бы общество с этими церковными напевами⁶.

Одним из направлений в работе православного братства была просветительская, библиотечная деятельность. Необходимым средством для распространения внебогослужебных беседований, публичных религиозно-нравственных чтений и миссионерских бесед с раскольниками было устройство центральных и окружных книжных складов, а также церковных и противораскольнических библиотек в разных местах епархии.

В ведении Совета братства состояли благочиннические библиотеки, которые способствовали самообразованию духовенства. Первая библиотека была открыта в 1892 г. духовенством 2 Галичского округа, в следующем году с помощью братства были учреждены еще 4 благочиннические библиотеки⁷. К 1898 г. на попечении Федоровско-Сергиевского братства состояли библиотеки в 24 округах Костромской епархии.

Наибольшее число книг, преимущественно богословского содержания, в 1898 г. было приобретено в состав библиотек округов: Макарьевского 1 — 194 названия в 390 т., Юрьевецкого 6 — 158 названий в 256 т. и 11 названий периодических изданий, Юрьевецкого 5 — 94 названия в 185 т. и 6 названий периодических изданий, Галичского 2 — 86 названий в 141 т., Макарьевского

5 — 47 названий в 151 т. и 10 названий периодических изданий, Буйского 1 — 46 названий в 76 т. и 9 названий периодических изданий, Буйского 4 — 49 названий в 97 т.

В состав библиотеки Кинешемского 4 округа приобретались книги исключительно противораскольнического содержания: 15 книг старопечатных и 33 названия полемиического содержания. При библиотеке Юрьевецкого 6 округа находился специальный отдел книг для народного чтения, которые выдавались прихожанам бесплатно. В состав этого отдела входили брошюры преосвященного Виссариона, жития святых, книжки «Русского паломника», сочинения епископа Феодана Затворника, Троицкие листки. В 1898 г. На эти книги было сделано 359 требований.

Согласно утвержденным высшим епархиальным начальством правилам, «... в благочинническую библиотеку постепенно приобретались книги только духовно-нравственного и исторического содержания: а) книги священного писания и толкования на него; б) святоотеческие творения; в) труды разных авторов по богословиям: догматическому, нравственному, общительному и пасторскому; г) церковно-исторические и по истории российского государства, а также духовные журналы и старопечатные противораскольнические книги. Средствами содержания благочиннических библиотек были отчисления от церковных сумм (не менее 24 р. в год), взносы священнослужителей округа (священники вносили по 1 р., дьяконы по 70 к., псаломщики по 30 к.), плата за пользование светскими лицами, изъявлявшими желание пользоваться библиотекой (1 р. в год), частные пожертвования.

Порядок пользования книгами устанавливался духовенством со дня открытия библиотеки. Издания посылались по округу на определенный срок в каждое село, где настоятель церкви делал отметки в журнале о получении изданий и сроках отправки в следующее село⁸. Книгами и журналами из библиотеки пользовалось, главным образом, духовенство. Например, по сообщению благочинных от духовенства было предъявлено требований на книги и журналы в 1901 г. в Макарьевском 5 округе — 80, в Юрьевецком 6 округе — 55, в Макарьевском 2 округе — 33, в Нерехтском 9 округе — 60, в Буйском 1 округе — 26, в Нерехтском 5 округе — 26, в Макарьевском 1 — 130, в Кинешемском 4 — 15.

В отчетах Федоровско-Сергиевского братства отмечались случаи предъявления требований на книги и журналы библиотеки со стороны мирян. В г. Макарьеве пользовались богословскими и церковно-историческими книгами интеллигентные семейства Чайковского, Лаврентьева, Велихова, Антонова, Богдановой. Городское население, преимущественно мещане и купцы, больше брали журналы: «Душеполезное чтение», «Русский паломник», «Воскресный день»⁹.

Церковно-просветительским целям Федоровско-Сергиевского братства служил и центральный книжный склад. Он располагался при Костромской духовной семинарии и состоял из 631 наименования богослужебных и религиозно-назидательных книг. Учредив центральный склад, братство стреми-

лось к открытию его отделений в разных местах епархии. К 1891 г. в Костромской епархии Федоровско-Сергиевским православным братством было открыто 43 отделения центрального книжного склада¹⁰. В 1898 г. при церквях Костромской епархии действовало 158 отделений книжного склада. Из центрального склада в отделения было выслано книг и брошюр для продажи на местах на сумму 231 р. 62 к. Книги и брошюры религиозно-нравственного содержания отпускались по церквям на разных льготных условиях: в кредит, с 10 % скидкой, бесплатно рассылались в беднейшие приходы епархии. В Макарьевском 1 округе из склада по церквям было отпущено 356 экземпляров книг и брошюр религиозно-нравственного и исторического содержания и 1400 листов «Троицких» и «Воскресных», всего на 86 р. 95 к. Из склада также высылались книги священного писания – «Новый завет», «Евангелие», «Псалтырь»¹¹.

Через центральный книжный склад Федоровско-Сергиевского братства необходимыми изданиями бесплатно пополнялись противораскольнические библиотеки.

Начиная с 1891 г. в центральных селах округов, подверженных расколу, Федоровско-Сергиевским братством стали учреждаться противораскольнические библиотеки, состоявшие из сочинений и руководств, соответствующих характеру раскола в данной местности. Это давало возможность священнослужителям округа иметь под руками руководство и пособия для ведения собеседований и чтений о расколе. В 1893 г. в ведении братства состояло 9 таких библиотек¹². К 1901 г. противораскольнических библиотек было 38. Федоровско-Сергиевское братство обеспечивало учебной и правовой литературой и библиотеку при Шадринской ЦПШ. Стараюсь привлечь также в школу детей раскольников, православное братство, снабди библиотеку кроме собственн учебнх книг – «Азбуки», сказок А. С. Пушкина, басен И. А. Крылова, книгами по изъяснению всенного бденя, библейские рассказы, псалтырь, ветхий и новы завет»¹³.

Издавая и приобретаая книги и брошюры религиозно-нравственного, полемико-богословского и поучительного содержания, для успешного их распространения среди народа Костромское Федоровско-Сергиевское братство устраивало центральные и окружные книжные склады в разных пунктах епархии.

Открывая церковные библиотеки, братство снабжало священников необходимой при внебогослужебных собеседованиях и публичных чтениях литературой. Эти библиотеки служили местом образования и самообразования не только духовенства, но и сельского населения.

¹ Устав братства во имя Преподобного Сергия при Сретенской церкви Костромской духовной семинарии, утвержденный Его Преосвященством Преосвященнейшим Александром епископом Костромским и Галицким // Костромские епархиальные ведомости. 1887. № 18. С. 624.

² Устав православного Костромского Федоровско-Сергиевского братства при Костромском кафедральном соборе // Костромские епархиальные ведомости. 1891. № 1. С. 32.

¹ Отчет о состоянии и деятельности братства Преподобного Сергия // Костромские епархиальные ведомости. 1888. № 21. С. 369.

⁴ Отчет о состоянии и деятельности православного Костромского Федоровско-Сергиевского братства за 1901 г. // Костромские епархиальные ведомости. 1902. № 16. Приложение к официальной части. С. 12.

⁵ Отчет о состоянии и деятельности православного Костромского Федоровско-Сергиевского братства за 1912 г. Кострома. 1913. С. 13.

⁶ Отчет православного братства Преподобного Сергия при Сретенской церкви Костромской духовной семинарии // Костромские епархиальные ведомости. 1888. № 24. С. 413.

⁷ Отчет о состоянии и деятельности Костромского православного Федоровско-Сергиевского братства за 1893 г. // Костромские епархиальные ведомости. 1894. Приложение к официальной части. С. 9.

⁸ Отчет о состоянии и деятельности Костромского православного Федоровско-Сергиевского братства за 1898 г. // Костромские епархиальные ведомости. 1899. № 15. С. 230.

⁹ Правила об устройстве и содержании благотворительной библиотеки при 3-м Кинешемском округе Костромской епархии // Костромские епархиальные ведомости. 1901. № 18. С. 225.

¹⁰ Платков А. А. Церковные братства. Краткий статистический очерк о положении церковных братств к началу 1893 г. СПб. 1893. С. 90.

¹¹ Отчет о состоянии и деятельности Костромского православного Федоровско-Сергиевского братства за 1898 г. // Костромские епархиальные ведомости. 1899. № 15. С. 230.

¹² Отчет о состоянии и деятельности Костромского православного Федоровско-Сергиевского братства за 1893 г. // Костромские епархиальные ведомости. 1894. Приложение к официальной части. С. 9.

¹³ Костромское православное Федоровско-Сергиевское братство. Отчет о состоянии и деятельности за 1901 г. Кострома. 1902. С. 4-11.

В. А. ГЛАДКОВА
(г. Шуя)

РОЛЬ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКИХ БИБЛИОТЕК В ДЕЛЕ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ в конце XIX – начале XX века (на примере Владимирской губернии)*

В конце XIX – начале XX в. совместными усилиями правительства, земства и духовенства дело устройства церковно-приходских библиотек получило широкое распространение и прочную организацию¹.

Через организацию церковно-приходских библиотек церковь смогла распространить книгу всюду, где были грамотные люди, распространить книгу и в тех уголках, где не было официальных школ. Благодаря огромной просветительской деятельности укрепила в народе просвещение через чтение книг религиозно-нравственного содержания. «Грамотность сама по себе не может быть ни благом, ни злом, она есть только новое орудие, владеть которым научается народ, но которое он может, смотря по обстоятельствам употребить то на благо, то на зло. Научите русский народ грамоте и дайте ему чтение ослабляющее или даже разрушающее те великие сокровища, которые таятся в его душе: любовь и беззаветную преданность Православной церкви,

* Работа выполнена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы

Царю и Отечеству и вы причините русскому народу, а следовательно и всей России, неисправимое зло; научите тот же народ той же грамоте и дайте ему чтение развивающее и укрепляющее те духовные его качества, которыми в сущности держится вся великая Российская империя и вы сотворите великое благо...»²

Церковно-приходские библиотеки организовывались при монастырях, церквях, церковно-приходских школах, духовных учреждениях, благотворительных учреждениях духовных ведомств.

Основу библиотечного фонда составляли книги религиозно-нравственного содержания: учения православной церкви, нравственное учения, богослужения, историю церкви и т. д. Каждая библиотека включала в себе книги по всем отделам, библиотеки с малыми материальными средствами ограничивались только самыми доступными по ценам книгами.

Во Владимирской губернии на 1870 год библиотек при церквях числилось 135, в благочиннических округах 14. За 5 лет их численность возросла до 144, в благочиннических округах до 19, за 20 лет до 847, в благочиннических округах до 27, за 40 до 1020, в благочиннических округах до 60³.

Такой значительный рост числа церковных библиотек произошел благодаря просветительской деятельности Владимирского Александра Невского православного братства. Одним из направлений общества была просветительская и библиотечная деятельность. Согласно уставу они поддерживали церковно-приходские школы, следили за процессом обучения, снабжали учебной литературой. Вторым направлением деятельности братства было духовное просвещение взрослого населения епархии. Проводили устные беседы и чтения книг религиозно-нравственного просвещения, открывали библиотеки.

Так, в 1885 году в городе Киржач была открыта братством церковно-приходская библиотека. Она включала 11 отделов религиозно-нравственного и церковно-исторического содержания. Еще два отдела содержали светские книги и журналы нравственного направления. Общий фонд состоял из 385 томов. Среди посетителей библиотеки были лица духовного звания, военные, купцы, мещане, крестьяне, разночинцы⁴.

Известно, что в 1853 году помещик сельца Дорожаево Зименковской волости Ковровского уезда Андрей Иванович Чихачев (1798-1868) организовал при храме бесплатную библиотеку для сельских жителей. Основу фонда составили личные книги Чихачева. Кроме того, Андрей Иванович поместил статьи в газетах Санкт-Петербурга, Москвы и Владимира с призывами содействовать пополнению библиотеки. На просьбу Чихачева откликнулись редакторы 22 периодических изданий, которые стали бесплатно присылать в Зименковскую библиотеку экземпляры газет. По сведениям Т. Н. Головиной, свои собственные сочинения и книги других авторов прислали в Зименки историк барон М. А. Корф, автор народных рассказов А. Ф. Погосский, писатель-педагог К. Д. Ушинский, поэт-публицист М. П. Розенгейм, литературный критик графиня Е. В. Салиас-де-Гурнемир. Императрица Мария Алек-

сандровна прислала книгу «Кавказцы» (СПб, 1858). На лицевой стороне переплета надпись «Зименковской общественной безмездной библиотеке бесценный дар ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЫ в 1858 г.». Библиотека насчитывала более 2000 томов.

Духовно-учебные заведения имели библиотеки, которые обеспечивали учебный процесс и включали литературу для внеклассного чтения преподавателей и учащихся.

В 1816 году открывается Шуйское духовное училище. Начало библиотеке при училище было положено Владыкой Ксенофонтом, епископом Владимирским, который передал 16 книг из личной библиотеки. И купцы Киселевы пожертвовали для неё редкие духовные книги XVIII в. К 1875 году в училищной библиотеке числилось свыше 2000 названий книг⁵. А в 1912 году фундаментальная библиотека насчитывала уже 4146 томов, ученическая – 2626, для продажи – 171, безмездная – 246. В библиотеку поступало 22 периодических издания⁶. Подшивка газеты «Владимирские епархиальные ведомости» с первого года издания (1865) по момент закрытия училища в 1918 г., хранится в библиотеке Литературно-краеведческого музея Константина Бальмонта. За 100 лет из стен Шуйского духовного училища вышли многие известные светские и духовные лица: деятели культуры, медицины, образования⁷. Это Иван Васильевич Цветаев – профессор Московского университета, первый директор музея изящных искусств, отец Марины Цветаевой, архиепископ Савва (И. М. Тихомиров) – ректор Московской духовной семинарии, известный поэт Д. И. Семеновский, Е. Правдин, автор книги «Истории Шуйского Владимирской губернии, духовного училища, со времени основания его в 1816 г. по 1886 г.» (г. Владимир, 1887).

Таким образом, опыт работы церковно-приходских библиотек можно считать одним из ярких примеров просветительской деятельности духовенства среди малограмотного населения.

¹ ВЕВ № 5 1890г.

² Московские ведомости № 222, 1889.

³ Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора святейшего синода графа Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1870, 1880, 1890, 1914 гг. СПб.

⁴ Отчет о деятельности Владимирского православного Братства Александра Невского за 1885-86 год. Владимир, 1886, С. 105-107.

⁵ Истории Шуйского Владимирской губернии, духовного училища, со времени основания его в 1816г. по 1886г./Соест. Священник Евлампий Правдин. Владимир, 1887. С. 41.

⁶ Иванов Ю. А. Провинциальная культура и церковь. Шуя, 1994. С. 38.

⁷ Старовский Е. С. История Шуйского духовного училища (1816-1918). Иваново, 2000.

РОЛЬ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО СОСЛОВИЯ ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ В РАЗВИТИИ ЦЕРКОВНО-ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ во второй половине XIX – начале XX века*

Во второй половине XIX века в России, в связи с реформами 1860-70 гг., остро встал вопрос народного образования. Русская Православная Церковь деятельно подключилась к его решению устройством церковных школ. В результате в Российской империи в это время сложилась достаточно стройная система церковно-школьного образования. В 1884 г. были утверждены «Правила о церковно-приходских школах». Эти учебные заведения возглавлялись духовенством и были начальным звеном обучения грамоте. «Правила» определяли церковно-приходские школы как начальные училища, которые открывались православным духовенством с целью «... утверждать в народе православное учение веры и нравственности христианской и сообщать первоначальные полезные знания»¹.

«Правилами» предполагалась организация школ одноклассных с двухлетним и двухклассных с четырехлетним курсом обучения. В школах планировалось преподавание Закона Божьего, священной истории и объяснения богослужения, краткого катехизиса, молитв, церковного пения, чтения церковной и гражданской печати, а также обучение грамоте и начальным арифметическим сведениям. В двухклассных школах добавлялось преподавание начальных знаний из истории церкви и Отечества.

Церковные школы должны были находиться в тесной связи с приходской жизнью. Учащиеся были обязаны посещать богослужения в воскресные и праздничные дни, а способные ученики участвовать в церковном пении и чтении. Приходской священник должен был преподавать Закон Божий и наставление в правилах веры. Учителями должны были иметь образование, полученное в учебных заведениях ведомства православного исповедания. Надзор («наблюдение») за деятельностью церковных школ осуществлялся «наблюдателем», которого назначал правящий епископ. Наблюдатели ежегодно докладывали архиерею о состоянии церковно-приходских школ своего округа.

В первые годы после издания «Правил» развитие церковно-школьного образования во Владимирской губернии в целом шло довольно активно. Школы открывались почти повсеместно. Однако, несмотря на возросшую потребность в динамичное развитие, многие школы долгое время испытывали материальные трудности. «Правилами о ЦШ» 1884 г. определялось, что устройство и деятельность церковных школ возлагалось на приходское

* Работа выполнена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы

духовенство. Это сословие своим «безмездным трудом» внесло значительный вклад в развитие народного образования. Активную и деятельную поддержку в организации деятельности церковных школ духовенство получало со стороны предпринимательского сословия. Особенно это показательно на примере Владимирской губернии, занимавшей в то время в промышленном и торговом отношении среди прочих губерний Центральной части России передовые позиции.

Уже в первые годы после издания «Правил» церковно-приходские школы Владимирской губернии пользовались поддержкой со стороны предпринимательского сословия. Впоследствии роль основного покровителя церковного образования во Владимирской губернии возьмет на себя владимирское православное церковное братство Александра Невского, учрежденное в 1879 году. Известно, что еще до учреждения братства помощь от «частных лиц» получали пять церковных школ Владимирской губернии. Основные источники содержания церковных школ в это время разделялись на шесть групп:

1. Пособие от земства (его получали 5 школ);
2. Средства от Училищного совета (3 школы);
3. Помощь частных лиц (5 школ);
4. Помощь общества крестьян (1 школа);
5. Собственный капитал (его имела 1 школа);
6. «Безмездный труд церковнослужителей» благодаря которому существовала большая часть церковных школ в этот период².

Следует сказать, что провинциальные предприниматели были вообще отвыкли к просьбам о помощи учебным заведениям, но именно церковная школа стала для них особым объектом благотворительности. Основной акцент в церковно-приходских школах ставился на духовное просвещение и нравственное воспитание подрастающего поколения, потому провинциальные предприниматели, будучи религиозными людьми, видели в этой поддержке духовный смысл.

На устройство и содержание церковно-приходских школ предприниматели жертвовали значительные средства. В промышленном селе Кохма Шушского уезда такая школа содержалась купцами Ясониными, трагившими на нее в год 1 850 рублей. Купец, потомственный почетный гражданин И. Г. Федоровский открыл церковно-приходскую школу в здании, устроенном на собственные средства и обеспечил жильем, отоплением и жалованьем в 180 рублей в год учителя этой школы. В 1892 г. купец А. Блохин выстроил на свои средства (8000 рублей) дом для Николо-Пенской церковно-приходской школы³.

Александровский 2-ой гильдии купец М. И. Соколов будучи попечителем церковно-приходской школы при Погосте Троицком Александровского уезда Владимирской губернии построил для школы дом, который снабжал дровами для отопления, обеспечил её классной мебелью, приобрел за свой счёт учебники и учебные принадлежности. Всего на устройство и содержание

подобного учебного заведения купец Соколов израсходовал 2430 рублей 43 копейки⁴.

В крупнейшем промышленном центре губернии, Иваново-Вознесенске, церковно-приходская школа была выстроена и укомплектована потомственным почетным гражданином купцом Д. Г. Бурылиным, что обошлось ему в 3 500 рублей⁵.

Особое сочувствие предпринимательства церковной школе иногда становилось своеобразным выражением верноподданнических чувств. Так, память чудесного сохранения жизни государя императора и его августейшего семейства в железнодорожной катастрофе, случившейся 17 октября 1888 г., московский купец В. Н. Дедюхин, уроженец Владимирской губернии, отметил благотворительным пожертвованием на церковно-школьное образование. Он сделал пожертвования на сумму более 5000 рублей для строительства полукаменного дома при церковной школе в Вязниках. В этом доме во время учебных занятий могли жить дети, приходившие учиться из деревень (сироты и дети бедных родителей жили бесплатно, состоятельные – за небольшую плату). В память того же события юрьевский купец Н. А. Ганшин построил здания для церковно-приходской школы при Воскресенской церкви города Юрьева. Строительство обошлось в сумму более 2000 рублей.

Первая церковно-приходская школа в уездном городе Шуе Владимирской губернии была посвящена памяти того же события 17 октября 1888 года. Открытие состоялось в день тезоименитства государя императора 30 августа 1889 г. В устройстве принимали участие практически все крупные предприниматели города⁶. Особенно постарался в деле устройства школы староста Воскресенского собора купец М. А. Павлов. Для помещения школы он отремонтировал две комнаты в казенном доме, принадлежавшем Воскресенскому собору, оборудовал их мебелью, на что потратил более 350 рублей. Кроме того М. А. Павлов платил учителю квартирное пособие в размере 30 рублей в год.

Из крупных пожертвований на устройство шуйской церковно-приходской школы по подписке образовалась сумма в 4095 рублей. 12 человек шуйских предпринимателей собрали 690 рублей. Посылин Н. А. пожертвовал на школу 3000 рублей. 250 рублей прислали предприниматели из других мест. Купеческая жена С. А. Сорокина (урожденная Посылина) внесла капитал в сумме 3000 рублей на содержание школы.

Со временем предпринимательская поддержка распространялась не только на церковные школы, но и на заведение, готовившее преподавательские кадры для церковных школ – Владимирское епархиальное училище, действовавшее с 1865 г.

В 1878 г. владимирский почетный гражданин купец А. Н. Никитин пожертвовал 4 900 рублей на приобретение ещё одного здания и земельного участка в 3078 кв. сажень для Владимирского епархиального училища. В приобретенном доме разместились учебные классы, старый учебный корпус

был отдан под жилые помещения, в нем расположили квартиры начальницы, эконома, столовая и спальни воспитанниц⁷.

Как правило, предприниматели не только открывали школы на свои средства, но и старались материально обеспечить их дальнейшую деятельность. Так, шуйский купец А. О. Блохин по своему завещанию оставил в собственности церкви села Спас-Юрцова Ковровского уезда пустошь «Стулово» в сорок десятин. Доход с земли должен был идти на содержание выстроенной Блохиным в том же селе церковно-приходской школы⁸.

Большинство предпринимателей отдавали предпочтение в благотворительности именно церковной школе. Примером тому может послужить история, произошедшая с московским купцом 2-ой гильдии Я. В. Шиловым, уроженцем Владимирской губернии. В 1887 г. он пожертвовал дом и 8000 рублей на содержание учреждавшегося им начального народного училища в г. Покрове Владимирской губернии. Получив на пожертвование разрешение министра народного просвещения, Шилов передумал и решил передать деньги не на светскую, а на церковно-приходскую школу. По этому предлогу было проведено расследование. Об итогах расследования директор народных училищ Владимирской губернии В. Н. Екимецкий управляющему Московским учебным округом сообщал, что в Покровском уезде Владимирской губернии неизвестные лица активно агитировали в пользу открытия церковно-приходских школ и преобразования в них уже существовавших земских училищ. Они рассылали брошюру «О духовном торжестве освящения и открытия церковно-приходских школ в городе Богородске», где в непривлекательном виде представлялась народная школа, находившаяся в ведении Министерства народного просвещения. По мнению В. Н. Екимецкого, купец Я. В. Шилов, очевидно, под влиянием подобных устных и печатных внушений, пожелал преподаваемое им училище сделать церковно-приходским. Это решение было вызвано желанием не содействовать «пагубному направлению», существовавшему будто бы в школах Министерства народного просвещения⁹. Через некоторое время предприниматель В. Я. Шилов получил внесенную на пожертвование сумму обратно, а впоследствии потратил её на открытие церковно-приходской школы.

Во Владимирской губернии существовали церковно-приходские школы для детей-инвалидов. Эти школы так же пользовались поддержкой предпринимателей. В 1892 г. в Вязниках открылась церковно-приходская школа для глухонемых детей. Первоначально в ней обучалось 7 мальчиков и 2 девочки. 29 ноября 1898 г. состоялось освящение нового здания этой школы. Святейший Синод благословил принимать в неё для обучения детей-инвалидов не только из Владимирской губернии, но и со всей России. Содержалась школа на проценты с капиталов в размере 15 000 рублей, пожертвованных московским купцом В. Н. Дедюхиным и его супругой. По образцу вязниковской школы позднее были открыты подобные учебные заведения для глухонемых детей в Киевской и Костромской губерниях¹⁰.

Было бы неверно говорить о том, что церковная школа имела безусловное преимущество в благотворительности, оказываемой предпринимателями перед другими учебными заведениями. Так, в начале XX в. наблюдалось значительное уменьшение частных денежных вкладов на церковно-приходские школы по сравнению с земскими. К примеру, в 1901 г. объем частных пожертвований составил: 123 697 рублей на земские школы и 113 890 рублей на церковно-приходские. В 1914 г. на земские учебные заведения было пожертвовано 337 243 рублей, а на церковно-приходские школы только 40 266 рублей¹¹.

В деле устройства и функционирования церковно-приходских школ, решавших задачи народного просвещения, важное значение имела совместная деятельность представителей духовного и предпринимательского сословия. Если представители духовного сословия главным образом брали на себя задачи исполнительские, связанные с организацией и устройством школ, то предприниматели, располагавшие денежными средствами, решали финансово-материальные вопросы. Они обустроили новые учебные заведения и оказывали регулярную благотворительную помощь уже существующим.

¹ ВЕВ. 1886. № 16. С. 383.

² Краткий очерк развития церковно-приходских школ во Владимирской епархии // ВЕВ. 1887. № 3. С. 55.

³ Всеподанный отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1892-93 год. - СПб. Синодальная типография. С. 537.

⁴ ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Д. 3408. Л. 22.

⁵ ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Д. 4633. Л. 6, 8.

⁶ Историческая записка о деятельности братства Святого Благочестивого Великого Князя Александра Невского // Владимирские епархиальные ведомости. 1889. № 23. С. 758.

⁷ ВГВ 1900. № 12.

⁸ ГАИО. Ф. 369. Оп. 1. Д. 1588. Л. 1.

⁹ ГАВО. Ф. 449. Оп. 1. Д. 131. Л. 14.

¹⁰ Красникова Т. А. Школьный городок (Из жизни Ярополческих школ Вязниковского уезда Владимирской губернии в конце XIX - начале XX вв.) // Рождественский сборник. Ковров. 2008. Вып. XV. С. 172.

¹¹ Обзор Владимирской губернии за 1914 год. Владимир. 1915. С. 42.

Н. Н. ЗУБКОВА
(г. Шуя)

МИХАИЛ АЛЕКСЕЕВИЧ ПАВЛОВ – ПОПЕЧИТЕЛЬ ЦЕРКОВНО-ШКОЛЬНОГО ДЕЛА*

Жителям современной Шуи хорошо известно имя могучего промышленника конца XIX – начала XX века 1-й гильдии купца потомственного почетного гражданина фабриканта Михаила Алексеевича Павлова. До революции его капитал оценивался десятками миллионами рублей. М. А. Павлов был

* Работа выполнена в рамках ФЦП «Наука и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы.

большим знатоком торгового дела, с 1885 года владел ситцевой фабрикой в Шуе. Павлов, благодаря своему фантастическому капиталу, имел всестороннее влияние на жизнь города. Он выполнял обязанности почетного мирового судьи Шуйского округа, являлся гласным Шуйской городской думы¹. Не менее значимой была его попечительская и благотворительная деятельность, прежде всего в культурно-попечительской сфере.

Общезвестно, что Павлов в Шуе покровительствовал мужской классической гимназии, став с 1893 года её почетным попечителем. Находясь на этой должности, он сумел построить при гимназии церковь во имя святителя Николая чудотворца².

Но Павлов был меценатом и попечителем училищного дела не только в Шуе. Поддержкой и вниманием пользовались церковно-учебные заведения его малой родины – деревни Седельницы Нерехтского уезда Костромской губернии. В 1890 году Павлов стал попечителем Седельницкой одноклассной церковно-приходской школы. В течение многих лет он всецело на собственные средства содержал эту школу. В 1898 году за устройство и семилетнее содержание Седельницкой церковно-приходской школы М. А. Павлов по представлению Костромского епархиального училищного совета награжден орденом Святой Анны 3 степени³.

При поддержке Павлова в 1896 году в Седельницах открывается мужская второклассная церковно-приходская школа, которая готовила учителей школ грамот. Для устройства этого учебного заведения фабрикант пожертвовал два каменных одноэтажных дома. Там находились классы, общежития и учительские квартиры. Попечителем, как свидетельствуют отчеты, была введена часть обстановки для общежития, пожертвованы книги, устроены некоторые надворные постройки, произведены расходы на отопление и прочее⁴.

Торжество открытия состоялось 1 октября 1896 года. В этот день после литургии заведующим школой священником Соловьевым в большой классной комнате школы совершен был чин водоосвящения и молебен перед учением. Присутствовали епархиальный наблюдатель Н. Поспелов, некоторые приглашенные попечителем лица, учащиеся и крестьяне, большей частью родители учеников. Епархиальный наблюдатель от лица детей и их родителей выразил попечителю благодарность за его заботы о школе. Крестьяне Седельницкого общества поднесли попечителю икону Михаила Малеина с надписью: «М. А. Павлову от признательных крестьян Седельницкого общества». Крестьяне деревни Юрцына поднесли М. А. Павлову книгу Фарара «Жизнь Иисуса Христа» с подобною же надписью⁵.

Михаил Алексеевич заботился о хорошем обеспечении школы, содержал на свои средства учеников, «требуя лишь от каждого ученика 1 пуд ржаной муки»⁶.

Благодаря финансовой поддержке Павлова Седельницкая второклассная школа имела собственную ремесленную мастерскую. Надо заметить, что подобными учебными кабинетами могли похвастаться не все церковные учительские школы. Мастерская помещалась в обширном каменном здании, по-

строенном близ школы специально для ремесленных занятий на средства попечителя школы. Мастерская имела два отделения – столярное и токарное. Во втором для выполнения необходимых работ находились токарный станок с ножным и ручным приводами – подарок щедрого попечителя⁷. Столярно-токарное мастерство ученикам преподавал опытный мастер, который кроме жалования (180 рублей в год) получал наградные от попечителя школы. Содержание мастерской требовало огромных материальных затрат, в том числе и на приобретение необходимых для работ материалов. Частично расходы покрывались за счет средств Училищного Совета при Св. Синоде, но этого было недостаточно, а потому финансовое бремя нес опять же попечитель школы.

Павлов был почетным гостем на праздничных мероприятиях, которые проводились в школе. В частности, 27 ноября 1897 года Михаил Алексеевич присутствовал на празднике Знамения Божией Матери. Дети встретили попечителя в обширной классной комнате. Попечитель школы, прибывшие с ним лица, интересующиеся школой, и епархиальный наблюдатель слушали пение смешанного школьного хора. Попечитель школы присутствовал за обедом учеников, живущих в общежитии. В ходе торжеств Павлов интересовался бытом школы, осматривал классы и спальни⁸.

Еще одним щедрым подарком Павлова как для учащихся школы, так и для местного населения стал Храм Христа Спасителя (Спасская церковь), построенный в 1910 году⁹.

Покровительствовать церковно-школьному делу Павлов продолжал до самой смерти в 1915 году. Уроженец деревни Седельницы был похоронен в Шуе на Троицком кладбище. На малой родине своеобразным памятником его заслуг стала церковная школа, которая пережила своего покровителя лишь на несколько лет.

¹ Сурин Г. И. Слово о Шуе. – Иваново, 2005. С. 62-65.

² Костромские епархиальные ведомости. 1897. № 3. С. 71.

³ Там же. 1898. № 10. С. 332.

⁴ Отчет о состоянии церковных школ костромской епархии в 1900 году. Кострома, 1902. С. 21-22.

⁵ Костромские епархиальные ведомости. 1897. № 3. С. 71.

⁶ Отчет о состоянии церковных школ костромской епархии в 1900 году. Кострома, 1902. С. 13.

⁷ Костромские епархиальные ведомости. 1898. № 23. С. 742.

⁸ Там же. № 1. С. 23.

⁹ Из книги «Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Ивановская область. Часть 2», М.: Наука, 2000. С. 550-551.

Т. Ю. ГРИГА
(г. Шуя)

ШУЙСКИЕ ГИМНАЗИИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

Слово «гимназия» произошло от древнегреческого *gymnasion*, и сначала так назывались места для занятий гимнастикой, а потом – античные школы, где юноши обучались основам наук вкупе с физическими упражнениями, согласно древней мудрости: «В здоровом теле – здоровый дух». В Европе

установилось традиционное понятие гимназии как классического учебного заведения, где готовили к поступлению в университет и преподавали древние языки: латынь и греческий. В России первые гимназии появились в XVIII веке, когда государству остро потребовалось светское образование, необходимое для службы. Особенностью русской школы считается ее государствен- ный характер: гимназии развивались под сугубым покровительством государства, заинтересованного как в воспитании будущих граждан, так и в подготовке грамотных служебных кадров. И неслучайно, что первая русская гимназия появилась в эпоху Петра I. В 1864 году в России был принят устав, утвердивший равенство приема всех сословий и запретивший телесные наказания, он окончательно разделил казенные гимназии на классические и реальные, а классические – на те, где преподавались два древних языка, и те, где давался только один. Теперь только классические гимназии готовили в университет, кратко преподавая естественную историю, а в реальных гимназиях углубленно преподавали точные и естественные науки, готовя специалистов для промышленности и торговли или к поступлению в соответствующие высшие училища, не требующие знания древних языков. Общими для обоих типов гимназий оставались закон Божий, история, русский язык, география, преподаваемые в одинаковом объеме. Были учреждены также прогимназии, а в 60-х гг. XIX века возникают женские гимназии. Однако в 1871 году министерством просвещения графом Д. А. Толстым был принят новый устав, предполагающий, что статус гимназии огненные принадлежал только классической с преподаванием древних языков. Реальные гимназии лишились своего звания и были переименованы в реальные училища.

В 1870 г. женские училища были переименованы в гимназии и прогимназии. Они предназначались для девочек всех сословий и вероисповеданий и состояли из подготовительного, семи основных классов, 8-го педагогического. Первые 3 класса (иногда и больше) составляли прогимназию и могли существовать как самостоятельное учебное заведение. Курс обучения в женских гимназиях Министерства народного просвещения был ниже, чем в мужских гимназиях. Окончившим 7 классов выдавали аттестат на звание учительницы начальной школы, окончившим 8 классов – домашней учительницы, а получившим при этом медаль – домашней наставницы. Окончание 8-го класса открывало доступ на Высшие женские курсы без экзамена. Все женские гимназии Министерства народного просвещения были платными. В 1880 г. в России было 79 гимназий и 164 прогимназии; к 1909 число женских гимназий и прогимназий составило 958¹.

Февральская революция 1917 года подвела черту под гимназическим образованием в России.

Несмотря на довольно скромное число учебных заведений данных типов в Российской империи, город Шуя в этом отношении находился далеко не на последнем месте. В 1912 году в Шуе имелись следующие учебные заведения: Шуйское городское четырехклассное училище, 2 приходских (первое и второе), 2 женских (первое и второе), 2 земских (первое и второе), духовное

В 1900 году в гимназии обучалась 241 ученица (а в 1890 – 130 учениц)⁶.

Первой начальницей женской гимназии была О. Ф. Коленко. Педагогический персонал женской гимназии в 1913 году был следующим: Лаврова В. И. (география), Стовичек М. В. (языки), Стовичек В. И. (председатель педсовета), отец Павел Светозаров (законоучитель), Рогозинников Е. И. (география), Павлова А. В. (арифметика), Кохомский И. В. (русский язык), Сакулинская З. И. (классная дама), Якиманская А. Н. (классная дама), Любимова Г. Е. (классная дама), Тарасов М. И. (пение), Скороспелова А. Н. (математика), Ивановская А. И. (история), Нессеменова А. М. (классная дама), Тихомирова Е. Н. (классная дама), Шеннин С. И., Катураев Ф. А. (чистописание, рисование)⁷.

В 1917 году 1 марта в здании женской гимназии состоялось историческое собрание гласных, рабочих и солдат, на котором было объявлено о государственном перевороте в стране.

История учреждения в Шуе четырехклассной мужской гимназии начинается лишь в 1873 году. Спустя 3 года она была преобразована в шестиклассную прогимназию, а с 30 декабря 1888 г. стала полной восьмиклассной гимназией.

Здание гимназии было построено в 1877 году, причем в качестве рабочей силы на каменной кладке были использованы военнопленные турки. Землю купили в 1876 году у городского головы В. А. Калужского за 5 тысяч рублей. Председателем строительного комитета по устройству здания был И. И. Попов, он же был с 1880 года и почетным попечителем гимназии. С 15 января 1893 года попечителем стал М. А. Павлов. На устройство здания под гимназию было потрачено 80 тысяч рублей. «30 тысяч рублей на этот предмет пожертвовало земство, 20 тысяч – город, а остальные 30 тысяч рублей – частные благотворители»⁸. В числе благотворителей были И. И. Попов, А. О. Калужская, И. М. Терентьев, А. А. и С. М. Посылины, В. С. Каретников, А. В. Щеколдин, И. А. Кононов, А. Я. Балин и др. 12 августа 1879 года гимназию посетил Министр финансов и остался вполне доволен новым зданием, сказав, что «таких зданий, занимаемых гимназиями, немного встретишь и в столицах»⁹. Здание было построено двухэтажное, занимало 23 сажени в длину. Но как считали современники, у него был один существенный недостаток – «не было в нем или при нем Храма Божия, в котором могли воспитанники возносить свои молитвы»¹⁰. Храм строили в течение трех лет, и к 17 сентября 1900 года все работы по строительству были завершены.

Учебные занятия в новом здании начались с 1879 года, до этого они происходили в помещении на Миллионной улице. Необходимо подчеркнуть, что в городе Ивановове подобная мужская гимназия была открыта лишь 2 июля 1911 года.

Среди директоров гимназии были: Рогозинников Илья Ильич (до 1883 г.), Ситарский Андрей Иванович (до 1904г.), Невзоров Геннадий Никанорович (1904-1905), Стовичек Викторин Иванович (до 1913 г.), Соколов

училище, мужская гимназия и две женских гимназии (казенная и частная). Однако история гимназического образования в городе Шуе восходит еще к 60 годам XIX столетия.

Именно женскому образованию было суждено положить начало дальнейшему развитию в Шуе гимназических образовательных учреждений. Шуйская женская гимназия была основана в 1860 году как женское училище, потом преобразована в четырехклассную прогимназию. В 1873 году по ходатайству городского общества училище было преобразовано в прогимназию, а в 1877 – в семиклассную гимназию, в 1880 году – в восьмиклассную.

До 1880 года гимназия помещалась в Гостином Дворе в Цветковской школе, «на шумной базарной площади, в торговых рядах, над лавками»². В первый год после открытия было 78 учащихся девочек. До 1860 года девочки из небогатых семей учились «за небольшую плату чтения, письму, Закону Божьему, счетоводству и начальным правилам русского правописания у городских диаконов, причетников и старых девиц духовного звания в их собственных домах»³. Богатые семьи приглашали к себе на дом для занятий с детьми учителей духовного и уездного училищ, священников, а некоторые семьи имели гувернанток.

Занимаемая гимназией местность не являлась удобной для обучения, поэтому было принято решение либо построить новый дом, либо купить готовый. Здание было куплено городом в 1879 году у дочерей Ивана Диомидовича Киселева – Татьяны Ивановны и Анны Ивановны со всей земли и со многими надворными каменными и деревянными корпусами за 25000 рублей. Купленное здание требовало капитального ремонта, проходившего в течение года. Ремонтные работы обошлись городу в 20000 рублей. Задняя половина нижнего этажа предназначалась для сиротского приюта «бедных мальчиков и девочек». Приют был устроен «в память чудесного избавления Государя Императора от угрожавшей ему опасности в зимнем дворце 5 февраля 1880 года»⁴. На содержание приюта городскими властями было выделено 9000 рублей⁵.

Гимназия была освящена и открыта 1 октября 1880 года. В женской гимназии не было даже электрического освещения. Имелись лишь керосиновые лампы на всякий случай. В 1907 году в Шуе появилось электрическое освещение, причем городская электростанция помещалась во дворе здания гимназии. В мезонине здания находились рисовальный класс. Эта комната примечательна тем, что в ней будущи наследником ночевал одну ночь император Александр II вместе с поэтом Жуковским. На мраморной доске была надпись: «Царь-Освободитель император Александр Николаевич, в бытность наследником престола, освятил 12 мая 1837 года своим высоким посещением г. Шую и имел пребывание в сем здании». Именно Иван Диомидович Киселев встретил Императора хлебом-солью и удостоился пожалования бриллиантовым перстнем. Торжества по случаю переименования женской гимназии в гимназию имени Александра Второго состоялись в 1912 году. Занятия в женской гимназии проходили (как и в мужской) в одну смену.

Владимир Александрович (до 1917 г.). Педагогический состав мужской гимназии в 1913 г. включал в себя небезывестных в городе людей: А. П. Стельмаховича, А. А. Гелкера, В. А. Водарского, директора В. И. Стовечика, инспектора Т. Ф. Кудрявцева, М. В. Сперанского, С. И. Шевнина, доктора А. К. Звездина, И. Е. Чернышова, А. Н. Овсянникова, Т. И. Омелянского, Н. Н. Рябцева, С. С. Чикирова, М. И. Тарасова и И. И. Кулемина¹¹.

Гимназия часто устраивала праздники «древонасаждения». Неоднократно организовывались экскурсии по разным местам. Существовала особая комиссия по организации и проведению экскурсий, которая издавала по каждой проведенной экскурсии печатные отчеты.

Наряду с государственными гимназиями в 1910 году в Шуе была открыта частная гимназия Змигродской и Пестрово. Председателем педсовета был вышеупомянутый В. А. Водарский, а председателем попечительского совета был купец Коковин. В 1916 году гимназия насчитывала 297 учащихся. Плата за обучение в подготовительном классе составляла 50 рублей, в 1-7 классах – 60 рублей, в 8 – 100 рублей. Педагогами в частной гимназии были: А. Ф. Александрова (языки), В. А. Водарский (председатель педсовета, русский язык), В. Н. Пестрово, отец Дмитрий Грамматин (законоучитель), М. Ф. Метельская¹².

Итак, начиная с 1860 года до 1917 года, в городе Шуе активно развивалось гимназическое образование, особенностью которого явилось первоначальное учреждение женской, а впоследствии уже открытие мужской гимназии. Факт существования частной гимназии также является показателем высокого уровня развития образования в городе Шуе дореволюционного периода.

¹ Мельник Е. Н. Школы в России в 70-90-х годах XIX в. // Очерки по истории педагогики / Под ред. Н. А. Константинова. - М., 1952. С. 67.

² ВЕВ. 1880. №22. С. 693.

³ Там же. С. 694.

⁴ Там же. С. 697.

⁵ Там же.

⁶ ВЕВ. 1880. №23. С. 706.

⁷ ВЕВ. 1880. № 22. С. 694.

⁸ ВЕВ. 1879. № 18. С. 490.

⁹ Там же. С. 491.

¹⁰ ВЕВ. 1900. № 21. С. 706.

¹¹ ВЕВ. 1900. № 20. С. 690.

¹² Город Шуя и Шуйский округ / Сост. В. Рыжов. Шуя, 1930. С. 294.

СИСТЕМА ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В ШКОЛЕ

в 20-е гг. XX века
(НА ПРИМЕРЕ ШКОЛ ШУЙСКОГО УЕЗДА
ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Обострение политических противоречий в стране в 20-е годы требовало переосмысления сущности целого ряда понятий в системе образования, пересмотра содержания, методов и средств учебной, методической и воспитательной работы в школе. Так, определяя основные задачи воспитания подрастающего поколения, новое советское государство говорило о необходимости соединения политического воспитания с разносторонней культурно-массовой работой, о необходимости полного удовлетворения индивидуальных интересов и потребностей в разных видах деятельности.

Поэтому не случайно одной из существенных задач трудовой школы в 20-е годы явилась задача физического воспитания учащихся: укрепление здоровья и закалывание организма, правильное физическое развитие, выработка двигательных умений и навыков, необходимых в трудовой деятельности. В основу физической культуры должны быть положены: гигиена и трудовые процессы в основе движений, доступных каждой возрастной группе в соответствии с ее анатомо-физиологическими особенностями. Письмо Наркома проса «О проведении физического воспитания в школах I ступени» следующим образом определило задачи каждого педагога:

- 1) забота о гигиене помещений,
- 2) забота о личной гигиене каждого школьника,
- 3) забота о нормальном режиме питания,
- 4) забота о рациональном использовании сил природы.

Центральным местом проведения занятий по физической культуре в школе должна стать площадка на открытом воздухе, где учащиеся под руководством учителей могли бы выполнять часть школьной работы, проводить игры. Но большинство учебных учреждений специально отведенных мест не имело, а игры проводились либо на территории школьного двора, либо в школьных коридорах, если позволяла площадь.

Примерный учебный план для школ I ступени по программам губсоцвоса за 1923 год на физическое воспитание выделял:

- 1 группа – 6 часов в неделю (игры, прогулки и прочее),
- 2 группа – 4 часа,
- 3 и 4 группы – 3 часа.

Согласно отчету о работе Шуйской 3 Советской школы I ступени за 1922-23 учебный год, физическое воспитание осуществлялось в форме подвижных игр на переменах, которыми руководил дежурный школьный работник¹. В 6 Советской школе I ступени оно также проводилось в форме общешкольных игр на переменах, а в I группе, согласно школьному учебному пла-

ну, физическим занятиям отводилось 2 часа в неделю. Ими руководила школьная работница этой же группы².

Педагогические работники Шуйской 2 Советской трудовой школы I ступени на собрании школьного коллектива 10 февраля 1924 года приняли «к сведению ... инструкцию [о физическом воспитании] и по возможности соблюдать чистоту в виде уборки в классах или поддерживать чистоту в школьном здании. Проводить классные комнаты. Устраивать на свежем воздухе игры, прогулки и экскурсии, сообщать учащимся сведения по гигиене и санит (далее неразборчиво), привлекая их к активности через органы самоуправления»³.

Еще одной мерой по сохранению здоровья учащихся стало создание санитарных комиссий (врач и 2-3 ученика) и в некоторых школах города появление должности инструктора по физическому воспитанию.

Однако состояние работы по физическому воспитанию в школе вызвало законное беспокойство Наркомпроса. В отчете Главоцпвса за 1927 год отмечалось, что «в отношении физического воспитания имеем неблагоприятное состояние по разным причинам, из которых неподготовленность учителя занимает первое место»⁴, а далее — недостаточность оборудования школьных зданий, непонимание задач физического воспитания родителями учащихся, которые на физкультуру в большинстве случаев смотрят как на «ножные и ручные выкручивания»⁵.

Осуществлению физического воспитания учащихся мешал еще целый ряд факторов: двухсменность и трехсменность занятий, отсутствие медицинского осмотра с антропометрическими измерениями учащихся, необходимость рациональной постановки физкультуры; игр, заданий по гигиеническим навыкам (заполнение анкет условий и обстановки сна, самоучета выполненных заданий по мытью рук, ног, лица, перед сном и т. д. (Приложение 1).

Только четко проводимая система мер могла решить поставленные задачи. Среди них большинство педагогов как города Шуи, так и всей страны выделяли следующие: физическая культура должна проводиться по строго выработанному плану, включать обязательный медицинский осмотр учащихся, игры, задания; вовлекать учащихся в выполнение заданий по привитию санитарно-гигиенических навыков путем создания санитарных троек и санитарных комиссий; проводить беседы на санитарно-гигиенические темы с родителями с привлечением участковых или школьно-санитарных врачей, организовывать недели охраны здоровья детей.

К концу 1920-х гг. в практике школы отчетливо стала намечаться линия подъема всей работы по физическому воспитанию детей, так как оно представляло собой неотъемлемую часть воспитания молодого поколения и являлось важным условием самореализации человека в новом обществе.

¹ Отчет о работе Шуйской 3 Советской школы I ступени за 1922-23 учебный год. МУ АГОШ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 8. Л. 3.

² Отчет о работе Шуйской 6 Советской школы I ступени за 1923-24 учебный год. МУ АГОШ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 18. Л. 3.

³ МУ АГОШ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 6. Л. 3.

⁴ Королев Ф. Ф. и др. Обзор по истории советской школы и педагогики (1917-1927). М., 1981. С. 317.

⁵ Итоги губернских конференций школ I и II ступеней за I полугодие 1923-24 гг. в Ярославской области, Иваново-Вознесенск, 1926. С. 18.

⁶ Там же. С. 37.

Анкета №1 Условия и обстановка сна

1. Фамилия, имя, отчество
2. Имеет ли кровать.
3. Спит ли один, вдвоем.
4. Спит на полу (сколько человек)
5. Спит на печке
6. Спит на простыне (нет, да)
7. Чем покрывается
8. Спит в одежде или белье
9. Сколько человек спит в комнате
10. Кубатура помещения (где спит)
11. Светлая площадь
12. Температура спального места
13. Когда ложиться и вставать
14. Спишь ли больше в выходные дни
15. Где и как спит кровать
16. Дополнительные сведения

Анкета №2

Санитарно-гигиенического самообслуживания

1. Моются ли руки утром (с мылом, без мыла)
2. Перед едой (с мылом, без мыла)
3. После еды (с мылом, без мыла)
4. Перед сном (с мылом, без мыла)
5. После работы (с мылом, без мыла)
6. Моются ли ноги утром (с мылом, без мыла)
7. Перед сном (с мылом, без мыла)
8. Моются ли лицо перед сном (с мылом, без мыла)
9. Какая вода употребляется для мытья (холодная, теплая)
10. При мытье лица обмываются ли уши
11. Обмывается ли при мытье лица верхняя часть туловища и обмывается ли при этом шея, обтирается ли под мышками.
12. Чистятся ли зубы (утром, перед сном)
13. Полощется ли рот (утром, после еды, перед сном)
14. Промывается ли нос
15. Часто ли моется голова
16. Остригаются ли своевременно волосы, ногти (на пальцах рук, ног)
17. Дополнительные сведения.

СОДЕРЖАНИЕ

ШУЙСКАЯ СТАРИНА

• Макарьянц Б. Л.	Краткий обзор рукописных источников Сказания о Шуйской иконе Богородицы . . .	3
• Бутрин Е. С.	Борьба за землю: вооруженные конфликты в Шуйском уезде в XVII веке	13
• Балдин К. Е.	Новые данные о шуйских купцах Киселе- вых в дневниках ростовского купца М. И. Морокуева	18
• Жиркова И. А., Пустовойт Ю. В., Сапсай П. Н.	Киселевская больница: страницы истории . .	22
• Цикулина Н. В.	Шуйские 1-й гильдии купцы Ясониинские в рассказах земляков	25
• Монякова О. А.	Шуйское духовное училище в контексте духовно-учебной реформы 1867 года	32
• Ставровский Е. С.	От шуйского мещанского сына до государ- ственного преступника (К биографии С. Г. Нечаева)	37
• Листопадов Д. Ю.	Детские лагеря в Шуйском уезде в начале XX века	41
• Батырева Л. П.	«Почему большинство крестьянской массы в колхозы нейдут?» (Протокол одного соб- рания)	45
• Потанин С. В.	Дело о том, как крестьяне села Алферьево батюшке обиды чинили	49
• Черемушкин И. Ю.	Андрей Петрович Хметевской — жизнь во блага (180 лет назад ликвидирована эпи- демия холеры в селе Тейково)	51
• Рукавишников М. В.	Повседневный быт уездного дворянства . .	55

• Евстратов А. И.	Благотворительность российских купце- в в середине XIX — начале XX века	59
• Репина Н. В.	Церковная благотворительность в России в середине XIX — начале XX века	64
• Новичкова Н. Ю.	Быт провинциальной поварихи в конце XIX — начале XX века	74
• Орншака Е. В.	Записки сына земского врача села Косово Венямина Петровича Федосова	77
• Гулидов А. Ю.	Реалии принудительного призыва нацисто в годы Первой мировой войны (по материалам Владимирской губернии)	81
• Мотыгина И. Н.	Участие ивановских купцов в купеческом ском соревновании	86
• Касаткина С. В.	«Здесь будет город слав» (Нарекания и реальность развития провинциального го- рода в 1930-е годы)	90

ЗАПИСКИ ПРОВИНЦИАЛОН: ВЕК XX

• Зяблова С. А.	Палехская миниатюра как часть духовной культуры русского народа	96
• Максимов К. С., Колпакова Е. О.	Затерянный госпиталь Шуи: рамки функ- ционирования	100
• Каргапольцев С. В.	Зоотехник Михаил Плаксин	106

ИСТОРИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ

(в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические
кадры инновационной России» на 2009–2013 гг.)

• Красницкая Т. А.	Система управления церковными школами в последней трети XIX — начале XX века (на примере Шуйского уезда Владимирской гу- бернии)	108
• Бауэр И. А.	Федоровско-Сергиевское православное	

братство Костромской губернии (религиозно-просветительский аспект деятельности) ... 112

• Гладкова В. А.	Роль церковно-приходских библиотек в деле народного просвещения в конце XIX – начале XX века (на примере Владимирской губернии)	117
------------------	---	-----

• Добычина Т. А.	Роль предпринимательского сословия Владимирской губернии в развитии церковно-школьного образования во 2-й половине XIX – начале XX века	120
------------------	---	-----

• Зубкова Н.	М. А. Павлов – почитатель церковно-школьного дела	124
--------------	---	-----

• Грига Т. Ю.	Гимназии г. Шуи в дореволюционный период	126
---------------	--	-----

• Озеркова Е. А.	Система физического воспитания в школе в 20-е годы XX века (на примере школ Шуйского уезда)	131
------------------	---	-----

НАШ АНОНС

Уважаемые коллеги!

Шуйский государственный педагогический университет и Историко-краеведческий музей Константина Балашова приглашают Вас принять участие в Чтениях по региональной казуальной истории «Уездная старина».

Мы ждем от Вас материалов, связанных с историей Шуи и Шуйского уезда как в границах Владимирской губернии, так и в границах Ивановского района Ивановской области в период с конца XVIII века до 20-х годов XX века. Нам интересуют сообщения о любопытных фактах,逸事, событиях (возможно, анекдотических, но достоверных), биографических материалах и забытых незаурядных людях.

Нам интересны аналогичные материалы об уездной жизни во Владимирской, Костромской, Нижегородской и Ярославской губерниях в уездный период.

Ждем от шуян документальных свидетельств о жизни в городе в прошедшем XX веке.

Научное издание

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ АНЕКДОТ

Чтения по региональной казуальной истории
Выпуск восьмой

Научный редактор — Ю. А. Иванов

Технические редакторы: — Е. В. Ставровская, Л. П. Батырева

Подписано к печати 26.04.2011 г. Формат 60х84/16.
Бумага ксероксная. Печать ризография. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. листов 9,1. Тираж 300 экз. Заказ № 3223.

Издательство ФГБОУ ВПО «ШГПУ»
155908, г. Шуя Ивановской области, ул. Кооперативная, 24
Телефон (49351) 4-65-94

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВПО
«Шуйский государственный педагогический университет»
155908, г. Шуя Ивановской области, ул. Кооперативная, 24